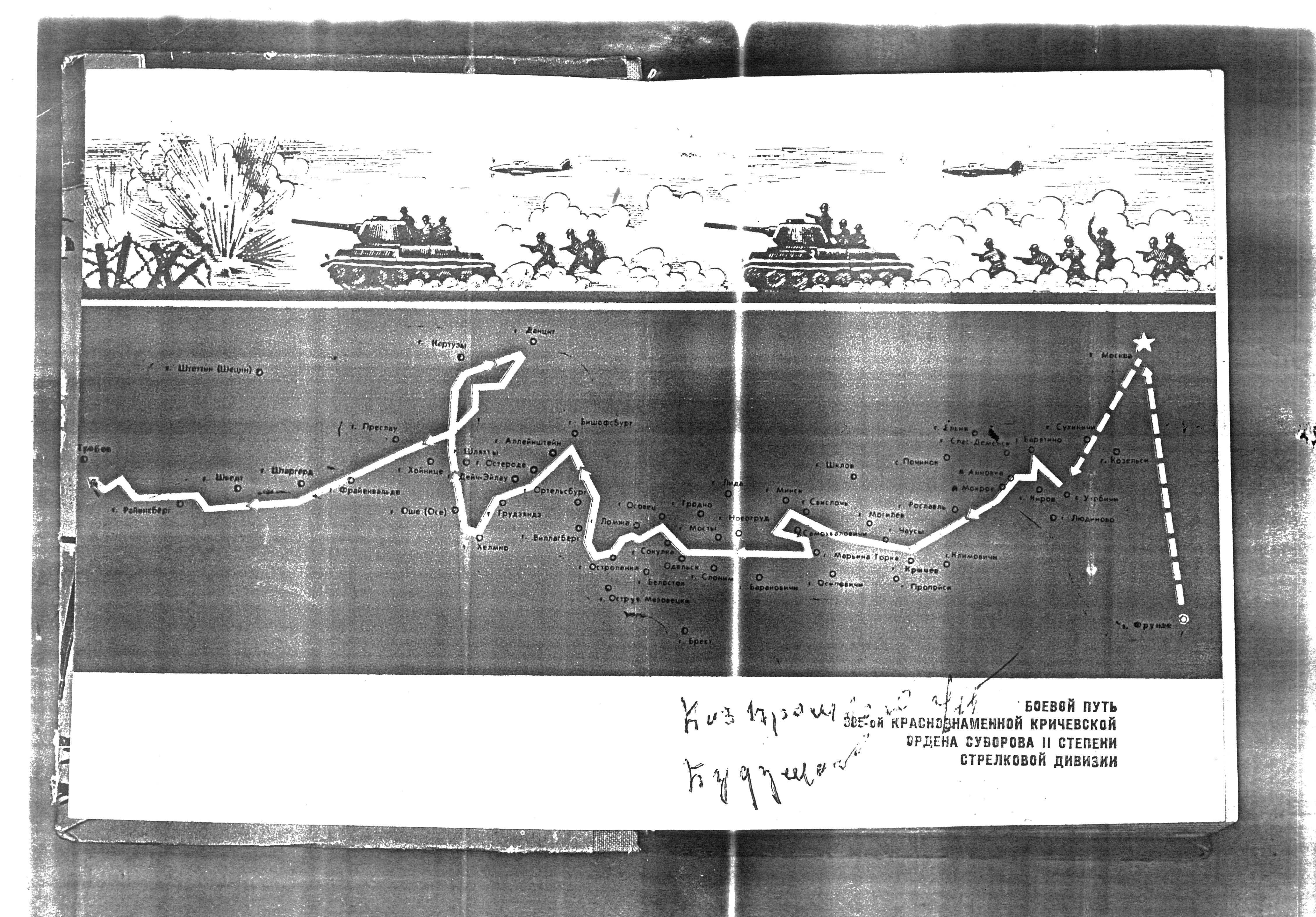
В. ДЕЕВ, Р. ПЕТРЕНКО

ПРОСТРЕЛЕННЫЕ КИЛОМЕТРЫ

(документальная повесть)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КЫРГЫЗСТАН“
ФРУНЗЕ—1973

БОЕВОЙ ПУТЬ
305-ой КРАСНОЗНАМЕННОЙ КРИЧЕВСКОЙ
ОРДЕНА СУВОРОВА II СТЕПЕНИ
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Д $\frac{1122-2}{М 451 (17)-73}$ 45—73

Р 2
Д—26

Деев В., Петренко Р.

Д—26 Простреленные километры. Докум. повесть. Ф., «Кыргызстан», 1973.

192 с. с ил.

17 см. 12 000 экз. 39 к. В пер.

Герои этой книги — люди от земли, от станка, ставшие в годы войны стрелками, артиллеристами, разведчиками. Среди них кто-то найдет своего товарища, отца, быть может, себя: ведь повесть документальная, она рассказывает о воинах 385 Кричевской стрелковой дивизии, которая формировалась в грозный 1941 год в столице нашей республики г. Фрунзе.

Путь дивизии измерен простреленными километрами боев от Подмосковья через Смоленщину, Белоруссию и Польшу до берегов Эльбы.

Р 2

1—12—2

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начальный период войны, развязанной гитлеровской Германией против Советского Союза, во Фрунзе началось формирование 385 стрелковой, впоследствии получившей наименование Кричевской Краснознаменной, награжденной орденом Суворова второй степени, дивизии. В нее вошли 1266, 1268, 1270 стрелковые полки, 948 артиллерийский, 672 отдельный зенитный артдивизион, 447 отдельная мотострелковая разведрота, 836 отдельный батальон связи, 665 отдельный саперный батальон, 463 отдельный огнеметный взвод, 500 отдельная авторота и 470 отдельный медсанбат.

Первым командиром дивизии был полковник Илья Михайлович Савин, военкомом — старший батальонный комиссар Дмитрий Тимофеевич Пестерук, начальником политотдела дивизии — полковой комиссар Александр Николаевич Игнатов, а начальником штаба — полковник Вадим Николаевич Кораблев. Основной костяк дивизии состоял из рабочих и колхозников Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, Казахстана, но больше всего было бойцов из Киргизии.

Руководители партии и правительства республики считали 385-ю своим детищем. Они помогали ей транспортом, различным оборудованием, самое же главное — ЦК КП Киргизии направил в дивизию около двадцати опытных партийных работников своего актива.

— Бить врага по-гвардейски,— с такими словами напутствия руководителей партии и правительства республики 6 ноября 385-я уехала на фронт.

То было время, когда противник, перегруппировав свои войска, вновь ринулся на столицу нашей Родины. Отбросить оккупантов как можно дальше от Москвы — по тому времени было пределом желаемого: враг еще чувствовал свою силу. Например, против Западного фронта он имел значительное численное превосходство, у него

было больше и танков, и артиллерии, он не стеснял себя нормой расхода боеприпасов. Кроме того, когда 3 февраля под Вязьмой на помощь войскам нашей 33 армии был пущен кавалерийский корпус П. А. Белова, обеспокоенное немецкое командование перебросило сюда из Франции еще несколько дивизий.

Вот на этот-то участок в это самое время и была направлена 385 дивизия. За Козельском, от станции Горбачево, линия железной дороги была разрушена немецкой авиацией, и дивизия добиралась маршем до места своего сосредоточения: Мамоново — Спасское — Сутоки—Нижний Волок—Одринка—Крисаново-Пятница — Красный холм. Штаб дивизии разместился в Нижнем Волоке, а сама она вошла в оперативное подчинение 10 армии.

★

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Здравствуй, друг! Ты открыл эту книгу и, кажется, уже догадался, о чем она. Да, о минувшей войне, о людях, прошедших сквозь град пуль огромное расстояние от Москвы до Эльбы.

Все, что ты прочтешь здесь,— правда. Порою, может быть, даже жестокая. Но такой ведь и была суть войны. Те, кто сами воевали, помнят и горечь поражений, и слезы утрат, и боль ран. Ну, а если ты молод и тебе не довелось испытать всего этого,— пусть никогда и не придется.

Нам, ветеранам дивизии, гораздо милее видеть знамя дивизии не на полях сражений, а в музее Вооруженных Сил Советского Союза. Оно, кстати, хранится в девятнадцатом зале этого музея, том самом, где посетителям всегда показывают обломки самолета американского шпиона Пауэрса, сбитого несколько лет назад советскими ракетчиками.

В том, что эти два экспоната встретились в одном зале, мы видим не просто знак судьбы, а закономерность: перед советским знаменем склоняли свои головы все враги нашей Родины. А если объявится еще какой-нибудь, что ж, расчехлим знамя дивизии.

Совет ветеранов дивизии

★

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Снег шел крупной сечкой. Его насыпало так много, что человеку, впервые попавшему в эти места, могло показаться: еще несколько дней, и в снежный плен будут взяты и голые леса, и дома селений...

1

Бивший в лицо снег мешал идти, а командир дивизии полковник Савин торопил, считая, что подразделения неимоверно медленно продвигаются к месту сосредоточения, и потому выслал к колоннам «толкачей». Два таких «толкача» — начальник оперативного отдела штаба дивизии майор Спиридонов и начальник разведки лейтенант Бычков, промерзшие и злые, уже несколько часов шли по дороге навстречу частям.

— Хорошую же роль отвел нам товарищ Савин,— первый не выдержал Бычков.

— Роль ветряков,— охотно откликнулся Спиридонов.— Благородная роль! Я повернулся направо, знайте, ветер в ту сторону, я повернулся налево, значит, ветер изменил свое направление.

— Я не против шуток, но сейчас меня больше всего занимает вопрос, почему командование дивизии так несерьезно относится к

разведке, у меня несколько иное представление о ее назначении...

Бычков не договорил, где-то справа послышался шум приближающейся автомашины, а затем из снежной завесы показалась и она сама. И когда до поворота на проторенную дорогу ей оставалось не более пятидесяти метров, на большак из-за леска вышло запоздавшее подразделение дивизии. Уставшие бойцы не обратили внимания на машину, да и Бычкова со Спиридоновым она привлекла только необычной тупорылой формой.

— Там немцы! Немцы! К бою!

Колонна рассыпалась. Плюхаясь в снег, люди сдергивали с себя винтовки. Кто-то бросил в спрыгивающих гитлеровцев гранаты, от взрывов загорелась машина.

Когда смолкли взрывы, к Бычкову и Спиридонову подбежал командир подразделения. Козырнул быстрым, энергичным движением:

— Командир отдельной роты автоматчиков 1270 полка лейтенант Камбулин. Спасибо за предупреждение.— Он крепко пожал им руки. И тут же, обернувшись к своим солдатам, скомандовал:

— Ро-о-та, в колонну по четыре ста-а-новись! Кто это уши у шапки опустил? Подня-я-ять!..

Автоматчики браво зашагали навстречу ветру и снегу, а оба штабных командира с легким чувством зависти долго глядели вслед молодцеватому ротному. И вдруг оттуда, куда ушел он со своей ротой, появился всадник.

— Товарищ майор,— он осадил разгоряченную лошадь,— вас вызывает к себе комдив.

— Ну вот, лейтенант, вспомнили и о нас,— улыбнулся Спиридонов и добавил:— Видимо, потребовалось писать очередной приказ, начальник-то штаба дивизии заболел.

Спиридонов был прав. Когда он пришел на командный пункт, Савин сразу же указал ему на скамью.

— Илья Иванович, дорогой, только что получена шифровка из штаба армии. Необходимо помочь 326 дивизии. Противник пытается окружить её 1099 полк, вот здесь,— Савин ткнул циркулем в

карту на стене,— у населенных пунктов Быково и Старое Шопотово. 1101 стрелковый полк той же дивизии сейчас ведет атаку на Бельню, Крюково и станцию Борец. Справа от него никого нет.

Мы посоветовались,— Савин кивнул головой на Нестерука, Игнатова,— и решили так: первый батальон 1268-го с дивизионом 948 артполка и ротой минбата в течение нынешней ночи с ходу овладевают Шемелинкой. Они же 9 февраля в 9.00 начнут атаку на Лощихино. При этом одна рота с батареей выступает на Бельню и Крюково. Второй резниченковский батальон, действуя на правом фланге первого, овладевает Чумазово и Коськово. 1266-й движется следом за ним с задачей овладеть Сининкой, Замошье, Марьино. 1270-й идет на Крисаново-Пятницу и далее — на хутора Гореловский и Малиновский...

Все время, пока комдив излагал приказ, Спиридонов внимательно слушал его, делая записи в блокноте. При этом от майора не ускользнуло, как при слове комдива «с ходу» командир 1270 полка Мозалев, сидевший у контрамарки, переглянулся с комполка 1268-го Резниченко, который тут же отогревал руки о металлический кожух печи.

«Не всем, видно, по душе эта скоропалительность,— Спиридонов оглядел сидящих командиров. Все были в гимнастерках, и только Савин ходил по комнате в шинели.— Демонстрирует свою готовность в любое время ринуться вперед? И все-таки...» — Он поднялся.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Да-да, пожалуйста.

— У меня есть одно существенное замечание. Как же наступать, не зная сил противника, что за оборона у него? Мы сегодня с Бычковым чуть не попали в плен. Там, где должны быть наши, оказался враг.

— И я то же самое пятью минутами раньше говорил,— рубанул рукой Мозалев.— Без разведки, без артиллерии! Хотя мы тут и планируем ее участие, но она все еще на марше.

— Согласен, риск большой. Но война без риска не бывает,— Савин широко развел руками.

— Меня удивляет, как можно устраивать какие-то дебаты, когда люди гибнут. Наконец, есть приказ штаба, который мы обязаны выполнить,— бросил реплику старший батальонный комиссар Нестерук.

Все поняли, что возражать бесполезно.

С крыльца Резниченко окликнул начальника штаба полка майора Сальникова, которого тоже вызывали в штадив, но на совещание почему-то не пригласили. Сальников курил трубку.

— Ну как?— нетерпеливо поинтересовался Сальников.

— Будем наступать,— командир полка помолчал, пока они не выехали со двора, потом, хлестнув свою лошадь и пригласив Сальникова ехать рядом, продолжил.— Приказано первым батальоном атаковать завтра с утра деревню Лощихино, это вон в том направлении. Второй и третий батальоны пойдут к Барятино на смену дислоцирующихся там подразделений 326 дивизии. Вот и все.

— Но разве этого мало?! Вы же знаете, первый батальон еще в пути. С марша — и сразу в бой? Помнится, в гражданскую...

— Дорогой Александр Максимович, то было в гражданскую. Словом, не надо об этом.— Резниченко, искоса наблюдая за начальником штаба, видел, как тот долго возился со своей трубкой, то выбивал из нее табак, то вновь набивал.

Впервые они познакомились во Фрунзе, по дороге из штаба дивизии в полковые казармы. Город спал, и в тусклом свете его редких огней Резниченко видел зажженную трубку в руках Сальникова да на груди два ордена Красного Знамени. В казарме он разглядел своего спутника: человек этак лет сорока с гаком, с лицом спокойным, полным внутреннего достоинства.

Втроем (несколько раньше их в 1268-й был определен парторгом киргиз Султанов, бывший секретарь Свердловского райкома партии города Фрунзе) они начали формирование полка. Потом прислали украинцев Василенко, военным комиссаром, и Пастушенко — комсоргом полка.

Прибывшие в Нижний Волок два батальона 1268 полка расположились в леске за деревней. Бойцы успели поесть, военком и парторг беседовали с ними. Султанова, выделявшегося своим смуглым лицом, Резниченко сразу же заметил и окликнул:

— Товарищ капитан, подойдите ко мне.

За Василенко он послал бойца.

На поваленном дереве Резниченко расстелил карту и изложил суть приказа комдива.

— Самое ответственное падает на долю батальона капитана Белова,— подвел он итог.— От командования полка там, кажется, Пастушенко? Недостаточно.— Резниченко обвел своих помощников взглядом.— Товарищ Султанов, направляйтесь навстречу первому батальону и объясните ситуацию, подготовьте людей к бою. Письменный приказ Белову и политруку Баранову начальник штаба полка сейчас напишет.

После совещания у комдива командир 1270 полка капитан Мозалев долго не мог успокоиться. «Ну хорошо,— рассуждал он,—кто привык к большим масштабам, он, может быть, и не знает, что в 385-й артиллерия из-за отсутствия лыжных установок буксует в сугробах у Сухинич... Однако Игнатов, Нестерук, Савин должны были доложить командованию о положении дел. Наконец, доказать несостоятельность предстоящей операции. Впрочем, Игнатов просто ослеплен авторитетом комдива. Нестерук, Савин? Они оба спят и видят себя героями, вспомни тот разговор на полигоне».

Месяц спустя после формирования дивизии полк Мозалева отрабатывал действия роты в наступлении, приехали Савин и Нестерук. Приехали, посмотрели и похвалили Камбулина, Сосновского — командира второго батальона. Сосновский, не ожидавший похвалы, не знал, что и ответить. Стоял и растерянно теребил свою «профессорскую» бородку.

По дороге к казармам Савин то и дело восторгался:

— Молодцы, молодцы!

— С такими воевать будет одно удовольствие,— вторил ему комиссар.

— Скорее бы уж, скорее! По секрету скажу вам, согласно приказу Среднеазиатского военного округа срок готовности дивизии назначен на 15 ноября, но я думаю, мы убедим отправить нас раньше.

Мозалев и сам рвался на фронт, но тогда он не разделил взглядов комдива: бойцы по существу не видели настоящего оружия.

— Ничего, ничего, капитан,— ответил ему на это Савин,— и винтовки настоящие испробуют, и пороху понюхают, в бою-то к его запаху лучше привыкаешь, поверьте мне. И человек там гораздо быстрее становится бойцом, по себе знаю. Я в империалистическую и гражданскую вшей в окопах покормил изрядно. Думал, что не пригодится уж больше военная специальность. Ан, не-е-ет! Еще повоюем, повоюем!..

— Полк готов следовать дальше,— капитан Левин, врио начальника штаба полка, вернул Мозалева к действительности.

— Выступайте. Да, прикажите разведчикам прощупать хутор Малиновский, а часть роты автоматчиков лейтенанта Камбулина пошлите на Гореловский.

За окном деревенской избы сгущались сумерки, медленно кружились в воздухе большие хлопья снега. В проталинку замерзшего окна просматривалась часть улицы. По ней шли бойцы и командиры. Вон командир третьего батальона Ишметьев, он чуть прихрамывает — натрудил раненную в гражданскую войну ногу, и хотя старается это скрыть, все равно видно. Тот, что отошел с кем-то в сторону от дороги и что-то чертит прутиком, комсорг полка Командиров. У него гражданская привычка при разговоре сбивать шапку рукой на затылок, отчего она сидит стогом, открывая большой лоб.

В рубленую перегородку кухни постучали: это Левин дает знак— пора в путь. Мозалев вышел на улицу. Комсорг и его собеседник все еще спорили о чем-то. Капитан прислушался.

— Понимаешь, это же так просто,— горячился комсорг.— Вот металлическая балка, вторая, по ним движется клеть. Ну, по типу шахтерских или тех, что в многоэтажных домах. Поскольку внизу яма с креолином, я загоняю в клеть овец, опускаю ее с ними вниз, макаю — и на-гора. Просто и быстро.

Оба, заметив Мозалева, вытянулись.

— Командир отделения разведгруппы старший сержант Несветов, имею разрешение отдыхать до ночи, только что вернулся из разведки,— доложил сосед Командирова.

— А рисунки на снегу — результат разведки?

— Не-е-т, это овцемойка, он изобрел,— продолжал Несветов.— А я вроде советчика, поскольку имел непосредственное отношение к животноводству — колхозник, значит.

— Овцемойка?— удивился Мозалев.

— Ну да,— ответил Командиров.— У нас ведь в Киргизии кругом овцеводческие хозяйства, а моют овец вручную.

— Вы что кончали, Командиров?

— Ташкентский сельскохозяйственный институт, факультет механизации.

— Я тоже когда-то любил повозиться с железками,— неожиданно для самого себя сказал Мозалев.— Одно время работал слесарем на заводе в Оренбурге. Оттуда призвали на действительную, прошел полковую школу, говорят: «Учись дальше». Попал, как и вы, в Ташкент, в пехотное училище. И пошло-поехало. Так про железки и забыл...

— Товарищ командир полка, разрешите идти, наши разведчики выступают из села,— обратился Несветов.

— Да, да, идите. И нам пора. А что вы о будущей мирной жизни думаете, Командиров, это очень хорошо.

2

Батальон капитана Белова Султанов встретил на дороге, откуда до Лощихино было еще далеко, и как ни спешили бойцы к месту сво-

его сосредоточения, небольшому леску между деревней Высокая Гора и разъездом Шемелинки, они прибыли туда лишь к рассвету нового дня. От леса до Лощихино нужно было преодолеть километра два-три снежного поля, потом — высокую, с бойницами, ледяную стену, окружавшую деревню.

— Эх, пушек бы парочку,— потер руки комбат.— Но, как говорят мудрецы, сколько ни повторяй слово «халва», от этого во рту слаще не станет. Сделаем так: вторая рота зайдет с северной окраины, тем временем первая начнет наступление отсюда, с востока, и, таким образом, даст ей возможность ворваться в деревню.

На стерильно белом поле фигуры наступающих выделялись очень четко, и от этого каждый чувствовал себя неуютно. И когда поднялся ветер и закрутил крупные хлопья, бойцы даже обрадовались, словно метель несла тепло и избавление от ненавистного врага.

Белов часто связывался по телефону с командиром первой стрелковой роты лейтенантом Кудельским и его политруком Жиленко. Регулярно отвечала на позывные и пулеметная рота. Со второй же стрелковой, с которой ушел Пастушенко, связь никак не налаживалась: не то порван провод, не то случилось что-нибудь похуже. Не давала о себе знать и третья рота, направленная на Бельню, но она могла находиться еще в пути.

Белов приказал следить за небом: по договоренности вторая рота о своем выходе к северной окраине Лощихино должна уведомить желтой ракетой. Но прошло полчаса после назначенного срока, прежде чем засветилась ракета. Изрядно промерзшие бойцы Кудельского и пулеметной роты поднялись в атаку. Люди бежали кучно, боясь в метель отстать друг от друга, и полегли кучно, когда с левого фланга от железнодорожной линии ударили два вражеских пулемета.

Под прикрытием пулеметной роты людям Кудельского удалось преодолеть железнодорожное полотно. Восстановленная связь со второй ротой тоже принесла радость: захвачено несколько домов. Однако в душе комбата росла тревога: артобстрел из-за Лощихино усили-

вался. Белову казалось, что баллистическая сила снарядов все время увеличивалась. Неужели бронепоезд?

— Кудельский, назад! Назад!

Пока Кудельский понял, чего от него хотят, его рота была отделена от батальона стальной стеной. От второй теперь тоже шли сообщения одно тревожнее другого: к лощихинскому гарнизону немцев прибыло внушительное подкрепление. Как бы сейчас пригодилась третья рота. Но где она, что с нею?

— Что делать, товарищ политрук?— Белов обращался к Султанову.

— Отходить на исходную.

— Не выполнив приказа?!

— А если погубим весь батальон?— вмешался Баранов.

— И все-таки я не могу отменить приказ командира полка. Надо послать связного... Какая это к черту война, если даже с командиром полка нет проволочной связи? — Белов сдернул шапку с головы, с силой ударил ею о снег.— Какая?!

Султанов не спеша нагнулся, поднял шапку и отдал комбату. То ли спокойствие парторга полка, то ли присутствие подчиненных подействовало на комбата отрезвляюще, он вновь начал отдавать команды твердым и решительным голосом. Пустил, наконец, в ход минометчиков, подтянул вторую роту поближе к КП, всю пулеметную направил на выручку Кудельского.

Уже вечерело, когда от Резниченко прибыл приказ о возвращении батальона в исходное положение. Баранов подвел итог боя: первая и третья роты понесли значительные потери, погибли Кудельский, Жиленко. В пулеметной не досчитались политрука Подвального и десяти бойцов.

3

Начальник оперативного отдела штаба дивизии, исполнявший теперь обязанности НШ, вечером 11 февраля просматривал оперативные донесения из полков. Резниченко докладывал, что, несмотря

на трехдневные кровопролитные бои, не удалось выбить противника из Лощихино. «Прошу,— писал он,— поторопить артиллерию, без нее я скован по рукам и ногам немецкими пулеметами и бронепоездом».

Командиры 1266 и 1270 полков сообщали, что без боя, за исключением нескольких стычек, взяли Чумазово, Коськово, Серп, что ряд сел на их пути неизвестно кому принадлежит.

Да, обстановка невеселая: сведения о противнике неясные, очертание переднего края не определено... Начальник штаба еще решал, что делать, как услышал приближающийся гул авиационного мотора. Следом за этим снежный вихрь с силой распахнул дверь штаба. Спиридонов выбежал на улицу и увидел посредине её маленький «У-2», самолет командующего армией. Летчик доставил новый приказ штаба армии:

«Противник обороняется Калугово, Зайцева Гора, Фомино-2, Фомино-1, Сининка, Занозная, Бахмутово, Казачеевка, Дегонка. В целом в районе Калугово, Ерши, Бахмутово до двух пехотных полков, резерв невыясненной силы — Спас-Деменск.

10 армия своим правым флангом с утра 12. II. 42 года переходит в наступление, имея целью овладеть Варшавским шоссе на участке Бельская — Ерши.

385 сд с 10-м гвардейским минометным дивизионом с утра 12. II. 42 атаковать противника на фронте Каменка, Бахмутово, нанося главный удар своим правым флангом. Ближайшая задача — выйти на рубеж: Емельяновский, разъезд Бездон».

Отдельным письмом Военный Совет извещал Савина о своих выводах о наступлении 385-й в Лощихино: «Атака не была обеспечена огнем.., ее прекратить и возобновить 13 февраля, после артподготовки».

Теперь перед полками командир дивизии поставил следующие задачи: 1268-му, блокируя по-прежнему Лощихино, захватить Яковлевку, находящуюся северо-западнее от нее и южнее Каменки; 1266-му взять Сининки, а также стоящие левее от нее деревни Замошье и Марьино. Затем двигаться на большое село Прасоловку,

расположенное в низине. Полку Мозалева следовать вторым эшелоном за 1266-м майора Ороховатского.

Одиннадцатого ночью Ороховатский подтянул свои батальоны к Сининкам и Замошью со стороны Чумазовского леса. Замошье не было занято противником, но он из Марьино, а это всего четыреста метров через овраг, все время держал деревню под своим контролем. Сининки, напротив, являлись укрепленным пунктом немцев, и потому на штурм ее командир полка выделил первый батальон и пятую роту второго. Артиллерийских снарядов в запасе оказалось всего на два-три выстрела, но майор Ороховатский приказал батарее минометов поддерживать наступление на Сининки.

Пользуясь густым туманом, наступавшие придвинулись вплотную к немецкому боевому охранению. Ударил залп минометов, заговорили станковые пулеметы. Темнота и неожиданность наступления сыграли свою роль: немцы ошалело повалили за северную околицу Сининок. Через несколько минут оттуда протявкала в ответ противотанковая пушка, и справа по наступавшей пятой роте ударил пулемет. Однако уже ничто не могло остановить наших бойцов, они переползали от одной снежной ячейки к другой, забрасывали фрицев гранатами и — вперед, вперед. Пулемет врага вскоре удалось подавить. Это сделал третий взвод пятой роты во главе с командиром взвода лейтенантом Акматом Курбаналиевым, а чтобы заставить замолчать огрызавшуюся пушку, пришлось истратить еще три мины.

В эту же ночь второй батальон полка вошел в Замошье и на рассвете взял Марьино. При этом опять отличились пятая рота и соседняя с нею шестая.

А у Лощихино и Яковлевки дивизию вновь постигла неудача. Противник, как видно, располагал здесь гораздо бо́льшими силами, чем показала армейская разведка.

4

У Мозалева была одна отличительная черта: он с неохотой вызывал подчиненных к себе и предпочитал решать многие вопро-

2—1278

сы во время посещения батальонов. Командир полка с удовольствием бывал среди бойцов, говоря, что именно это общение придает ему уверенность в бою.

После того, как 1270-й получил приказ двигаться за 1266-м, ведущим теперь бой в Прасоловке (это северо-западнее от взятых Сининок, Замошье и Марьино), Мозалев разместил в Сининках свой штаб и второй батальон, в Чумазово — первый, в Замошье — третий.

И штаб полка, и бойцы располагались в подвалах сожженных гитлеровцами домов. Лишь командир третьего батальона капитан Ишметьев и его штаб занимали полуразрушенную немцами Замошинскую церковь. Стены расписные, под ногами настоящий пол, а сверху три наката бревен. У входа огромные столетние вязы, на которых по тонне, не меньше, снега.

— Смотри, как устроился! Чисто курорт,— шутил Мозалев, обращаясь к шагающему за ним Ишметьеву.

— Это верно, что курорт, зато фрицы нас больше всех жалуют минами да бомбами.

— Ишь ты,— покачал головой Мозалев и вдруг замер, услышав доносившиеся откуда-то из-под земли звуки гармошки. Он удивленно взглянул на комбата. Тот понимающе улыбнулся, сказав:

— Приглашаю на концерт.

По протоптанной тропинке они подошли к одному из подвалов. Скользкая самодельная лестница вела вниз, в помещение, где разместилось не менее пятнадцати человек. В центре — печка. Возле нее и сидел гармонист. При свете коптилки, укрепленной в стене, можно было различить, что это брюнет довольно высокого роста. Мозалев подумал, что до войны он был каким-нибудь конторским работником, непременно сельским, потому что только в селе и мог вымахать такой тополь. И когда старший по званию казах Тулекеев доложил все, что требуется в таких случаях, Мозалев спросил у высокого:

— Откуда родом, гармонист?

— Из Сибири, а призван в армию из Киргизии, бухгалтером

работал в колхозе. Извините, что представился не по Уставу. Пулеметчик Гончаров.

— Ну, сыграйте и спойте нам что-нибудь, Гончаров,— попросил Ишметьев.

Высокий прижался левой щекой к гармошке, растянул меха:

— Ох, да хорошо страдать весной,
Ох, да под зеленою сосной,
Ох, да мы вернемся, мы придем,
Ох, да когда немца да разобьем...

Все призадумались. В те суровые дни не часто удавались такие приятные минуты. И хотя незатейливой была частушка, уходить не хотелось. Мозалев спросил:

— У вас в Киргизии есть сосны-то? — спросил для того, чтобы оправдать перед самим собой свою задержку здесь.

— Мало сосен,— ответил задумчиво гармонист,— но зато есть тополя, карагачи, яблони. А наше село все в садах, даже зимой из-за деревьев не видно домов, так и называется: «Садовое»...

— Эй, гармонист, не туда мелодию повел,— засмеялся Мозалев.— Нам не на грусть настраиваться надо, а злее быть.

В подвалах и погребах по соседству с ротой Тулекеева располагались автоматчики лейтенанта Камбулина. Мозалев заметил, что со времени отъезда из Киргизии Камбулин похудел, карие глаза его ввалились, но не потеряли своей живости.

— Благодарю за Гореловский, Евгений Александрович,— Мозалев крепко пожал руку ротному.— Как настроение?

— Боевое. Готовы драться.

— Похвально!— Мозалев помнил: еще утром, перед обходом батальонов, начальник штаба полка сетовал, что положение противника на Безымянной высоте не ясное. Находилась эта высота западнее хутора Гореловский, в нескольких метрах от дороги, идущей с Прасоловки на хутор Малиновский. Дорога не столь важна, но высота, будь она в наших руках, здорово бы пригодилась. Господствующее положение и над Прасоловкой, и над обоими хуторами могло сделать её ключом к Варшавскому шоссе. Комполка

развернул карту.— Задача сложная. Ночью необходимо добраться до высотки. Взять ее мы в данный момент не сумеем, так как Гореловский пока у них. Проверьте, чем располагает противник и возьмите «языка».

— Слушаюсь!— сказал Камбулин.

В стереотрубу немецкий передний край виден, как линии на ладони. От Марьино справа — лес, к Гореловскому и северо-западнее от него, до самой Безымянной, он гуще. Низина там постепенно переходила в возвышенность.

— Здесь и пойдем,— решил Камбулин.

До высоты добрались к началу новых суток. Ночь темная, как по заказу, и если бы не снег да немецкие ракеты, то и дело взлетающие над лесом, хоть во весь рост иди. У подножия высоты залегли. Приглядевшись внимательно, санинструктор Иванов заметил на вершине Безымянной столбы с колючей проволокой. Так фрицы защищали огневые точки внутри обороны. Справа затрещал пулемет. Стреляли, видно, так, для острастки. За ним заговорил другой — слева. Камбулин задумался. Подняться на высоту здесь невозможно: немцы обнаружат. А если попытаться зайти с тыла?

С тыльной стороны сопка была опоясана рядом колючей проволоки, в котором был сделан небольшой проход, куда вела еле заметная тропинка. Вдоль проволоки изредка проходил часовой. Ему, очевидно, смертельно надоело бродить по холоду, и он иногда поднимался по дорожке вверх: там, между деревьями, похоже, была землянка. Слева от нее доносились голоса и звуки губной гармошки.

— Не спят, сволочи,— выругался над самым ухом Камбулина сержант Кунгуров.

— Может, праздник у них какой? — предположил кто-то из бойцов.

— Тс-с! — оборвал разговоры ротный.— Как только часовой спустится, снять его. Потом ты, Кунгуров, бегом со своими к

«артистам», а я — к землянке. Человек пять надо послать на самый верх, чтобы убрать пулеметчиков. Для прикрытия остаются...— Камбулин назвал несколько фамилий.— Сигнал к действию — моя граната.

Кошками проскочили за колючую ограду бойцы Кунгурова. За ними — те пять, что должны взобраться на самый верх. Где же часовой? Ага, вот и он появился из землянки, греется мерзавец. Кто-то прыгнул на него.

Пятерка бросилась на вершину, Камбулин и Кунгуров — к землянке. Камбулин рванул на себя дверь и бросил гранату. Тотчас же вокруг послышались взрывы и стрельба. Из другой землянки выскочили фрицы с автоматами. Камбулин ринулся к ним, увлекая за собой группу бойцов.

Сразу же после взрыва гранаты в первой землянке Иванов скатился вниз по ступенькам и, дав длинную очередь из автомата, включил карманный фонарик. Несколько гитлеровцев валялось на земле, возле стола, на котором стоял посылочный ящик. Из дальнего угла послышался шорох. Взяв на изготовку автомат, Иванов раскидал грязное белье и увидел здоровенного рыжего немца. На голове его была наволочка от подушки. Иванов ткнул автоматом, фриц торопливо поднялся, не выпуская из рук котелок с медом...

Бойцы Камбулина вернулись в Замошье. Мозалев тоже прибыл туда. Приехал не один — с переводчиком. Переводчик спросил пленного, кто он, из какой части.

— Я ничего не знаю,— ответил тот, нахально улыбаясь.

— Не хочет отвечать, это почему же?— удивился Мозалев.

— Убежден, что не о чем говорить с побежденными, что все равно Москва будет взята,— надменно ответил немец.

— Вот оно как!— Мозалев достал из кармана гимнастерки маленькое зеркальце.— Куда вам в Москву, когда рыло-то в пуху.— Командир полка сунул зеркальце фашисту, тот, видимо, догадался, о чем речь, стал обирать с бороды и щек пух.— Отправьте в разведотдел дивизии,— бросил Мозалев, направляясь к выходу, но

едва он ступил на первую ступеньку лестницы, как у фрица развязался язык:

— Я ефрейтор, я ефрейтор,— испуганно залопотал он, стуча себя в грудь.

— Ах, так ты ефрейтор,— усмехнулся Мозалев.— Ну и что же ты нам расскажешь, ефрейтор?

Пленный, захлебываясь от волнения, заговорил: он из 558 пехотного полка 331 пехотной дивизии, которая стояла во Франции. Их полк и 559-й прибыли в район Бахмутово, Фомино-1 недавно, а 557 находится в дороге. Всего же в этих местах против русских действуют пять полков.

— Фью-ю!— присвистнул Камбулин.— А мы головы ломаем, чего это нам не везет. Да их, оказывается, тьма!..

5

Утром батальон Ишметьева начал атаку на Гореловский. Засевшие в хорошо оборудованных окопах фашисты яростно сопротивлялись. Однако Ишметьев зашел с одной ротой к ним в тыл через Козье болото, там до войны была сделана гать из бревен, которую недавно открыл Камбулин. Увидев за своей спиной русских, фашисты в панике побросали оружие, раненых и драпанули к Малиновскому.

Одновременно с наступавшими на Гореловский из Замошье вышла рота лейтенанта Тулекеева, прикомандированная к ишметьевскому батальону с задачей взять Безымянную.

Бойцы Тулекеева тем же самым путем, что и камбулинцы, подошли к высоте. Огонь был заранее сосредоточен на целях, выявленных ночной разведкой. Прислугу одного из немецких пулеметов — Тулекеев это хорошо видел — расстрелял из своего «максима» Гончаров. Он и его помощник Бондаревский шли к высоте правее и почти первыми оказались на ней. «Молодцом третий взвод»,— подумал с благодарностью Тулекеев.

Гитлеровцы откатились и по всей вероятности готовились к контратаке, сосредоточиваясь в лесу рядом с сопкой. Тулекеев

торопил бойцов: нужно как можно быстрее окопаться и разумно распределить свои силы.

— Гончаров, ты займешь со своим пулеметом вон тот склон.

— Что похож на нос Бондаревского?

Бондаревский, привыкший к беззлобному подтруниванию командира расчета, улыбнулся.

Так же с шуткой они принялись за дело. Гончаров резал лопаткой снег, а Бондаревский укладывал его вокруг пулемета. Однако до конца оборудовать точку не успели. Раздался приказ Тулекеева:

— Приготовиться к бою!

Гитлеровцы вышли из леса широкой цепью в надежде охватить высоту с трех сторон. Их сопровождал стервятник. Он пронесся над макушкой сопки, развернулся и с пронзительным свистом стал пикировать. Алексей, не отрываясь, следил за ним. За стеклянным фонарем он увидел злорадно улыбающуюся физиономию немецкого летчика.

«Рано радуешься, сволочь!»— Алексей дал три очереди. Последняя, самая длинная, пришлась по фюзеляжу. Юнкерс вспыхнул и, выпустив черно-красный шлейф огня и дыма, упал где-то за хуторами.

Гончаров[1] и его помощник так увлеклись борьбой с самолетом, что не заметили, как справа по склону сопки немцы уже успели вскарабкаться до середины ее. Алексей развернул пулемет, но не успел дать и очереди — грудь обожгло. Он инстинктивно приложил к тому месту руку: сквозь пальцы проступила краснота. Падая, он почувствовал, что его подхватил Бондаревский, который тут же почему-то застонал.

Тулекеев бросился к гончаровскому «максиму», приказав связистам доставить раненых к санитарам. Связисты, сбросив с себя шинели, волоком спустили Гончарова и его товарища с сопки, и вернувшись, вновь принялись вызывать Ишметьева.

[1] За свой подвиг сержант Гончаров А. С. посмертно награжден орденом Ленина.

— Товарищ командир, связь налажена!

Тулекеев схватил трубку.

— «Копна», «Копна»,— послышалось с другого конца провода.

— Я — «Копна!»

— Говорит «Пичуга», слышь, Тулекеев, мы закончили дело, как у тебя?

Тулекеев доложил обстановку. Ишметьев хотел было выслать бойцов на подмогу, но она не потребовалась: немцы откатились от Безымянной и больше в тот день не совались сюда. А на следующие сутки третий батальон и рота Тулекеева вынуждены были оттянуться к Замошью, так как 1266 полк отступил из-под Прасоловки, куда немецкое командование бросило пехоту и самолеты.

6

26 февраля 1942 года в 385-й появились новый комдив и новый начальник штаба. Временно дивизия осталась без комиссара, политотдел армии отозвал Нестерука. Командиром 1268-го стал комбат 1270-го майор Сосновский. Резниченко был переведен заместителем командира 1266 полка, комиссар 1268 полка Василенко отбыл вслед за Нестеруком, передав свои полномочия политруку Султанову.

Командир дивизии полковник Немудров был высоким, поджарым. Он охотно говорил об ошибках своего предшественника:

— Во-первых, не стоило вводить в бой дивизию частями. Во-вторых, был ли смысл начинать без поддержки артиллерии? Следовало дня два-три подождать ее, а то и попавших в окружение не спасли, и дело не довели до конца.

И потом.., надо же думать. Попытался взять Лощихино, Яковлевку и Прасоловку — не удалось. А придумал ли что-нибудь новое? Я бы, к примеру, создал штурмовые отряды. Человек сто пятьдесят: автоматчики, гранатометчики, две 82-миллиметровые пушки на салазках, несколько 50-миллиметровых минометов, станковые и ручные пулеметы. Если впереди их послать сковывающие

группы: пулеметчика четыре на санях, защитить людей мешками с песком — вот вам и средство против дзотов.

Так-то оно было бы лучше штурмовать эти Яковлевки, Лощихины, а?— спрашивал он, обводя веселым взглядом штабных офицеров, собравшихся по случаю прибытия нового начальства.

Многим понравились и практичный ум, и простое обращение с подчиненными, и даже то, как командир слушал говорящих: стоит, наклонив голову вправо, нижняя губа всегда чуточку оттопырена. И крепкое словцо, которым он сдабривал почти каждую фразу, казалось продолжением все той же черты — простоты.

В этот же день старое жилье Савина было переоборудовано: вставлены оконные рамы, внутренние стены обтянуты трофейным материалом; загорелись 12-вольтовые лампочки, питавшиеся током от автомобильных аккумуляторов. И эту перестройку тоже расценили в пользу нового комдива: не временщик.

Новый же начальник штаба дивизии был, как видно, иного склада. Чуть выше среднего роста, лицо крупное. На встрече он всё гнул свои кустистые брови, потом куда-то укатил на машине и всю неделю появлялся в штабе к самой ночи. Поговаривали, что в штарме у него много друзей, ведь из оперативного отдела, ну и, видимо, собирается туда же удрать.

— Кажется, с новым начштаба нам здорово повезло,— сказал как-то в кругу знакомых офицеров Бычков.— Весь от пуговиц кителя и до языка застегнут.

— Если бы только молчун,— поддержал его начальник боепитания.— Подворотничок ослепительной белизны, выглаженый платочек, на брючках складки острее бритвы — рисуется. А въедливый! Спрашивает меня: «Почему на сегодня 82-миллиметровых снарядов мало?» Машин, говорю, накануне не дали для вывоза боекомплектов со склада. «Так кто должен о машинах беспокоиться, я или вы?»...

Между тем дивизия готовилась к новым боям, сколачивались штурмовые отряды. Для 385-й по-прежнему ближайшей задачей оставалось взятие Лощихино, Яковлевки и Прасоловки. После этого

планировалось нанести главный удар по Занозной, Давыдово, Верхуличам. Совместно с прежним соседом своим — 326-й стрелковой дивизией — 385-ой предстояло окружить и уничтожить крупные гарнизоны противника в Бахмутово, Гайдуках и Дегонке.

Полки заняли исходное положение: 1268-й к югу от Высокой Горы, чтобы оттуда в обход железной дороги выйти к Лощихино, 1270—между Высокой Горой и Коськово с целью захватить северо-восточную окраину и восточную часть Яковлевки. Когда они нажмут с двух сторон, 1266-й, будучи во втором эшелоне, поможет им.

Утром, после двадцатиминутной артподготовки, штурмотряды пошли в атаку. К шести утра на левом фланге 1270-го первый батальон двумя ротами взял двенадцать домов. Командир полка решил перенести свой наблюдательный пункт из леса в один из этих домов. А крайний справа облюбовал для той же цели комбат Ишметьев, его батальон сосредоточился в том самом лесу, где был штаб полка, чтобы наступать на Яковлевку.

Командир полка и комбат, дав указание связистам тянуть связь, пошли следом за ними в сопровождении своих адъютантов и ординарцев.

Фрицам в Лощихино очень ясно было, для чего к двум домам, в которые только что ворвались русские, тянутся провода издалека. Группе немецких автоматчиков было поручено скрытно подползти к этим домам и забросать гранатами. Однако на месте диверсанты увидели лишь связистов; те, не подозревая опасности, делали свое дело. Несколько ножевых ударов в спину и...

А тем временем Мозалев, Ишметьев и их помощники спешили в Лощихино. Им оставалось каких-нибудь пятьдесят метров до крайнего дома, как застрочили автоматы. Командир полка был сражен первым, остальные, недоумевая, залегли, начали отстреливаться. Была надежда, что, конечно же, свои услышат перестрелку. А фашисты, боясь этого же, торопились окружить их.

Когда наши и в самом деле обратили внимание на странную перестрелку там, где ее не должно бы быть, в пятидесяти метрах

от крайнего дома они нашли в снегу четыре бездыханных тела в одной стороне и два — в другой. В двух последних узнали командира полка и его ординарца. На снегу осталась глубокая борозда, видно, один из них пытался тащить другого. Тащил одной рукой, потому что одновременно отстреливался — редкий посев пустых гильз говорил об этом. Больше всего использованных ружейных и пистолетных патронов валялось на том месте, где нашли четверых.

Невосполнимые потери понес и штурмовой отряд, двигавшийся на Яковлевку. Фрицы устроили ему западню. Если бы камбулинцы вовремя не разгадали замысел врага и не приняли на себя главный удар фланкирующих пулеметов, от отряда вообще бы не осталось никого. Многие из камбулинцев погибли при переходе через болото у реки Ужать. Убит был и их лихой командир, он хотел связкой гранат подавить один из пулеметов, но не смог пробиться сквозь густую паутину огня. Под Яковлевкой сложил свою голову и Резниченко, возглавлявший отряд, который спешил на помощь 1270 полку.

Немудров долго распекал всех подряд по телефону за сорванное наступление и в конце концов возвратил штурмовые отряды на исходные позиции.

Вечер принес еще одно печальное известие: на наблюдательном пункте погиб новый командир 1268 полка майор Сосновский. Подвела «профессорская» борода: немецкие снайперы по ней приняли его за высокое начальство.

На похоронах от штаба дивизии присутствовали лейтенант Бычков, майор Захаров — начальник отдела кадров и еще несколько командиров. Возвращаясь в штаб опять своей группой, шли молча.

— Знаете, о чем я думал у их могилы?— сказал Бычков, стараясь разрядить общее подавленное состояние.— Я сказал себе: пусть в дальнейшем судьба побольше посылает тебе в товарищи по оружию таких, какими были они, и поменьше всяких молчунов.

Никто, однако, не поддержал его стремления, а майор Захаров даже сказал:

— Между прочим, начальник штаба, или молчун, как ты окрестил его, дельные вещи предлагает. Сам слышал его разговор с полковником. Тот хотел просить у отдела кадров армии человека на место Мозалева, а НШ отсоветовал: лучше из своих выдвинуть, меньше понадобится времени на освоение, и пользы больше. Назначили Левина из 1270 же полка. И еще, говорит, надо готовить нам своих снайперов. Я хотя и нестроевик, но чую — дельно.

Утром следующего дня Бычкову сообщили, что начальник штаба дивизии хочет послушать его доклад. «Уже и до меня добрался»,— подумал он. Как назло, хвастаться было абсолютно нечем: после камбулинского «языка» разведчиков преследовали неудачи. Однажды ребята из разведроты ворвались у Прасоловки в блиндаж, а он оказался фальшивым, да к тому же заминированным. Враз трех самых лучших разведчиков потеряли.

Докладывая об этом, Бычков косил глазом на начальника штаба: какое впечатление производит на него сказанное. Тот слушал внимательно, изредка задавал вопросы:

— В чем видите причины неудач разведроты и разведгрупп?

— Неопытность, товарищ майор, народ набран из пехотных подразделений, только и умеет, что стрелять да по-пластунски ползать.

— Так-таки ни одного опытного?

— Ну, может быть, несколько человек и наберем, а остальные и карты не прочитают.

— Так вы бы их научили.

«Нет, он явно надо мной издевается»,— подумал Бычков.

— Обучали, да в последних поисках и засадах очень много погибло, набрали новичков.

— Получается заколдованный круг. Но нам надо разорвать его, так как в самые ближайшие дни предстоит подготовить для засылки в тыл противника три группы: одну в шестьдесят человек и две по десять.

При этих словах Бычков иронически поджал губы, что не ускользнуло от Супрунова.

— Нереально?

— Из кого формировать?

— В ту, что самая многочисленная, давайте всех ваших новичков, возглавит ее командир разведроты. Тишин, кажется?

— Так точно.

— Сам-то он как?

— И в гражданке, и в дивизии до недавнего времени был киномехаником, но настоящее его призвание, кажется, разведка.

— Вот одна группа уже есть,— начальник штаба улыбнулся, улыбнулся впервые за весь их разговор.— Ее мы пошлем...— На столе Супрунова не было карты, Бычков полез в планшет, но начштаба жестом остановил его, продолжая начатый разговор.— Пошлем между Яковлевкой и Прасоловкой, там в одном месте есть, помните, мосток через речку Ужать, небольшой овражек, а дальше, на взгорье — лесок. Задача группы: пройти до Варшавского шоссе, хорошо изучить местность, без надобности не ввязываться в драку и вернуться обратно тем же путем.

Цель второй группы — разведка разъезда Шемелинки: численность гарнизона, чем он располагает, какие поезда, в какое время проходят через мост и что это за мост.

Третья группа пойдет к роще «Сердце», по карте это, как вы знаете, северо-восточнее Прасоловки. Разведчики засекут огневые точки противника, заснимут расположение его передовой и захватят «языка»...

Начальник штаба говорил, а Бычкова все подмывало сказать, что планировать, конечно, легче, чем выполнять. Наконец, он не выдержал:

— В шемелинскую группу мы тоже еще найдем бойцов, а вот в последнюю... Ну, возможно, и наберу с десяток разведчиков, а кому доверить командование ими? Разве что самому себе?

— Это превосходная идея! Да, да, именно вам и надо возглавить последнюю группу.

Отправляясь в с. Ригу, находящееся между Чумазово и Высокой Горой, где стояла разведрота, Бычков ругал себя на чем свет

стоит, что не только не доказал новому начальству вздорность организации сразу трех поисковых групп, но даже напросился руководителем одной из них. А ну как неудача, молчун не простит вовек...

Вопреки его ожиданиям, Тишин, человек рассудительный, встретил сообщение о создании на базе его роты двух поисковых групп с радостью.

— Очень хорошо! Черт побери, пора людей на деле учить.

Теперь вся жизнь Бычкова была до краев заполнена заботами об этих группах. В шемелинскую он отобрал самых лучших из разведроты: известного на всю дивизию младшего сержанта Глибичука, отличавшегося в ночных вылазках роты Алдамтара Игбаева...

Собственно, обдумывая, кого из них направить в группу старшим, и Тишин, и сам Бычков долго не могли остановиться на ком-нибудь одном — оба хороши. В конце концов решение склонилось в пользу Глибичука — он был «старичком» по возрасту и опыту.

Свою группу Бычков сформировал из разведчиков 1268 и 1270 полков. Правда, в последнем он знал немногих, но еще Мозалев всегда лестно отзывался о своих разведчиках, к тому же, пополнялись они теперь частично за счет роты Камбулина, в людях которой начальник разведки не сомневался.

На шестую ночь Глибичук и его ребята были уже в траншеях 1268 полка. На удивление Бычкову проводить разведчиков пришел Супрунов.

Ночь и день прошли в заботах о снаряжении следующей, тишинской группы. Когда же наступило время расставания, сердце заныло: «Вернутся ли? Если провал, роты больше нет».

Бычков дежурил у телефона всю ночь. Только где-то перед рассветом трубка зазуммерила и голос в ней спросил: «Не спишь? Успокойся, вернулся твой Глибичук, а Тишин привет шлет, хочешь убедиться — выйди на улицу».

Он выскочил из блиндажа. Над лесом между Яковлевкой и Прасоловкой догорали, падая, две синих ракеты — условный сиг-

нал Тишина, означавший, что передний край противника пройден благополучно.

Полчаса спустя в дверь бычковского жилья ввалились обросший Глибичук, кажущийся квадратным в своем маскхалате, и сверкающий белозубой улыбкой Игбаев. Глибичук коротко доложил:

— Товарищ лейтенант, разведгруппа прибыла. Задание выполнено. На разъезде установлено скопление железнодорожных вагонов. Охрана разъезда и моста небольшая, сам мост и подступы к нему зарисованы. Потерь нет.— И уже тише добавил.— За исключением слегка обмороженных... Оно хоть и весна, а холодно здесь, не то, что у нас в Киргизии.

Сам Глибичук был из совхоза «Таш-Тюбе», где до войны работал шофером. Там у него жила семья: жена и четверо сыновей. Все это Бычков знал по прежним встречам с ним. Он крепко обнял разведчиков, спросил об остальных.

— Так сержант же докладывал вам, что кое-кто подмерз,— весело сказал Игбаев.— Хлюпенький народ, эти новички! И где вы их только раскопали?..

— Зачем хулу на людей возводишь?— насупился Глибичук.— Товарищ лейтенант может всякое подумать, а они хорошо действовали.

А еще через сутки, когда возвратился Тишин, не потеряв ни одного бойца, и начальник штаба дивизии устроил по этому поводу что-то вроде пресс-конференции с приглашением командиров полков и батальонов, Бычков увидел на столе Супрунова приказ о награждении Глибичука, его группы и саперов за уничтожение моста у разъезда Шемелинки. Тишин сделал подробный доклад, подчеркнув, что его бойцы смогли успешно совершить бросок до Варшавского шоссе потому, что сплошных траншей или колючей проволоки на пройденном участке не оказалось.

— Во-во! — Супрунов удовлетворенно похлопал себя по колену. — Это, пожалуй, самое главное.

...Днюя, а порой и ночуя в разведподразделениях дивизии, Бычков незаметно для себя узнавал каждого разведчика с той самой

стороны, которая обычно заслоняется внешними атрибутами отношений командира и подчиненного. Если раньше казах Загры Насреддинов казался ему увальнем, то теперь он знал, тот свободно пользуется любым оружием, начиная от пулемета и кончая ножом и арканом. Сержант Филипп Несветов — «артист», он и акцент подберет любой к своему голосу, и фрица сыграет, если нужно, а на выдумки просто неистощим. Как-то в качестве приманки подбросил немцам петуха.

Всех троих Бычков без колебания взял в свою группу, которая жила и занималась по своему, особому расписанию. Занятия с нею отнимали много времени. Пока Бычков готовил Глибичука и Тишина в поиск, потом встречал их, ему удавалось выкраивать это время в основном днем, разведчикам же обязательно нужна ночная тренировка. И тотчас же после возвращения Тишина он отдался ей. Правда, и тут он не мог бы сказать, что целиком и полностью был занят только этой десяткой.

Однажды в 1270-м молодой разведчик, чтобы потешить друзей, разукрасил руки татуировкой, расписавшись ко всему прочему под ней полной фамилией. Бычков вынужден был прочитать всей разведгруппе полка лекцию о конспирации. В другой раз несколько бойцов разведроты, в том числе и Игбаев, исчезли во время воздушного налета. Их обнаружили на нейтральной полосе. «Пропавшие без вести» сидели в лесочке и преспокойно писали письма домой. «Вдохновителем» оказался Алдамтар Игбаев.

— Зачем ты это сделал?— недоумевал начальник разведки.

— Так лучшего времени и места не найдешь для писем, товарищ лейтенант,— невозмутимо улыбался Игбаев.— Немец, он какой: бомбят русских — открывай консервы. А тот, который в воздухе, все норовит бомбы-то подальше от нейтралки сбросить. Ну и получается, что там человек в это время вроде как в вакууме.

«А ведь надо наказывать философа, хотя и не хочется»,— подумал Бычков.. Через день, вздыхая и постоянно ломая карандаш, он писал приказ об отчислении Игбаева в стрелки.

Когда были отработаны детали предстоящего поиска и составлена схема наблюдений за передовой линией противника в предполагаемом направлении разведки, Бычков доложил Супрунову.

— Значит, сегодня ночью? Только бы она снизошла до наших нужд.— Супрунов подошел к окну блиндажа, из которого был виден кусочек мутного неба.— Навар для непогоды есть, будем надеяться, что луне не выплыть из-под него до утра.

Странный он, этот НШ, то за целый день нескольких слов от него не услышишь, то вдруг заговорит чуть ли не стихами. С минуту оба молчали, потом Супрунов протянул руку:

— Ну, исполнения всех желаний.

Бычков ответил сдержанным пожатием.

До темноты надо было сделать кое-какие распоряжения, а самое главное, написать жене письмо. «Как-то она там, с маленькой. Если со мной что случится, трудно будет им».

Павел Владимирович родился в семье почтово-телеграфного служащего. Ввиду редкой по тому времени профессии отец Павла имел небольшие сбережения, которые позволили дать мальчику гимназистское образование. Телеграфист Бычков и его жена уже видели сына начальником всех почтово-телеграфных ведомств, но грянул 1917-й, и бывший гимназист встал на защиту революции.

Позднее — снова учеба, на этот раз на факультете общественных наук университета Ростова-на-Дону. Далее — Владикавказское пехотное училище. Поднимался Павел по жизненной лестнице со ступеньки на ступеньку: в шестнадцать — комсомолец, в двадцать четыре — коммунист, потом женился.

Едва Бычков сел за письмо, как в блиндаже появились его заместитель по группе Несветов и артиллерийский капитан.

Несветов доложил, что группа готова к выходу. Капитан же пришел уточнить сигналы взаимодействия, так как его минометчики должны обеспечить прикрытие действий разведчиков в тылу врага. Гость торопился:

— Я на батарее остался один, командира убило, исполняю его обязанности, и как с замполита по-прежнему спрашивают. Замо-

3—1278

тался. А начальник штаба дивизии мне прямо жизни не дает, все пытает: увязал свои дела с Бычковым?..

Так, в самом начале обстреливаю Прасолово, отвлекаю внимание, вслед за этим бью по Безымянной. Если вижу вашу зеленую ракету, переношу на рощу, Малиновский и Гореловский, прикрывая тем самым ваш отход. Только вы стреляйте из ракетницы вертикально, тогда мои хлопцы засекут этот участок и постараются бить дальше. Но сами уходите оттуда поскорее.

— Ничего, артиллерия, все будет в порядке!

В траншее, кроме разведчиков, было еще двое: преемник Мозалева капитан Левин и майор Паняев, исполняющий обязанности командира 1266 полка, а до этого помощник начальника штаба по тылу 1270-го. Он буквально на днях заменил раненого майора Ороховатского. Разведгруппе предстояло пересечь передний край фашистов на стыке обоих полков, и потому оба командира провожали её.

Попрощавшись, разведчики перемахнули через бруствер траншеи и ринулись в ночь.

Сначала группа прикрытия, за ней — группа захвата. Бычков — с первой, старшим во второй был Несветов. Наст, ломаясь под ногами, предательски хрустел, и потому приходилось двигаться след в след.

Больше всего дзотов, дотов и стрелковых ячеек оказалось в правом крыле рощи, в левом — лишь два жилых блиндажа и несколько открытых пулеметных площадок. Бычков решил брать «языка» здесь. Он облюбовал стоявшую на отшибе площадку, на ней топтались два фрица. Бойцы стали брать их в кольцо. Оно уже почти сомкнулось, как вдруг врагов что-то встревожило. Раздались выстрелы. Одна из пуль скользнула по дереву, у которого стоял Бычков, и прошила ему правую ногу чуть пониже коленного сустава. Бычков, ойкнув, упал. Несветов подскочил к нему, но начальник разведки закричал на него: «Фрица, фрица хватай!»...

Бойцы навалились на немецких солдат. Одного, который истошно визжал, пришлось пристрелить, у другого выбили винтов-

ку, но он успел выскочить из ячейки. За ним бросилось сразу несколько человек, всех их опередил Насреддинов. В руках у Загры была веревка, сложенная кольцами. Мгновение, и, описав в воздухе дугу, веревка стянула шею удиравшего. Немец катался по снегу, пытаясь обеими руками высвободиться из петли. Несветов навалился на него своим крепким телом, загнул за спину руки и связал веревкой...

Бычков лежал на том самом месте, где его подкосила разрывная пуля. Как ни старался он сжать ногу выше раны, кровь все сочилась, и валенок уже полон ею. Нога словно попала в пламя, силы оставляли разведчика. Бойцы разрезали валенок и брюки, наложили жгут и повязку, но подняться самостоятельно у Бычкова не хватило сил. И он извиняюще сказал Несветову:

— Сам видишь, сержант, рассохся я, как незамоченная кадушка, придется тебе командовать группой. Людей с «языком» отправь вперед, а то вон как распалились немцы.

С «языком» пошли Насреддинов и пятеро других разведчиков: из шестерых кто-нибудь да доберется к своим. С Несветовым остались двое молоденьких бойцов 1268 полка. Некоторое время несли Бычкова втроем, стараясь подальше уйти от злополучного места. Но погоня настигала. И тогда молодые разведчики предложили оставить их в заслоне.

Ослабевший Бычков настаивал:

— Давай, Несветов, и я с ними...

— Нет, товарищ лейтенант,— отрезал Филипп.— Поскольку передали командование мне, то говорю как командир: пойдете со мной... Ну, простимся на всякий случай,— обратился Несветов к разведчикам, выкладывавшим у поваленного дерева боеприпасы.

— До свидания,— один из бойцов протянул руку.

— Отставить! Давай по-русски.— Несветов обнял его крепко три раза и три раза поцеловал.

Немецкая речь уже слышалась недалеко.

— Уходите,— стал торопить второй боец.

— Как фамилии?

— Белых и Пархоменко. Уходите же!

Автоматные очереди слышались все ближе и ближе: напуганные немцы палили в черные тени деревьев для профилактики. Несветов взвалил впавшего в забытье Бычкова на спину и зашагал от дерева к дереву. В беспорядочную стрельбу немцев вскоре вплелись две короткие, но четкие ответные очереди: ребята, должно быть, экономили патроны. Чуть позже ответные строчки автоматной морзянки удлинились, видимо, немцы вплотную подошли к нашему заслону.

Уже почти на выходе из рощи, когда обессилевший под тяжестью своей ноши Несветов присел под толстенным вязом, до него долетели раскаты двух взрывов. И тотчас установилась гнетущая тишина.

Филипп понял, что ребята погибли. Теперь фрицы наверняка бросятся по его следу. Надо вставать, но хотелось еще хоть немного, самую малость, посидеть вот так, посасывая шершавую линзочку льда. Он говорил себе: «Сейчас, сейчас, вот растает льдинка»... Он уже поднялся, пытаясь опять взвалить на плечи Бычкова, как услышал немецкую речь.

Идти теперь не имело смысла: кончатся деревья, и на открытой площадке немцы расстреляют его и Бычкова, как загнанных зайцев. Лучше здесь встретиться с автоматчиками.

Филипп прикладом примял снег у дерева, прислонил к нему находившегося в бессознании Бычкова и подумал с сожалением: «Жаль лейтенанта, не удалось донести... Прости, командир, не по своей воле не выполнил я данное тебе слово». Он встал у другого вяза, чуть левее и впереди. Расчет его был прост: нападать самому. Автомат начальника разведки он умышленно не взял: кончатся патроны в своих дисках, можно будет использовать и те, что у Бычкова, а коль суждено погибнуть, Бычков все-таки останется небезоружным.

Фашисты шли прямо на него. Филипп сосчитал: тринадцать. В душе шелохнулась крохотная надежда уцелеть. Он подпустит их поближе и полосонет из автомата. Главное, не выдать себя раньше, чем они окажутся на небольшом, без деревьев, пятачке, что впереди, тогда им не спрятаться.

Сержант напряженно следил за каждым из них.

Когда его и фашистов разделяли метров двадцать, он выскочил из своего укрытия. Автомат его перечертил поляну слева направо, еще раз — в обратном направлении, опять—слева направо...

Фрицев семь он сразу уложил, еще двух-трех ранил, а остальные, те, что находились правее, стали обходить его. И тут Несветов услышал, что кто-то помогает ему сзади. Опрокинувшись на бок, строчил Бычков.

Немцы стали удирать краем поляны. Филипп послал им вдогонку две длинные очереди и вернулся к Бычкову. Тот лежал на спине, закрыв глаза. Филипп со страхом нагнулся над ним, но лейтенант проговорил тихо:

— Не бойся, жив я. Слабость. Вроде как пелена на сознании. Слышу, палишь, а прийти в себя не могу. Две очереди сделал и опять вот.. Ракету, ракету...— И, сморенный напряжением, вновь забылся.

О зеленой ракете Несветов помнил, Бычков при нем говорил с артиллеристом. Достав из-за голенища ракетницу, Филипп выстрелил и почти сразу же услышал свист снаряда, который разорвался намного правее той площадки, где они брали «языка». Минута, другая — и, казалось, вся роща изрыгает фонтаны земли, снега и огня.

У самой проволоки Филипп инстинктивно почувствовал, что за ним кто-то следит. Положив Бычкова, он торопливо взял на изготовку автомат, но обостренный слух уловил отчетливое воробьиное чириканье: «Чив-чив». Так дразнил пернатых воришек только Насреддинов. Филипп опустил оружие.

— Товарищ сержант,— шепотом окликнул его Загры,— это мы...

Майор Супрунов был в отличном настроении. Его расчеты оправдались: именно роща «Сердце» и есть то самое ушко, пройдя через которое, вся дивизия окажется на кратчайшей прямой к Варшавскому шоссе. Сейчас, когда дивизия временно подчиняется 50 армии и все устремления командование вновь связывает с Гореловским и Малиновским, это очень кстати[1]. Как это сказал Болдин на совещании в Чумазово? «Нахождение в руках противника хуторов Гореловский и Безымянный, что в двух километрах юго-западнее Фомино-1, дает возможность противнику действовать во фланг и тыл группе войск армии, ведущей бои в районе Фомино-2, поэтому мы очень надеемся на решительные меры 385 стрелковой дивизии. Она на самом ответственном участке».

Жаль, болен Немудров, порадовался бы. Скверно, что он слег именно сейчас, накануне такого серьезного боя.

Веки слипались, врио комдива уголком платка протер глаза. Полковник Гетман вымотал основательно — целый день на НП... Густая снежная завеса, отделявшая «эмку» от дороги и неба, легла на смотровое стекло. Дворник усердно рвал её, и под шум этой механической резинки укачивало и мысли наслаивались. Да... Танки. Наконец-то Вспомнились слова Гетмана: «Мои танкисты вместе со 116 сд завтра утром 19 апреля освобождают Гореловский, а вы тоже с помощью танков берете рощу «Сердце». М-да, берете, берете. Просто сказать, а сколько за этим сложностей, перечеркнутых судеб. Еще недавно Сосновский тоже намеревался осуществить это «берете», теперь вот нет его, есть Сальников, нет вообще многих. А сколько в госпиталях. Да, надо обязательно навестить в медсанбате Бычкова.

[1] 50 армия, которой командовал в это время генерал-лейтенант Болдин, организовала в полосе дивизии прорыв обороны противника. Чтобы не дать ему действовать во фланг и тыл армии, была создана оперативная группа из 385 сд, 116 сд и 112 тбр. Группой командовал полковник Гетман, командир 112 танковой бригады.

— В Замошье, товарищ майор, или по полкам?— перебил течение мыслей шофер.

— Нет, в штаб нам еще рано, давай сначала к Паняеву. Посмотрим, как подготовился к завтрашней атаке.

Почему же завтрашней — сегодняшней: девятнадцатое наступило, уже первый час ночи, а начало в 4.30.

Паняев встретил его у своего блиндажа, доложил: он только что вернулся из батальонов, бойцы знают свои задачи, командиры — последовательность операции. Патронов хватит, с гранатами, правда, хуже, не густо и у артиллеристов.

У Левина, в 1270-м, он застал всех политработников, батальонных и ротных командиров: уточняли взаимодействие подразделений полка.

До серии красных ракет — сигнала к наступлению всей оперативной группы полковника Гетмана — оставалось немногим более часа. Супрунов заторопился к Сальникову: пожалуй, больше других он волновался за него, потому что для Сальникова, как командира полка, это первый бой. А его 1268-у отводилось многое: с приданными шестью танками блокировать Прасоловку, чтобы немцы не могли подбросить подкрепление тем, кто в роще.

Вместе с Сальниковым они еще раз визуально прошлись по всему району действий основных сил полка и батальона отвлечения, который стоял на левом фланге, между Прасоловкой и Каменкой. Успех всего полка зависел от активности этого батальона. Он должен был так начать бой, чтобы противник поверил, что именно здесь сосредоточен главный удар. Супрунов специально направил сюда две «тридцатьчетверки» из шести. Немцы знают, что у русских мало танков, следовательно, там, где они появляются, намечается что-то серьезное. Остальные танки было решено ввести в действие, как только пехота углубится хотя бы метров на сто...

Наконец, настало время атаки. После десятиминутной артподго-

товки батальон отвлечения, чуточку опережая других, ринулся в наступление. Противник бил по нему с северной окраины Прасоловки и Елисеевки. Каменка и южная сторона Прасоловки молчали. Сальников вопросительно глянул на Султанова, который по-прежнему совмещал обязанности и комиссара, и секретаря партбюро полка.

— Кажется, все идет по расписанию.

И как бы в подтверждение его слов с южных огородов Прасоловки выскочили три немецких танка и на полном ходу устремились наперерез «тридцатьчетверкам» и пехоте. Танки врага были густо облеплены десантом, а за ними виднелись цепи автоматчиков. Такой закваски боя никто не предвидел. Знали, что у противника есть в Прасолово танки, но, по сведениям разведки, они были зарыты в землю и служили дзотами.

В рядах наступающего батальона возникло замешательство. Для того, чтобы перебросить с левого на правый фланг истребителей танков и пулеметчиков, необходимо время, а фрицы приближались. Стрелять из орудий тоже стало опасно: «тридцатьчетверки» уже оторвались от пехоты и находились вблизи позиций врага. Супрунов с НП позвонил Сальникову:

— Почему не стреляешь?

— Артиллеристы боятся в своих угодить.

— Что думаешь предпринять?

— Снять десант и отрезать автоматчиков. Потом посажу своих стрелков на оставшиеся «тридцатьчетверки».

— Правильно!

Однако Супрунов тут же связался с Левиным:

— Помоги левому соседу, с твоего фланга легче достать немецкие коробки.

Два наших танка шли в лоб немецким. В какое-то мгновение один из краснозвездных подставил свой бок под удар пушек. Орудия и минометы 948 артполка засекли вражескую батарею, но было поздно: «тридцатьчетверка» уже пылала. Дальнейшее казалось предрешенным: один танк против трех не устоит... Сальников полез за кисетом, чтобы набить свою неизменную спутницу-

трубку, Султанов сорвал со стены автомат и бросился к выходу.

— Ты куда, Султаныч?— Они еще при Резниченко были на «ты».

— Туда!

— Постой, хоть сопровождающего возьми!— крикнул вслед комполка, но комиссар уже не слышал.

Представитель танкистов и старший лейтенант Репетунов, командир роты стрелков, которых Сальников собирался посадить на «тридцатьчетверки», тоже находились в блиндаже полкового НП.

— Ну, кажется, и до вас дошел черед,— Сальников осмотрел высокого, ладно скроенного Репетунова, кивнул ему на танкиста.— Познакомились? Действуйте слаженно, от своих особенно не отрывайтесь, а остальное — по обстоятельствам.

Султанов бежал по полю под выстрелами из рощи. Огонь усилился, когда наперерез ему справа неожиданно вылетела полуторка с пушкой. Машина мчалась на предельной скорости, какую только позволял развивать снежный покров. Она лавировала между воронками от бомб и снарядов. В кузове ее стоял человек и строчил из станкового пулемета, используя для подставки чью-то спину. Еще несколько бойцов поддерживали смельчака с боков.

Недалеко от Султанова машина вдруг со всего ходу села на правый борт. «Сейчас перевернется и раздавит всех»,— только и успел подумать капитан, как поблизости ухнул взрыв, и его сбило с ног. Поднявшись, он удивился: машина стояла на колесах. «Галлюцинация»,— пробормотал он и тряхнул головой. Нет, полуторка в самом деле стояла. И тогда он понял, что её поставила взрывная волна. Он добежал до машины и скатился в воронку, в которой находились бойцы из полуторки. Двое, окровавленные, лежали у разбитых снарядных ящиков.

— Вас не задело?— участливо спросили Султанова.

— Нет,— ответил он,— отделался легко. А вы?

— У нас просто произошла пересадка из кузова в эту яму,— проговорил лобастый парень с нашивками политработника. Он показался Султанову знакомым.— Ребят вот жаль, накрыло, да

обувку у машины продырявили.— Лобастый пристраивал на край воронки пулемет. Солдат — узбек или киргиз — помогал ему. А четверо других разворачивали пушку в сторону немецких танков, которых было уже два, третий лежал на боку под вторым нашим перевернутым танком. Должно быть, русский танкист таранил фрица. Автоматчиков на броне уцелевших немецких танков не было. Видно, батальон отвлечения все-таки прижал их к земле.

Артиллеристам наконец удалось развернуть пушку. Капитан нагнулся, поднял снаряд и протянул солдату. Пушка, проглотив снаряд, подпрыгнула, и возле немецких танков сразу же вырос султанчик из земли и снега.

— Теперь мы их сколупнем!— весело прокричал заряжающий комиссару.— Командир говорит, помогайте Сальникову, ну, мы и...

— Давай, давай!— закричал на него другой артиллерист, по-видимому, старший.

Немцы в роще перебегали с места на место. Те, что отстали от своих танков, тоже устремились к воронке, из которой оборонялись Султанов и бойцы. Лобастый строчил без отдыха, появляясь с пулеметом то на одной, то на другой стороне воронки.

— Видно, до комсомольской работы пулеметчиком был?— крикнул, обращаясь к нему, разговорчивый артиллерист. Парень махнул рукой: отвяжись, мол, сбил ушанку на затылок, прицелился, и ствол пулемета вновь затрясся от выстрелов.

Султанов понял, почему таким знакомым показался ему этот политработник, на одном из совещаний у Игнатова его познакомил с этим парнем комиссар 1270 полка майор Белобаев: «Бывший комсорг полка, а ныне замполит батальона. В полку его зовут Кулибиным: золотые руки. Недавно мне славный приемник смастерил, Москву берет».

Пристраиваясь со своим автоматом рядом с пулеметчиком, Султанов подумал, что в батальон отвлечения ему всё равно не удастся попасть. Впрочем, похоже на то, что там уже не нуждаются в его присутствии — сами поднялись. Хорошо поддерживает атакующих полковая артиллерия — разнесла окраину Прасоловки

в пух и прах. А вон и джигиты аксакала Сальникова идут. И Левин наступает.

Позади и по обе стороны от воронки, насколько мог видеть глаз, стремительно двигалась лавина наступающих. Вначале она вся устремилась вслед за батальоном отвлечения, потом, обогнав его, повернула направо, в проход между Прасоловкой и рощей «Сердце», как, впрочем, и было задумано планом наступления.

Султанов стоял на бруствере воронки с поднятым над головой автоматом и приветствовал бойцов своего полка, а они пробегали мимо, благодарно улыбаясь и ему, и лобастому пулеметчику, и артиллеристам.

— Вот ты где, Султаныч! — Сальников вырос неожиданно и стал тискать всех подряд.— Молодцы, молодцы! Здорово с танками расправились!— Потом удивился.— Постойте, что-то я не встречал вас в своем полку!

— А мы от Левина, он прислал нас,— проговорил лобастый и представился. — Младший политрук Командиров.

Командир орудия назвался сержантом Подущаком.

— Милые мои, да вы и сами не знаете, как много сделали!— Сальников распахнул полушубок, снял с груди два ордена Красного Знамени и приколол один Командирову, другой Подущаку.— Я не ваш командир, не могу своей властью наградить, так носите пока мои... А Левину я доложу.

Когда Командиров и артиллеристы Подущака ушли догонять своих, Сальников и Султанов присели на дне воронки у телефонных ящиков: связисты уже успели подтянуть сюда связь от батальонов и НП дивизии. Сальников доложил Супрунову о ходе боя. В трубку он услышал, как там, в Марьино, полковник Гетман, стоя, видимо, рядом с комдивом, распекал кого-то из своих танкистов: «Колесами или зубами, но зацепись, слышишь, зацепись и держись! Самолеты?! Все равно держись!

Через несколько минут самолеты противника появились и над полками Сальникова и Левина. Враг, по-видимому, успел опре-

делить их истинное назначение и решил во что бы то ни стало уничтожить клин, вонзившийся в его оборону. Бойцы обоих полков окапывались под бомбами и обстрелами из пушек и минометов. Надвигались сумерки, и чем гуще становились они, тем больше было уверенности у бойцов, что со взятых позиций они не уйдут. Под прикрытием ночи командованию оперативной группы удалось перегруппировать силы, и к утру 1266 стрелковый полк и один из мотострелковых батальонов 112 танковой бригады ворвались, наконец, в рощу «Сердце».

8

Целую неделю Супрунов собирался навестить Бычкова в медсанбате, но все не удавалось. Наконец, бросив все срочные дела, он отправился в Красный Холм, где без труда нашел раненого. Лейтенант лежал на кровати, просматривая кипу журналов «Нива» старого-престарого издания. Увидев вошедшего в комнату Супрунова, он весело сказал:

— Здравия желаю, товарищ майор,— и запнулся, разглядев новые знаки различия.— Извиняюсь, товарищ подполковник!

— Растем,— как бы между прочим проговорил Супрунов и спросил.— Здоровье, настроение как?

— Да сами видите, вот как тыловики снабжают раненых чтивом, никаких тебе новостей. А у вас их, чувствую, много?

— Полно. Мы теперь в 50 армии.

— Несветов приходил, говорил.

— А жалуешься, что живешь, как на Луне.

Оба рассмеялись.

— Несветов — хороший мужик. Мы его, да и всю вашу группу к награде представили.

— Спасибо.

— Рощу-то взяли, подкинули нам шесть танков, с их помощью и взяли.

— Ну, а как там, в полках, жизнь?

— Сил набираемся. Приказ получен: окопаться попрочнее по

всем фронтам. И немцы, по-видимому, тоже переходят к обороне. Твои хлопцы прошедшей ночью взяли пленного из 331 пехотной дивизии. Говорит, здорово мы обескровили её. В Прасоловке и других селах укрепления разрушены, так что фашисты оборону переносят на опушки лесов.

Бычков приподнялся.

— Эх, нам бы танков, да не на одну операцию, и самолетов — мы бы фрицев и из этих нор выкурили!

— Лежи, лежи, твое дело сейчас такое.— Супрунов приподнял уголок свисавшего с кровати одеяла, подоткнул его под матрац.— А выкурить — выкурим, теперь уж обязательно. Вот модернизируем свою оборону, пополнение получим и — выкурим. Ну, до скорого свидания в штабе дивизии.— Бычков сжал протянутую руку, но не выпустил:

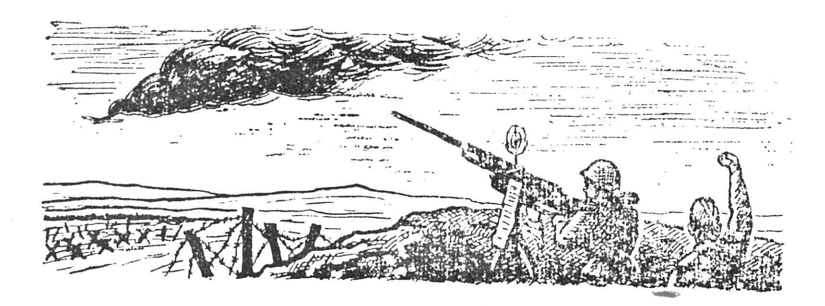
— Я, Митрофан Федорович, хочу покаяться.. Помните первые дни пребывания в нашей дивизии? Я, да и не только я, многие тогда решили, что вы въедливый, любите порисоваться. Это я вам повесил ярлык молчуна. Теперь, поверьте, все иначе, и я искренне сожалею о своих заблуждениях.

Супрунов, видимо, был несколько смущен неожиданной откровенностью. Помолчав, сказал коротко:

— За правду — спасибо.

Когда начальник штаба вышел, Бычков поднялся с постели, на одной ноге допрыгал до окна. Супрунов, запахивая полоскавшиеся на ветру полы шинели, уходил почерневшей дорогой за деревню. Бычков проводил его взглядом, посмотрел на небо. «Все-таки,— подумал он,— ветер размел снег. И правильно — по времени уже весна должна быть».

★

ДНИ ОБОРОННЫЕ

I

В штабе 385-й ждали командующего 10 армией В. С. Попова. После боев за Варшавское шоссе дивизия 22 мая 1942 года была выведена на отдых, но в конце июня в районе городов Людиново и Киров, на стыке 16 и 10 армий, создалось угрожающее положение, и 385-ю форсированным маршем направили к деревням Шиловка, Крутая, Игнатовка, Загоричи, Запрудное.

Фашисты, все еще имея преимущество в танках и самолетах, неоднократно переходили в наступление то на одном, то на другом участках, хотя все эти попытки разбивались о крепкую советскую оборону. К августу полностью стабилизировалось положение и под Людиново—Кировом.

Для 385-й это время совпало с возвращением ее в родную 10 армию, всю весну и лето дивизия воевала в разных армиях. Приняв ее, Попов изъявил желание лично посмотреть на киргизстанцев и поговорить с ними. Теперь все разговоры в штабе дивизии крутились вокруг того, что командующий прямолинеен, не терпит, когда говорят по бумажке и, тем более, не знают положения дел.

В очередной немудровской хоромине бас командующего раздался под вечер, и сразу же адъютант комдива пригласил туда Игнатова, Супрунова, Бычкова. Командующего интересовало, как укрепляются позиции дивизии на новом участке ее обороны. Супрунов стал докладывать о перестройке старой окопной системы в бастионную, о том, где, как и какие будут поставлены минные заграждения. Глядя на карту-схему инженерных сооружений, Попов неожиданно перебил его:

— Сколько вы собираетесь установить мин вон на том плоскогорье, которое, кстати сказать, танкоопасно?

— Примерно три-четыре тысячи.

— Мало. Надо минимум пять тысяч. Вообще, товарищи, уясните: вы имеете дело с довольно опытным врагом, хорошо вооруженным и способным наносить серьезные удары. Отсюда задача: не просто отсиживаться в траншеях, а активно перемалывать силы противника, ни днем, ни ночью не давая ему покоя. Делайте ночные вылазки, засекайте огневые позиции артиллерии, истребляйте ее. А самое главное — знайте каждый шаг противника...

В конце совещания Попов поинтересовался:

— Каково настроение бойцов?

Это был прямой вопрос Игнатову, и тот начал пространно рассказывать о письмах-летучках, боевых листках, интересных номерах дивизионной газеты, о вручении наград прямо в окопах, слетах снайперов, разведчиков, открытых партсобраниях. Попов внимательно слушал его, а когда тот закончил, сказал:

— Все это хорошо — и боевые листки, и награды.., но ведь скоро вашей дивизии исполнится год. Думали ли вы, как отметить эту дату? Годовщина дивизии — праздник для всего личного состава. Надо пригласить представителей из Киргизии, пусть выступят в подразделениях, расскажут, как живут там семьи бойцов. Видимо, стоит и самим послать делегацию туда. Словом, подумайте.

— Да мы сейчас же это и сделаем,— подхватил Игнатов. Он вышел в соседнюю комнату, где размещались оперативники, ему на глаза попался Бычков.

— Павел Владимирович, позвоните в 1268-й Султанову, пусть немедленно явится к командиру дивизии.

Старший лейтенант Бычков (очередное звание он получил недавно) находился на половине оперативников не случайно: главный разведчик дивизии уже несколько дней исполнял обязанности и начальника оперативного отдела, так как штаб армии перевел майора Спиридонова в 323 дивизию. Бычков был не один, он разговаривал с только что назначенным командиром 1266 полка майором Коноваловым. Коновалов, невысокий, бривший по-азиатски голову до блеска, прохаживался по комнате, энергично жестикулируя руками. В каждой из них он держал по пачке писем. То были письма жены погибшего недавно майора Паняева.

— Месяц уже нет человека в живых, ей писали об этом, а она не верит и каждый день шлет. И какие письма! Пустяк, а приятно,— говорил Коновалов.

— «Пустяк, а приятно» рассказывает о приятных пустяках, — пошутил начальник отдела кадров дивизии майор Захаров, появляясь на пороге комнаты.

Взоры всех повернулись в его сторону, а Коновалов, вскинув голову, пошел к выходу.

— Что с ним? Неужели обиделся, так ведь не я придумал, его в дивизии каждый офицер зовет так.

— Скорее всего счел не к месту твой смех, он здесь читал письма жены Паняева. Она думает, что муж жив. Я же видел, как он погиб, вот Коновалов и просит, чтобы написал ей.

...В тот день Бычков только что выписался из госпиталя, сидел в штабе. Немудров собрался ехать в полки и, проходя мимо, увидел его.

— А, Бычков. Вот что, поедешь со мной за провожатого.

Вначале направились в 1266-й к Паняеву. Самого его не застали, ушел в третий батальон, командир которого только что погиб.

— Не везет третьему батальону: второго комбата за короткий срок теряет,— посетовал майор Коновалов, он тогда был начальником штаба полка.

Но Немудров даже не взглянул в сторону говорившего. Прищуренные глаза комдива смотрели куда-то в угол блиндажа, оттопыренная нижняя губа подрагивала. Бычков знал, когда комдив недоволен чем-либо, это можно определить по губе.

— Ну что, Бычков?— выдавил он.— Я думаю, ждать его мы больше не будем. Пойдем в батальоны?

— Как прикажете, товарищ генерал.— А Немудров первый день надел генеральскую форму.— Тот же третий совсем рядом.

Они пришли туда к концу похорон. На окраине деревушки, в лесочке, несколько свежих могильных холмов. У одного из них стояли с лопатами бойцы и командиры, тут же был и Паняев. Генерал набросился на него:

— Почему не выполняете приказ о наступлении?

— Выполняли, вот итог,— миролюбиво ответил Паняев.

Но комдив не имел намерения настраиваться на его лад.

— Трус вы, а не командир полка! Соседняя дивизия за два дня на три километра продвинулась, а ваш полк ни одной траншеи не взял!

Бычков видел, как по грустному лицу майора Паняева пробежала тень презрения, из коричневого, обожженного смоленскими ветрами, оно стало темно-пунцовым. Паняев повернулся и зашагал к траншее. За ним молча потянулись все его подчиненные. В первую минуту комдив хотел, видимо, окликнуть майора и заставить все сделать по Уставу, однако раздумал и бросил шоферу:

— В 1270-й!

Когда Бычков и Немудров приехали к Левину, тот, доложив обстановку, добавил:

— Паняев смертельно ранен: собрал остатки полка и повел в бой...

— Ты знаешь, зачем я пришел?— майор Захаров вопрошающе глядел на Бычкова.— Пляши, тебя наградили орденом Красного Знамени!

— Ура!— Бычков сорвался с места, подхватил здоровенного начальника отдела кадров и закружил его по комнате, словно стул, с которым он, вот так же дурачась, вальсировал на праздниках.

Потом остановился, отдуваясь.— Фу, вконец вымотал силы, а мне ведь еще надо в учебную роту. Спасибо, бегу туда.

В учебную Бычков торопился потому, что Немудров разрешил ему отобрать из нее двадцать человек для разведки. Рота была в основном из сибиряков да украинцев, парни крепкие, таких каждому командиру хотелось иметь. Начальник разведки облюбовал одного младшего лейтенанта, начал уточнять: «Фамилия?» «Коломиец». «Откуда?» «Из села Терешки, под Киевом. Работал в Туркмении агрономом после окончания Высшей Коммунистической сельскохозяйственной школы, коммунист».

— Товарищ Бычков,— вмешался в разговор командир первого батальона 1270 полка майор Морозов,— этого не трогайте, мы его метим во взводные.

Бычкова злит это, но вся учебная в основном предназначена для 1270-го, и, не подавая виду, начальник разведки дивизии приглядывается к другим.

Вон тот, типичный интеллигент: черты лица тонкие, корректен.

— Откуда и кем работал до войны?

— Учитель, с Алтая.

Командир учебной роты отводит Бычкова в сторону:

— Боюсь, что для разведки будет не подходящ. Чудной какой-то. Ночью на пост поставил. Слышу, поет. Взбучку дал, что демаскирует себя, и еще раз на пост поставил. Изобрел другой метод подхлестнуть время — за стихи принялся.

— А стихи хорошие?— редактор дивизионной газеты майор Шундрин случайно услышал их разговор.

— Да кто ж их знает. Только могу сказать, у Кулика складно так речь льется.

— Боец Кулик, подойдите сюда,— позвал Шундрин облюбованного Бычковым парня с интеллигентным лицом.— Говорят, вы пишете стихи. Можете прочитать?

— Конечно. Я прочту последнее.

Редактор дивизионки протирал свои очки и в такт каждой строчке кивал головой, словно утверждая рифму. Бычков понял, что и Кулика он потерял для разведки.

В конце концов старшему лейтенанту удалось отобрать двадцать кандидатов в «лаветчики», как он любил называть своих подчиненных и как его самого, по письмам жены, называла маленькая дочурка.

Звонок из штаба дивизии застал Султанова в транспортной роте. Тяжелые бои вывели из строя многих командиров рот, и теперь ротой командовал сержант, или даже ефрейтор. Необходимо было подобрать кандидатуры на курсы командиров рот. Сальников, Султанов и комсорг Пастушенко отправились по подразделениям.

В транспортной роте Султанову назвали фамилию старшего лейтенанта Сафронова, заместителя командира роты. Когда они встретились, Султанов сразу узнал в нем воентехника, которого запомнил еще по первым дням формирования дивизии.

— Вы из Ашхабада, не так ли?— спросил он.

— Так точно,— ответил тот. И уже настороженно.— А что?

— Не волнуйтесь. С семьей все в порядке. Думаем послать вас на курсы. А откуда вы — знаю по нашему разговору во Фрунзе.

Когда во Фрунзе из Ашхабада прибыла группа бойцов, старшим в которой был Николай Александрович Сафронов, Султанов дежурил по полку. Оформляя документы, он спросил: «Коммунисты есть?» Сафронов ответил: «Нет. Но в душе все мы коммунисты». Разговорились. Тогда-то Сафронов и рассказал о себе, своих сыновьях, жене.

...В штабе дивизии Султанов встретил Бычкова. Веселый и энергичный, он, как всегда, был в приподнятом настроении. О недавнем ранении старший лейтенант почти забыл. Начальник разведки схватил Султанова за руку, крепко потряс.

— Султанов? Ты чего же не здороваешься? Не узнал, что ли? Глядя на твою физиономию, можно подумать, ты знаешь, когда кончится война?

— Домой еду, в отпуск.

— Здо-о-рово! А я-то хотел похвастаться, что меня орденом Красного Знамени наградили.

— Поздравляю!

— Спасибо. Слушай, давай забежим ко мне. У тебя радость и у меня радость. Посидим, поговорим. Я напишу письмо родным, будешь во Фрунзе — отдашь.

В землянке начальника разведки было по-домашнему уютно. Султанов сначала не мог понять, почему, и только внимательно оглядевшись, догадался: рама настоящего окна была аккуратно выкрашена, сидели они у добротного стола, на фабричных стульях. И в довершение всего он увидел серого кота, который, мурлыча, прижимался к ногам хозяина.

— Приблудился чей-то. Мои ребята снабжают его немецкой колбасой, вот он и ластится в расчете на гостинец. Вообще не знаю, что мне с этими чертями-лаветчиками делать... И стол, и стулья, и рама — все их трофеи. Представляешь, что учудили? Однажды, пока у комдива шло совещание, выставили целиком раму, да так, что даже штора из плащ-палатки не шелохнулась. Окончилось совещание, прихожу к себе — окно. Спрашиваю: «Где взяли?» «Да тут, недалеко».

На следующий день звонит комдив:

— У тебя в землянке окно с рамой?

— С рамой.

— Синей краской крашено?

Тут у меня и екнуло сердце, да повезло, что у Немудрова в это время было, видно, настроение хорошее. Собрал я своих лаветчиков и говорю: «Чтоб сегодня же рама была на месте».

Разведгруппа шла в поиск. А когда возвратилась, вижу — «языка» и раму тащат. Отдали Немудрову, а старая так и осталась у меня.

В голосе говорившего чуствовались нежность и гордость за своих подчиненных, и Султанов подумал, что не зря в дивизии о разведчиках и самом Бычкове ходят легенды. Бычков же, не умолкая, хлопотал у стола, на котором появились кружки, кусок рыбешки, две огромные луковицы и хлеб.

— Ну, за Киргизстан наш, за удачную поездку твою.

...От возбуждения спать не хотелось, а в землянке пусто: Сальников все еще в батальонах. Султанов вышел побродить. Свернул в ближайший переулок и слышит:

— Вот возьму прямо в венке явлюсь к нему и скажу: «Джульетта есть, нужен Ромео».

— Ты любишь его, Валерия Георгиевича?— спросил кто-то другой.

— Люблю, Соня, люблю!

Голос был решительный и дерзкий. Султанов увидел ее всего в нескольких метрах, она и ее подруга сидели в тени полусгоревшего дома на завалинке и перебирали шуршащие листья.

— Ох, дуреха, дуреха, Галка, как же без взаимности?

— Ну и пусть!— Галка сняла пилотку, тряхнула вызывающе головой.— Пусть!

И тут он узнал эту дивчину. Галка Уколова, до безумия смелый санинструктор их полка. А кто Ромео? Неужели комбат третьего батальона Найденов? Ай да парень, чье сердце заарканил!

В деревне, покинутой жителями, бурно росла полынь, и ее запах напомнил ему детство, саманный дом в маленьком селении Таш-Кия. Сестра Галия подметала полы всегда полынным веником. Как-то она живет теперь, хохотушка? В последнем письме писала, учительствовать ныне трудно — дети все больше безотцовщина. А что такое безотцовщина, он хорошо знает. Самого, бывало, ребятишки дразнили кара-жолтой.[1] Ему не было и трех лет, как умер отец. Сестра вскоре вышла замуж и уехала во Фрунзе.

---

[1] Кара-жолтой — несчастливец (кирг.)

Позже и он переехал туда со своей семьей. А вначале были курсы батраков в Пржевальске. В двадцать девятом году выбрали его секретарем сельской комсомольской ячейки... Вот он ответственный Базар-Курганского райкома комсомола за организацию детского коммунистического движения, а потом—партийная работа...

Уже молочным становилось стекло единственного окна землянки, а он все никак не мог уснуть. К восходу солнца появился Сальников:

— Ну что, Султаныч, зачем тебя вызывал сам? Взбучку устроить? Он это умеет.— Сальников встал на цыпочки, сделал движение обеими руками, словно бы сплюснул виски, втянул внутрь рта щеки.— Вы не забывайте, товарищ Султанов, мать вашу.., что вы на фронте. Людей не жалеть надо, а заставлять выполнять Устав. Вы думаете, его дураки писали?

Мы, наверное, простимся с тобой, Султаныч. Прошусь на курсы... Так зачем тебя вызывал?

— В Киргизию с делегацией еду...

Вторым делегатом был прославленный наводчик дивизии сержант Лобов, до войны — тракторист, колхозник Сокулукского района Киргизии.

2

Прибыв во Фрунзе утром, посланцы дивизии направились в ЦК КП Киргизии. Они шли по городу и не узнавали его: дома потускнели, улицы стали немноголюдными. О войне напоминали и витрины кинотеатров: «Сегодня в летнем кинотеатре «Ала-Тоо» демонстрируется новый художественный фильм «Александр Пархоменко», В конце сеанса боевой киносборник № 11».

Едва открыли дверь приемной первого секретаря, его помощник, узнав Султанова, сказал:

— Сейчас доложу...

Немного погодя состоялся разговор с представителями дивизии

— Мы внимательно следим за продвижением дивизии. Ну-ка, где вы сегодня? У деревни Крутая Смоленской области? Верно?—спросил секретарь.

— Верно.— Султанов был искренне рад такой осведомленности и тому, что его не забыли и так вот встретили,— а мы ведь к вам не просто в гости. Полпреды мы дивизии. Приехали пригласить на юбилей наш — годовщину части.

— Спасибо. Юбилей — это хорошо. Надеюсь, ехать не сегодня? Есть хотя бы неделька в запасе?

— Есть.

— Вот и прекрасно.

— Шли сегодня к вам и удивлялись: людей мало на улицах, и те спешат.

— Да, товарищи военные, в тылу сейчас как на передовой. Вот сегодня городской актив, кстати, приглашаю, сами и услышите о тех проблемах, которые выдвинула перед нами война. Сакманщиков не хватает, попросили женщин помочь. Прошли они курсы — замечательно работают. Теперь другое волнует: вырастили урожай, а убирать некому. Особенно трудно в Иссык-Кульской области. Кажется, Мухамет Султанович, это твоя родина?

— Моя.

— Ну вот, поедешь туда, поговоришь с людьми, подбодришь, призовешь крепить успехи фронтовиков делами тыла. А на сегодняшнем собрании партийного актива выступишь?

— Конечно.

— Тогда — до вечера. Встречаемся в зале Верховного Совета.

Зал был полон, но стоило фронтовикам ступить на порог его, как их тут же кто-то позвал:

— Товарищи командиры, сюда! — Это был нарком просвещения Рыскулбеков.—Салам алейкум, Мухамет! Я, Чотоев, помнишь, секретарь Иссык-Кульского обкома партии по пропаганде, и завотделом Ошского обкома Аникин едем в 385-ю делегатами. Так что будем вместе.

Когда Султанов поднялся на трибуну, в зале долго не смолкали аплодисменты.

Руководители партии и правительства, провожая нас на фронт, сказали, что за судьбу Отечества ответственны и киргизстанцы. Докладываем, что они, являя собой достойный пример мужества, стойкости, воли к победе, отстаивают свою родную Советскую власть, как настоящие джигиты. Многие получили благодарность от командования дивизии, удостоены правительственных наград. Это первый в дивизии кавалер ордена Ленина Алексей Гончаров, командир стрелкового взвода Акмат Курбаналиев, участник боев за освобождение деревень Марьино и Синнинки, разведчики дивизии Загры Насреддинов и Филипп Несветов; комсорг полка, замполит батальона, водивший не раз бойцов в атаку Иван Командиров и многие-многие другие.

В заключение Султанов зачитал письмо командования части в адрес ЦК КП и Совнаркома Киргизии, в котором рассказывалось о боевых подвигах воинов части, перечислялись освобожденные ею населенные пункты.

...Посланцы Киргизии, приехавшие месяц спустя в часть вместе с Султановым и Лобовым, привезли с собой три вагона подарков, много писем и, самое главное, рассказы о буднях тыла. Каждый боец стремился хотя бы пожать руку земляку, чтоб тем самым прикоснуться к семье, дому. Рыскулбеков, Чотоев и Аникин прекрасно понимали это и старались побывать во всех подразделениях, они выступали на митингах и встречах по десятку раз.

Праздновали годовщину дивизии в клубе, замаскированном под скирду. В президиуме сидели командующий 10 армией Попов, Немудров, Игнатов, Супрунов, долгожданные земляки.

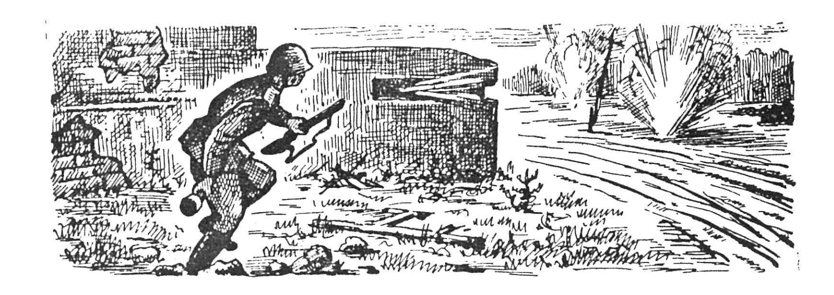
Попов сказал несколько слов:

— Были неудачи, но в целом первый год боев 385-й оценен высоко. Показателем того — присуждение ее полкам революционных Красных знамен и награждение 435 командиров и бойцов-киргизстанцев орденами и медалями. Всем награжденным присваивается внеочередное воинское звание.

Бычков проводил допрос очередного пленного и потому, когда пришел на торжество в клуб, оно уже было в самом разгаре. Его тотчас же принялись качать, как именинника, получившего орден и чин капитана. Рядом взлетал над головами улыбающихся товарищей начальник штаба дивизии Супрунов уже со знаками различия полковника.

Остаток осени сорок второго и зима следующего года для 385-й прошли почти без особых новостей. Дивизия пополнялась, проводила учения, вела, и неоднократно, разведки боем. То были обычные оборонные будни, в один из дней которых шальной пулей был ранен майор Султанов. Он уехал в госпиталь и больше не вернулся в часть, а следом за ним 385-ю покинули генерал-майор Немудров, он был направлен куда-то в другое место, и начальник разведки капитан Бычков, его повысили по службе, он стал помощником начальника разведки армии.

★

ВЕТЕР ИЗ-ПОД КУРСКА

1

— Садись, поговорим, — полковник, пожав Михайлову руку, показал на стул рядом с собой.— Ты, наверное, гадаешь, зачем вызвали в политотдел армии, да еще приказав сдать дела?

— Есть такое.

— А все, брат, очень просто. Хотим направить тебя в другую дивизию — 385-ю. Слыхал о такой?

— В соседях у нас. А что там?

— Нам кажется, что нынешний ее начальник политотдела несколько, как бы выразиться, мягковат. Человек он неплохой, но теперь, когда начальник политотдела — это и замполит, его мягкость... Словом, поезжай туда и тки человеческие судьбы.— Полковник улыбнулся.— Ты, кажется, кончал Военно-политическую академию?

— Да, в сорок первом.

— А я немного раньше. Был у нас, помнится, генерал-майор, такой солидный, с роскошными усами. Ах, фамилия вылетела из головы! Ну, да суть не в этом. Он сравнивал нашу работу с работой ткачей. Сам до армии жил в Иваново, отсюда, видимо, и все аналогии. Так вот он говорил нам: «Вы — ткачи человеческих судеб. Ткач что делает? Следит и направляет, чтобы каждая нитка шла своим путем без петель, иначе—брак. Так и вы должны направлять людей, чтобы жизнь их не делала ненужных петель». Умный старик был.

Твою прежнюю работу политотдел армии оценивает на «хорошо», но хочу сказать, что ты порой излишне строг. А чрезмерная строгость порождает слепую дисциплину. Так что учти на будущее.— При этих словах продолговатое лицо подполковника Михайлова еще удлинилось, а коротко подстриженные волосы вроде бы гораздо упрямее стали дыбиться на макушке. Так, по крайней мере, показалось самому Михайлову. Он провел рукой по затылку. Полковник истолковал этот жест по-своему.— Во-во! Разум всегда должен приглаживать наши вихрастые чувства. Теперь о твоей будущей работе.

Дивизия эта — одна из тех, которые называют чернорабочими. На таких и держится любая армия. Комдив генерал-майор Наумов — новый человек, недавно пришел из 312 дивизии и, кстати, просится назад: формировал ее, привык. Командир он боевой, грамотный, политработники находят с ним общий язык.

Тебе опереться там есть на кого: ответственный секретарь парткомиссии майор Дындиков, инструктор политотдела дивизии по оргработе майор Коротюк, агитатор политотдела дивизии майор Марковец, будущий твой помощник по работе среди комсомольцев капитан Филонский. Очень толковый замполит 1270 полка майор Белобаев. Хорошо ведется агитационная и комсомольская работа в 1268 полку, в чем немалая заслуга агитатора полка москвича капитана Хламова и комсорга старшего лейтенанта Пастушенко. Вообще же с комсомольской работой в дивизии не совсем гладко. Актива у Филонского маловато. В 1270-м и 1266-м сейчас комсоргов нет. Все как на духу.— Полковник пристально посмотрел в голубые глаза своего собеседника, пытаясь понять ход его мыслей.

А думал Михайлов о том, что все надо начинать сначала. Он уже рисовал себе бесконечные дневные и ночные бдения в новых полках и батальонах, чтобы опять изучить людей, партийную работу, и ему стало жаль расставаться со своей прежней дивизией, в которой все до мелочей известно и продумано. Он вздохнул.

— Ничего, брат, не поделаешь,— сказал полковник.

Из политотдела армии подполковник Михайлов направился к магазину «Вани-торга», так в шутку называли фронтовики военторг. Он знал, что здесь обязательно найдется попутная машина. И действительно, один из толкавшихся в магазине шоферов сказал, что он проезжает мимо хозяйства Наумова, так что подбросит. Какая разница: два или три пассажира.— И кивнул на двух офицеров, покупающих папиросы.— Они туда же.

Офицеры, услышав разговор, подошли к Михайлову и представились:

— Майор Нестеров.

— Подполковник Халин.

Майор был невысок, аккуратен и, как все люди, много бывающие на воздухе, розовощек. В движениях расчетлив, что говорило об уравновешенности его характера. Его спутника, напротив, выделяло долгое пребывание в прокуренных кабинетах какого-нибудь корпуса или армии. Он выглядел болезненно, но был весел и, возможно, потому, что наконец вырвался на свежий воздух.

Нестеров ехал в 385-ю в качестве командира 1268 полка, а Халин—командиром 1270-го (прежний—Левин—уехал на курсы «Выстрел»). В кабину никто не захотел садиться, поехали все в кузове.

Глядя на ордена Красного Знамени и Красной Звезды, сверкавшие на груди Нестерова, Михайлов сказал:

— А вы, майор, видно, давно на фронте?

— С 22 июня сорок первого.

— Ого!

— Да, в тот день стрелковый батальон, где я был начальником штаба, стоял в 30 километрах от Бреста. Наша дивизия оказалась

в окружении. Вышли. Дважды формировал отдельные батальоны, с ними воевал под Минском, Смоленском. С третьим, уже в составе 144 стрелковой дивизии 5 армии, оборонял Звенигород под Москвой.

— Знакомые места. Сам из Москвы ушел на фронт.

— Значит, земляки! — воскликнул Халин.

Роща, у которой они вышли, как торт какого-нибудь чудака-кондитера, была начинена землянками, шалашами из сосновых лапок, палатками. Михайлов безошибочно ориентировался в них по самым, казалось бы, незначительным деталям. Вон в той землянке, откуда выходит пучок проводов, наверное, дивизионный коммутатор. А в большой палатке, к которой ведет посыпанная песком дорожка,— столовая. Ну да, и меню висит на дереве.

Из одного шалаша доносился часто повторяющийся металлический звук, напоминающий работу печатного станка.

— Это уже мои владения,— сказал Михайлов своим попутчикам,— я, пожалуй, зайду.

Еще с порога подполковник увидел, как боец с помощью рычага приводил в движение диск и два валика, между которыми зажата бумага. Взмах рычага, и готов номер небольшой газеты. Ее укладывал в стопки другой красноармеец. Михайлов вытащил из стопки листок. Оба — и печатник, и его помощник недоуменно уставились на него. Тотчас же один из них вышел. А вскоре в шалаше появился невысокий офицер.

— Редактор дивизионной газеты майор Шундрин,— представился он.

Михайлову ничего не оставалось, как назвать себя. Близорукие глаза майора за круглыми стекляшками очков засветились интересом:

— Разрешите показать хозяйство редакции?

Михайлов кивнул головой.

— Здесь находится печатный цех. Машина несколько старовата, громоздка, но снабжает всю дивизию печатным словом исправно. Тираж расходится сразу же — в полках и батальонах выделены специальные распространители. Иногда, конечно, и работники ре-

дакции помогают. Идешь в подразделение, возьмешь стопку-другую...

Пока майор Шундрин рассказывал обо всем этом, в шалаш набились работники дивизионки. Михайлов сказал, что в штарме газета на хорошем счету. Да и сам он, прочитав сейчас свежий номер, остался доволен им. Единственная просьба: подумать о приложении к газете, что-то вроде листовки о тех, кто умело бьет врага...

В шалаш протиснулся Игнатов:

— Политработники уже собрались и ждут.

В блиндаже, в который они пришли, было густо — человек двадцать. Каждый устраивался вокруг стола начподива как мог — кто на чурбачке, кто по-азиатски, поджав под себя ноги. Игнатов сказал несколько слов о собравшихся и представил всем Михайлова. Поднявшись, тот вдруг понял, что надо, очевидно, рассказывать о себе.

— Был комиссаром 290 стрелковой дивизии. Обороняли Тулу. В июне сорок второго стал начподивом Тульской стрелковой дивизии. Теперь вот к вам направили. Вопросы будут?— последнее он спросил скорее по привычке.— Нет? Сами-то как живете, воюете?

— Жизнь наша известная. Сегодня в одном подразделении заночуешь, завтра — в другом. Как в песне: нынче здесь, завтра — там.

— Почему же то здесь, то там?

— Мы каждого периодически закрепляем за определенными участками, как бы уполномоченными,— вставил Игнатов.

Михайлов хотел было сказать, что политотдел — не отдел уполномоченных, а воспитательную работу ведут не кампаниями, но промолчал: не здесь об этом говорить.

Вечером, на встрече с комдивом, предложил:

— Надо бы собрать всех работников политотдела в одном месте. Не дело это: один тут, другой там.

— Да пусть по-старому, люди уже привыкли к своему положению.

Ссориться с первого дня не хотелось, однако ночью Михайлов не мог отделаться от назойливой мысли: «Нет, надо все-таки пре-

кратить эти уполномоченские шатания, веник, и тот мести не будет чисто, если в нем одна былинка».

Измеряя блиндаж своими длинными ногами, Михайлов думал о том, что все здесь сделано как-то не в расчете на политотдел. «Обязательно переделать», — решил он.

Утром, когда они вновь встретились с генерал-майором Наумовым и тот спросил его: «Как спалось?»— он ответил: «Плохо».— И протянул исчерченный листок бумаги.

— Что это?

— Чертеж новой землянки политотдела. Вход, прямо по ходу скамейки, столы — это место для совещаний, учебы, собраний, налево—отделенная досками спальня для всего состава.

— Ну и упрямый же ты!— рассмеялся генерал.— Хорошо, будет тебе блиндаж. Может быть, сегодня и сделают. Слышишь, Митрофан Федорович, я забуду, так ты скажи комбату Пережогину[1], чтоб своих хлопцев послал на строительство блиндажа.

Только теперь Михайлов заметил в дальнем углу, за занавеской, Супрунова. Знакомство их состоялось вчера, правда, было оно беглым: начальник штаба на минутку заглянул к Наумову — торопился на проводы уходящей в поиск разведгруппы. Сейчас Супрунов измерял что-то на наумовской карте циркулем. На слова комдива ответил:

— Постараюсь не забыть... Александр Федорович, если наступать, то все-таки в этом месте. Здесь и местность подходящая, и минных полей меньше.

— Наступать?

— Да. Слышал о событиях под Курском? Ветерок оттуда дошел и до нас.

— А почему меня не предупредили о наступлении? Как же с политической обеспеченностью боя?

Супрунов и Наумов разом рассмеялись.

---

[1] *Александр Яковлевич Пережогин* — командир 665 отдельного саперного батальона.

— Так ты ж только вчера прибыл, откуда тебе знать?— все еще смеясь, проговорил генерал.

— Нет, я серьезно.

— Я серьезно и говорю: на днях сдаем свою полосу соседней дивизии и маршем движемся на Верхнюю Песочную, где приказано атаковать противника в направлении деревни Анновка. Кстати, делать это вам придется уже с новым комдивом.— Наумов кивнул в сторону Супрунова.— Меня отзывают в штарм[1].

2

После марша, развернув полки к наступлению, Супрунов стал ждать приказа из 38 стрелкового корпуса, в чьем подчинении находилась отныне дивизия. Ждал комдив еще и результатов разведки. Отряд разведроты, посланный под Анновку, вернулся ни с чем: был обнаружен. Оставалась надежда на разведгруппу 1270 полка, которая уже сутки действовала там же. На всякий случай Супрунов просил помощи у корпуса: разведку самолетом. Ему не отказали, но высказали удивление, поскольку дивизия, которую на этом участке сменила 385-я, лишь накануне провела разведку боем. На это Супрунов ответил, что привык полагаться на сведения, не раз уточненные.

Довольно долго пропетляв по лесам, прилегающим к Верхней Песочной, и отлежавшись после того весь день в зарослях пихтача у предпоследней на своем пути деревни Чужбиновки, разведчики 1270 полка пробирались теперь рощей к северной окраине Анновки. Впереди группы настороженной походкой шел Филипп Несветов. Вот он остановился, зачем-то приподнялся на носки, повертел головой и вдруг, махнув, чтоб все залегли, сам спрятался за дерево.

[1] Начальником штаба дивизии с этого дня стал подполковник Данилов Константин Александрович; начальником оперативного отдела майор Легеня.

Минуты через две разведчики разглядели того, кто насторожил их командира. То был человек в кальсонах и тулупе. Он бежал, странно подпрыгивая и разя палкой деревья по обе стороны от себя, как мальчишка, играющий в «Буденного». Человек был бос, на голове — женский платок.

Но и умалишенного разведчикам надо обходить, мало ли что.

Перед ними в форме прямоугольника расстилалась поляна, на противоположной стороне которой виднелись немецкие блиндажи да обветшалые риги колхозников. Дальше шли огороды, потом улица. Другая, перпендикулярная к ней, заканчивалась всего в нескольких метрах и правее того места, где лежала группа Несветова.

Откуда-то, похоже, вон из той конюшни, доносится музыка. Никак клуб. Ну да, в деревне ведь стоит штаб 321 пехотной дивизии, значит, клуб обязательно будет при нем. Что, арийцы, трубящие на каждом углу о своей высокой культуре, довольствуетесь для увеселения советской конюшней? Торопитесь, скоро и этого лишат.

Младший лейтенант Несветов смотрит на расплывающиеся от сгустившихся сумерек очертания деревни и думает о том дне, когда война закончится и можно будет вернуться в Киргизию, в свое родное Калининское. Дострою дом, что начал нынешней зимой, когда ездил на побывку. Вначале думал, горы сверну за десять-то дней, а только и сделал, что родню повидал, дочь с сыном на руках подержал, да обошел семьи фронтовых товарищей.

Невдалеке справа в проеме между деревьями заплясал светлячок от идущего грузовика. А-а, дорога с Вязовца.

После света машины глаза никак не могут привыкнуть к темноте, потом начинают опять различать ближайшие строения. Хорошо бы подобраться к ним поближе да посмотреть, где и что прячется. Если правее, через дорогу, а там огородами. Филипп бьет прутиком по сапогу, это условный знак: следуйте за мной.

На первом же огороде им приходится долго лежать в картофельной ботве: опять прошло несколько машин. Уже из Анновки. Только было собрались ползти дальше, на огороде появилась че-

5—1278

ловеческая фигура. По тому, как человек двигался, выкапывая картофель, разведчики догадались, что он пожилой, скорее даже старый. Филипп предупредил своих: «Всем оставаться на своих местах, в случае чего страховать».

Увидев перед собой автомат, старик обмер, попятился и чуть не свалил ведро.

— Тихо, папаша,— предостерегающе произнес Филипп,— не бойся, свои. Ты кто будешь?

— Я-я-то? Я-я? Стало быть, дед Михайло, Мальгичев дед. Тута меня вся окрестность так кличет.

— Т-тс. Не так громко. Где живешь?

— Так ить тута, в землянке,— старик показал рукой за спину. Приглядевшись, Филипп увидел тусклую щелку света, исходящего словно из-под земли.

— Старуха у меня хворая, хотел картохи накопать,— проговорил старик уже смелее.

— Вот что, дед, веди меня к себе.

Землянка была маленькой, в ней едва вмещались печка-буржуйка и топчан, на котором под тряпьем и тулупом лежала старуха. Филипп при свете коптилки стал наносить на свой план огневые точки противника в деревне. Дедок оказался знающим. Его, старого колхозного бондаря и печных дел мастера, немцы не раз приглашали к себе в блиндажи. Клал он печки и в клубе гарнизона, и у коменданта.

Старушка, во все время их разговора не подававшая и признаков жизни, неожиданно забеспокоилась, застонала. Дед бросился к окошку, которое накануне предусмотрительно закрыл тряпицей.

— Никак кто идет,— заволновался он.—Слух у нее дюже здоровый, далече шаги слышит.

По деревянной обшивке землянки кто-то громко постучал, послышалось жужжание фонарика, работающего от ручной динамки. Филипп понял: это не свои. Он вмиг схватил тулуп с постели старухи, накинул его на себя, пилотку сунул в карман брюк, сапоги — под топчан, автомат — под полу тулупа.

И когда дед повернулся от окна, на него смотрел точь-в-точь местный дурачок Коля, такой же сопливый, босой, на голове — бабкин платок...

— Бондаль, ти есть дома?— послышалось с улицы.

— Дома, дома господин переводчик,— закричал в ответ старик, открывая по знаку Филиппа дверь.

— Господьин комендант вьелел тфоя яфиться. Ему нужна чинить тельега.

— Хорошо, хорошо, сейчас соберусь.

— Ти что-то длинно отворьял, у тебя кто-то есть?

Жужжание фонарика приблизилось, луч от порога скользнул в землянку.

— Никак нет, мы со старухой да Коля-дурачок забрел, — со страху еле выдавил из себя старик.

— Шнель, шнель, бондаль!

Старик схватил свою шапку, шагнул за порог и плотно закрыл за собой дверь. Выждав несколько минут, Филипп выскочил из землянки...

3

На следующий день самолет-разведчик облетел все села на предполагаемом пути дивизии до Анновки: Кулаковку, Вязовец, Крутое, Большуху, находившийся между ними детдом, из которого детей вывезли перед приходом немцев; Малую Большуху и, наконец, Чужбиновку. В Анновке летчик сбросил на гарнизонный клуб бомбу.

Ближе к бою Супрунов уточнил еще раз с дивизионным инженером участки своих и немецких минных полей, обговорил с артиллеристами последовательность артобработки вражеских траншей, со связистами — варианты связи на все непредвиденные случаи.

С Михайловым у него не было никакой договоренности, но, тем не менее, бывая в полках, он то и дело встречался с ним либо на командных пунктах, либо в траншеях. А однажды, придя в 1266 полк, Супрунов с удивлением увидел двигавшийся от траншеи в

сторону немцев гроб, в котором восседал фанерный Гитлер. Гроб был подвешен на тросике, а тот с помощью маленького полиспаста далеко на нейтральной полосе крепился к дереву. Один из бойцов рывками тянул на себя свободный конец тросика и создавалось впечатление, будто фюрер скачет из преисподней, чтобы навестить своих вояк. Начальник политотдела и солдаты смеялись до слез. Увидев комдива, Михайлов подошел к нему:

— Солдату перед боем нужен смех, как больному сон,— проговорил он и без перехода поинтересовался:— А вы верите в приметы, ну, если хотите, в символы?— Супрунов недоуменно пожал плечами.—Видите облачко, красное такое от заката и очень похожее на флаг? Да вон же, зацепилось за макушку сосны, прямо над немецкими траншеями. Мне эта примета говорит о том, что знамя дивизии скоро, очень скоро будет в Анновке.

И как-то сама собой исчезла скованность, словно они были знакомы не несколько дней, а всю жизнь.

— Я думаю,— сказал Супрунов,— на правый фланг поставить полк Нестерова, на левый — 1266-й. А 1270-й пусть останется в резерве.

— Правильно,— поддержал Михайлов.

...13 августа, в 15.00 Супрунов приказал подтягивать роты к исходному рубежу. Через сорок минут началась артподготовка. «У-у-у!» — стонал в траншеях воздух, это «катюши» изрыгали свои огненные смерчи, потом заговорили батареи полковых минометов. Минут десять спустя огонь был перенесен в глубь вражеской обороны. И тогда взвились красные ракеты — сигнал к бою.

Супрунов видел в амбразуру НП, как его солдаты поднялись в атаку. И тут же «Ветер» (Нестеров) и немного погодя «Туман» (Коновалов) доложили ему: «Ураган», мы пошли».

— Счастливо,— напутствовал он их.

Атакующие спустились в низину перед немецкой траншеей, Супрунову не стало видно происходящего. Он велел связистам соединить его с 1268-м. В трубку сразу же взволнованно закричал Нестеров:

— «Ураган», «Ураган», слышишь, восемьсот метров преодолели, дальше мешают дзоты. Три слева и два прямо по центру. Сейчас артиллеристы работают...

— Действуй.

С Коноваловым связи не оказалось.

— Должно быть, провод перебило осколком. Исправим мигом.— Дежуривший связист выбежал из блиндажа, но Супрунов не стал ждать его и запросил «Туман» по рации. Коновалов, оказывается, уже ворвался в первую траншею и вел там неравный бой, так как один из его батальонов был отрезан от полка.

— Ребята держатся, организовали круговую оборону, но пусть «Ветер» поможет, он к ним ближе,— закончил Коновалов.

К этому времени артиллеристы накрыли все пять дзотов. Полк Нестерова снова поднялся и одним броском захватил траншею врага. К 24.00, взяв три немецкие траншеи, дивизия устремилась к рубежу Вязовец — Детдом. Поздно ночью, смяв еще несколько заслонов отступающего противника, она подошла к Малой Большухе и Чужбиновке, где располагалось до трех неприятельских батальонов. Полк майора Коновалова, зайдя немцам в тыл, к 3.00 следующих суток выбил фашистов из обоих сел.

Супрунов позвонил Коновалову:

— Благодарю тебя и всех твоих героев. Закрепись и удержись во что бы то ни стало. Помоги «Ветру» взять рощу...

Взятие рощи, той самой, из которой накануне Филипп Несветов вел разведку Анновки, обеспечивало контроль за подходом к деревне подкрепления со стороны Вязовца и Латышей, где находились пехота и танки гитлеровцев.

К двум часам дня 1268-й первым (комбат капитан Берснев) и третьим батальонами (комбат майор Найденов) ворвался в рощу. Стык полка с 1266 прикрывал второй батальон капитана Репетунова, которому удалось взять здание школы, находившейся несколько на отшибе Анновки.

Теперь Супрунов перенес свой наблюдательный пункт из леса у Верхней Песочной к Кулаковке, стоящей выше остальных дере-

вень. От обоих полков, ведущих бой, комдив требовал самых решительных действий. «Промедление опасно!— писал он Нестерову в шифрограмме.— Смять, смять врага, пока он не опомнился. Начинай Репетуновым и Нейденовым, Коновалов тебе поможет. Что же касается Берснева, держи его все время фронтом на Вязовец и Латыши».

Комдив был прав: пытаясь обойти с фланга, неприятель воспользовался большими лесными полянами у Вязовца. Одиннадцать «тигров» с ротой десанта появились из-за деревьев; бой с ними приняла рота противотанковых ружей. Берснев всего час назад выдвинул ее вперед и приказал окопаться. Но вырыть окопы в полный профиль бойцы не успели.

Первыми преградили путь фашистским машинам комсорг роты старший сержант Чеботаревич[1], командир расчета ПТР старший сержант Курбангалиев и его помощник рядовой Степанов[2]. Чеботаревич поджег один танк. Автоматчики посыпались на землю, как поджариваемый горох. Комсорг успел бросить гранату. В тот же момент рядом с героем взметнулся столб земли, в котором в последний раз мелькнула фуражка комсорга.

Курбангалиев и Степанов ползком устремились к небольшой воронке метрах в десяти впереди них. Но танкисты заметили смельчаков. Три машины рванулись наперерез. Старший сержант, пытаясь выиграть время и дать возможность Степанову прицелиться, швырнул одну за другой две противотанковых гранаты. Прыгнув в воронку следом за Степановым, Курбангалиев увидел пламя над двумя «тиграми». Третий танк летел прямо на него и Степанова...

Спустя час на НП батальона прибежал окровавленный связной. Он доложил Берсневу: танки с десантом не прошли, но и вся рота ПТР погибла. Остатки вражеского десанта отступили к Вязовцу.

---

[1] *Чеботаревич Павел Федорович* родом из города Скидель Белостокской области.

[2] *Курбангалиев Хамид Файзурахманович* родом из местечка Хаджигали Кара-Калпакии; о Степанове известно мало — лишь имя и отчество: Василий Алексеевич.

Чтобы предупредить повторение атаки, Берснев, связавшись с командиром полка, решил брать Вязовец.

В самой Анновке события развивались очень стремительно. Бойцы второго и третьего батальонов 1268 полка выбили немцев из нескольких домов восточной окраины и переулка, что выходил к северной роще. В переулке закрепилась восьмая стрелковая рота, которая сразу же подверглась натиску контратакующих с двух сторон: от гарнизонного клуба и с улицы, что врезалась в рощу. Восьмой должна была помогать девятая рота, но немцы сковали ее действия несколькими танками. К вечеру положение штурмовавших деревню ухудшилось: в воздухе повисли самолеты со свастикой. На протяжении почти пяти часов они делали заход за заходом на позиции дивизии.

Супрунов отдал приказ оставить Анновку до утра, окопаться, произвести перегруппировку: второй и третий батальоны 1268-го сдвинуть к южной окраине, а на место первого, ушедшего на Вязовец, переместить несколько рот 1266 полка от Чужбиновки. 1270-й по-прежнему оставался в резерве, за исключением первого батальона майора Морозова, который находился возле школы (её отделял от деревни пустырь и ручей) и должен был содействовать наступлению 1268-го на деревню с восточной и северо-восточной окраин.

Во всех подразделениях были выделены специальные истребители самолетов, укреплены роты ПТР. К тому же, корпус подбросил две «тридцатьчетверки» и один «КВ».

Немцы делали ставку на танки и дзоты. Танки стояли на южных огородах и у восточного въезда в деревню, напротив школы, блиндажи на северной окраине ночью переоборудовали в стрелковые ячейки. Самый крайний, у ручья, был превращен в дзот.

Под дзоты немцы использовали также каменные дома комендатуры и бани, соединив их траншеей в рост человека. Оба дзота удобно располагались. Из них свободно простреливались северная и северо-восточная окраины.

Рассвет наступил внезапно: всего полчаса назад были густые сумерки, подсвеченные горевшими по всей округе домами, и вдруг

даль прояснилась до самого горизонта. Тотчас же ударили минометы и пушки дивизии, а потом на участке от Большухи до Вязовца поднялась пехота. На этот раз атаки на Анновку с юга и востока были более удачными, нежели с севера от рощи, здесь роты 1266 полка отбивали уже третью атаку немцев со стороны Латышей. Первый батальон 1270 полка, спустившись от школы к ручью, вынужден был залечь под многослойным огнем из блиндажей и дзотов. Труднее всего приходилось второй роте старшего лейтенанта Баева, которой было приказано уничтожить дзоты. Первый, что у ручья, удалось подавить довольно быстро. Огонь из двух других — комендатуры и бани — был настолько сильным, что не давал возможности поднять головы.

Комбат Морозов ругал Баева, а тот в свою очередь распекал командиров взводов Диканьского, Федькина и Коломийца.

— Не так-то просто это сделать,— пробурчал Диканький.— Огонь не прекращается ни на секунду.

— Я, пожалуй, попробую,— решился младший лейтенант Коломиец, командир второго взвода. Люди его лежали ближе к роще, и он подумал, что если вот так, прижимаясь к деревьям, удастся пробраться к дзотам с правого фланга, то можно будет забросать их гранатами.

Баев попросил комбата связаться с 1266-м, ведущим бой в роще, чтобы тот отвлек внимание фрицев на себя. А Коломиец тем временем и проскочит к дзотам.

Уже на пути к своему взводу младший лейтенант услышал, как пулеметы и автоматы на правом фланге застрочили веселее. Коломийцу не пришлось долго объяснять взводу, что от него требуется, его поняли с полуслова: воевали они вместе уже почти год. Он был не из тех командиров, о которых бойцы обычно говорят: «Гляди, наш-то — орел». Коломиец не щеголял выправкой и даже не умел по-мужски обижаться, когда его ругали. Синие с грустинкой глаза его при этом лишь темнели, а на лице появлялась печальная улыбка, которая как бы говорила: «Я виню не тебя — войну». Войну он ненавидел, как только может ненавидеть человек,

Родину которого топтали враги, человек, лишенный семьи, любимой работы... Война застала его на вокзале. Он собирался ехать в родное село под Киевом, где отдыхала жена Мария с малым сыном. И вот до сих пор, целых два года, Алексей не мог простить себе, что тогда, в сорок первом, отправил семью. Жива ли она, он не знал...

Младший лейтенант пополз первым, за ним старший сержант Борисов, который накануне боя за Анновку стал парторгом роты, далее командиры отделений, сержанты Головин и Воробьев, бойцы. Из развалин клуба взвод обстреляли. Воробьев, отличный гранатометчик, бросил противотанковую и, по-видимому, удачно.

Улицу перебежали по одному чуть правее комендатуры и бани. Немцы в роще заметили их. Для прикрытия со стороны рощи пришлось оставить у крайнего дома полвзвода. Во дворе бани Борисов пристрелил несколько фрицев, а взводный бросился к окну. Гулко прозвучали разрывы двух гранат, вдребезги разлетелась рама. Плотно прижимаясь к фундаменту дома, Алексей сделал несколько шагов и увидел второй дзот. Он лепился к стене комендатуры этаким наростом из бетона. Под ним и сбоку была траншея, а в ней—несколько автоматчиков. Коломиец рубанул их самой длинной очередью, а из дзота ответной—по нему. Спрятавшись за угол, Алексей переждал минуту, потом метнул гранату прямо под амбразуру. Она взорвалась, подняв вверх песок и глину. Воспользовавшись этой завесой, взводный проскочил к глухой стене дзота. Он перевел дыхание и швырнул последнюю гранату теперь уже в самую щель, из которой то и дело метелкой выстало пламя.

Раздался взрыв. Обернувшись, Коломиец увидел, как через улицу бежит Воробьев[1] со своим отделением. Издалека нарастало: «А—а—а!» Батальон поднялся в атаку. Вдруг Воробьев споткнулся, упал и не поднялся. Рухнули на землю еще несколько бойцов. И в ушах начался такой перепляс звуков, словно это его собственный авто-

[1] *Воробьев Николай Михайлович,* уроженец города Москвы, на фронт пришел из г. Углич Ярославской области.

мат бьет без передышки разрывными. Он догадался, что эти звуки из дзота, из амбразуры снова маячила красная метелка. Так. Воробьев и ребята... Выходит, он просто их всех подвел. Вон еще падают, падают... А как же Мария и маленький Володька? Сынку, сынок, Марийка, вы простите меня, простите, я не мог иначе...

Он упал на амбразуру, грудь обдало чем-то горячим, а в ушах какая-то странная тишина, тишина ..

Борисов недоуменно глядел на всех:

— Нет, вы понимаете, я только с ним расстался, решил зайти с огорода, и надо же...

Командир роты старший лейтенант Баев положил ему руку на плечо:

— Не убивайся, ты тут ни при чем. Помоги.

Они бережно подняли тело Коломийца и понесли к одинокому могучему дубу, что рос на поляне у ручья, откуда всего полчаса назад взвод младшего лейтенанта и начинал путь к этому дзоту.

— Тут и место хорошее, и спать ему будет приятно под деревом,— подытожил Баев, не подозревая, что говорит о погибшем, как о живом.

Бой затих, и лишь где-то под Латышами или, быть может, у лесистых Крайчуков, Относок и Свободы, куда бежали отступающие немцы, грохотала канонада.

4

Три парня и две девушки в немецких френчах, с лицами серовато-синими, видно от постоянного недоедания, остановили машину Михайлова на окраине Анновки.

— Товарищ офицер,— смело обратилась к нему девушка, по-старушечьи закутанная в выцветший платок,— скажите, чем нам теперь заниматься?

— Может, в армию идти, или еще какие дела найдутся для нас? — поддержал ее один из парней.— Вы не глядите, что скелеты,— выдюжим.

Михайлов взволнованно смотрел на них и думал: «Милые вы мои, куда же вам в армию, хорошо бы в какой-нибудь санаторий, подлечиться... Что ответить? Послать в райком комсомола? Впрочем, откуда здесь быть райкому? Но ребята нуждаются в помощи, хотят работать»...

— Вот что, товарищи,— подвел он итог своим мыслям,— давайте об этом поговорим на собрании. Собирайте-ка всех своих друзей-товарищей, а мы наших комсомольцев пригласим. И поговорим. Не возражаете?

— Идет,— ответила за всех девушка.

Михайлов обратился к своему помощнику майору Филонскому, сидевшему в машине:

— Сможем оперативно собрать наш комсомольский актив?

— Попробуем. Правда, актив сильно поредел: семь ротных комсомольских организаций без вожаков. Погиб комсорг найденовского батальона Муравьев. Кстати, вас ждут лейтенант, что прислали из корпуса на должность комсорга 1270 полка, и еще один офицер, новенький, из пополнения.

Когда Михайлов вошел в землянку политотдела, офицеры, ждавшие его, дружно вскочили, приветствуя. Худощавый быстрым взглядом открытых карих глаз смерил Михайлова с головы до ног; другой, полноватый, степенно пожал руку. В первом Михайлов узнал своего вчерашнего собеседника из той самой роты, которая должна была влиться в состав Новосибирской гвардейской дивизии, но по ошибке попала на участок 385-ой.

Командование дивизии решило оставить роту у себя. Сообщение об этом вызвало недовольство вновь прибывших. Возмущенный галдеж оборвал спокойный убедительный голос: «А, собственно, какая разница, где воевать? Мы ведь рвались на фронт, чтоб бить фашистов. Я лично готов делать это и здесь...»

Так Михайлов познакомился с Чертенковым, бывшим комсомольским работником из маленького поселка Тогучин Новосибирской области. Начальник политотдела решил испробовать парня на долж-

ности комсорга 1266 полка. Второй офицер назвался лейтенантом Товкесом.

Постепенно поляна у землянки политотдела заполнялась комсомольцами. Филонский давал Михайлову характеристику почти на каждого.

— Лейтенант, стройный, как девушка,— комсорг первого батальона 1268 полка Типикин. Дивчина с ефрейторскими погонами, что рядом с ним, член комсомольского бюро того же батальона, телефонистка роты связи Вера Попкова. В последнем бою устранила сорок порывов.

Два младших лейтенанта: рыжеволосый, с медалью «За отвагу», и кряжистый, у которого «Красная Звезда»,— комсорги второго и третьего батальонов 1266 полка Никулин и Покуневич. Еще недавно первый был минометчиком, а второй — рупористом. Сержант, что сидит у окна, Саша Кулик — диктор окопнозвуковещательной станции, наш поэт...

Сельские комсомольцы пришли вдесятером. Держались они плотной стайкой, чувствовали себя неуверенно.

На поляне появился комсорг 1268 полка Пастушенко, очень возбужденный, расстроенный.

— Сейчас Кулибин погиб. Иду леском, вижу — сидят замполиты 1270-го. Только поравнялся — ба-ах! У него в руках разорвалась граната...

— Кулибин? — переспросил Товкес.

— Парня этого так звали. Хороший был, башковитый.

Саша Кулик достал блокнот и начал писать. Типикин подошел к нему.

— Что, Саша, о нем?..

— Да, о нем. Не очень складно, но — от души. Хочешь, прочту?

— Конечно. Ребята, тише! Саша прочтет стихи, посвященные памяти Командирова,— сказал он, обращаясь ко всем.

Кулик поднялся и, волнуясь, стал читать:

Умирают лобастые парни,
Те, которых матери ждут.

И встает над могилами зарево —
Подвиги павших к сраженьям зовут...

Над поляной висела гнетущая тишина. Когда Кулик закончил, Михайлов произнес:

— Прошу почтить память всех погибших комсомольцев вставанием.— Все встали. Минута прошла в скорбном молчании. Потом Михайлов обратился к девушке:

— Как вас зовут?

— Валя.

— Слово предоставляется комсомолке Вале.

Валя поднялась и, перебирая тонкими пальцами концы платка, заговорила:

— От чистого сердца скажу вам, что мы до войны не понимали, как хорошо, когда можно собраться и побеседовать обо всем, что на душе. Мы два года мечтали об этом, комсомольские билеты берегли как самое святое...— Сосед девушки что-то сказал ей. Она улыбнулась.— Верно, не все прятали. Я, к примеру, носила все время с собой, за исключением тех дней, когда уходила на связь с партизанами. А что? — Валя гордо выпрямилась.— Все равно бы фрицы не поверили, попадись им, что я не комсомолка. А так, когда билет с тобой, знаешь, что ты не в одиночестве. И, конечно, верили мы, что вы придете. Вы пришли, и мы задаем себе вопрос: два года прошли впустую, не хватит ли? Мы хотим, хотим мстить за наших родных и товарищей!

«Этак, чего доброго, у нас в тылу никого и не останется. Скажи ребятам, пусть выступят, но умненько»,— написал на бумажке Михайлов Филонскому.

Филонский пересел поближе к Андрею Покуневичу. Тот выслушал его и согласно кивнул головой. Только девушка села, Михайлов предоставил слово Андрею.

— На нас, воинах, лежит огромная ответственность. Каждый уничтоженный фашист — это шаг к победе. Только ведь, товарищи сельские комсомольцы, ваш вклад в победу тоже может быть не менее весомым. Смотрите, сколько кругом разбито, сожжено, взор-

вано, сколько уничтожено мостов, выведено из строя дорог! И строить надо, и сеять хлеб. Кто должен это делать? Мы, люди постарше, воюем, значит, вся надежда на вас. По мере возможности мы окажем вам помощь. Коль решитесь, скажем, сегодня чинить мосты, строить дома, мы, комсомольцы третьего батальона 1266 полка, считаем себя мобилизованными на всю ночь — будем заготовлять лес...

— Правильно, Андрюха, правильно! — закричал с места Никулин. Комсорг 948 полка Аксинин пожал руку Покуневичу.

— Всех комсомольцев-артиллеристов запишите строителями на то время, пока будем здесь стоять,— обратился он к Михайлову.

Михайлов вносил в блокнот предложения комсомольцев, и с лица его не сходила добрая улыбка, улыбка человека, вспомнившего свою юность.

В эту ночь обеспокоенные фрицы задавали друг другу вопрос:

— Слышишь, Иваны пилят и рубят деревья. Что бы это значило?

Лес валили по всей округе освобожденных от немцев сел.

6

Командир корпуса отменил свое прежнее указание о переходе дивизии к временной обороне в районе Анновки и приказал наступать по ранее разработанному оперативному плану. А это значило: 1268-ой стрелковый полк наступает с Относок на деревню Дубровка, 1266-ой — от Свободы на Бутовку, а 1270-ый из леса, юго-восточнее Крайчуков,— на Шиловку. Бутовка и Шиловка были промежуточными пунктами между Дубровкой и Крайчуками. С Крайчуков теперь начинались позиции 330 стрелковой дивизии, шедшей слева от самого Кирова.

Супрунов стал звонить в полки. Первым откликнулся майор Нестеров. Заспанным голосом командир 1268-го просипел в телефонную трубку:

— Двадцать седьмой слушает.

— Это я, седьмой,— проговорил Супрунов.— Как у тебя дела?

— Да ничего, помаленьку постреливают.

— Спал?

— Малость вздремнул. Ночью, часов до трех, проводили партсобрания.

— Ну извини, что не дал додремать, необходимость. Завтракать я к тебе не приеду. Отменяется завтрак. Ты понял меня?

— Так точно.

— Свою столовую направишь туда, куда раньше договаривались, а потом первую кухню — в рощу «Сапог»...

После взятия Бутовки 1266-й во взаимодействии с первым батальоном 1268 сп должен был наступать в северо-западном направлении от Дубровки. Там, южнее населенного пункта Моисеевский, в роще, похожей своим очертанием на сапог, оставались еще разрозненные группы противника. Надо было их уничтожить, чтобы в дальнейшем застраховать себя от неприятностей.

Одновременно с этим 1268-й, без первого батальона, наступает на деревню Мокрое, которая примыкала почти вплотную к Дубровке и была как бы её продолжением в сторону юго-запада...

Дольше всех не откликался майор Коновалов. Наконец, связисты разыскали его. Уже по тому, как комполка нервно прокричал в трубку: «Да! Да!» — Супрунов понял, что в 1266-м что-то произошло.

— Что там у тебя?

— Танки. Ломятся от Шиловки.

— Много?

— Штук шесть насчитали.

Супрунов еще не закончил разговор с Коноваловым, как началась артиллерийская канонада. Воздух стонал, казалось, с каждой минутой все сильнее и сильнее. Прислушавшись, комдив определил, что снаряды рвались далеко на юго-западе, значит, Нестеров из Относок начал обстрел Дубровки.

Несколькими минутами позже, когда Супрунов был уже на своем НП, вырытом на опушке леса, между желтых березовых крон, он увидел, как полк Коновалова вел бой с танками. Тяжелые машины, густо удобряя землю металлом, шли в шахматном порядке, а

коноваловцы молчали, молчали даже тогда, когда три танка уже пересекли первую линию траншей.

Супрунов выругался. Но вдруг передний танк остановился, из его башни повалил черный дым. С правого и левого флангов ударили одновременно несколько пушек. Снаряды их бугрили землю впереди и сзади прорвавшихся танков. Остальные три повернули обратно. В догонку им заспешили разрывы. Раздалось «ура-а!»

«Ай да Коновалов!—восхищенно подумал Супрунов.—Задумал ворваться в Бутовку, прикрываясь немецкой броней. А если фрицы делали просто пробу сил? — комдив позвонил на НП командира артполка.— Помоги Коновалову артогнем...»

В 9.00 Коновалов коротко доложил:

— Бутовку взял, иду за Нестеровым на Дубровку.

Дубровка — обыкновенная русская деревня, каких немало и на Смоленщине, и на Орловщине, и в других местах России: две длинные ниточки домов, неровными стежками пришитые к натянутой посредине их жилке-дороге, да речка Хмелевка, повторяющая в точности изгибы ее.

В южной части деревни дорога разветвлялась на три. Одна, пересекая Хмелевку, уходила на большие села Прилепы и Верхние Барсуки, другая — на Моисеевский хутор и далее — на старинное русское поселение Суборово; собственно, это были два пересекающихся большака: один шел через железнодорожную станцию Бетлица на Мокрое, Дубровку, Суборово, другой — от Крайчуков через Дубровку на Прилепы. Третий рукав шоссейки спадал к мосту через овраг, который был границей между Дубровкой и районным центром Мокрое.

«Вряд ли фрицы так просто отдадут эту шоссейку,— думал Супрунов.— По опыту известно, что к таким дорогам они присасываются, как пиявка к телу. А у Нестерова что-то не ладится».

Супрунов попросил связиста соединить его с двадцать седьмым. Нестеров начал с жалобы на артиллеристов, которые не организовали четкого заградительного огня по Верхним Барсукам и Прилепам.

— Немцы теперь чешут по моим из дальнобойных. И в самой Дубровке самоварники не подавили все пулеметы. Вон Найденов напоролся сразу на четыре, залег и второй час — ни с места.

Третий батальон 1268-го и в самом деле залег на открытой поляне перед западными огородами дубровских колхозников. Фриц бил с крыш домов из пулеметов, бил из минометов с высотки, что у северной окраины, бил дальнобойными из Прилеп и Барсуков. Майор Найденов понимал, что каждая минута промедления грозит большими потерями. К тому же, солдат, пролежавший целых два часа лицом в грязи перед вражеским пулеметом, это уже не солдат, а клубок нервных струн, звенящих при каждом свисте пуль... Он, комбат, должен поднять своих солдат. Схватив автомат адъютанта, Найденов вскочил на ноги.

— Вперёе-е-д! За мно-о-й!

Но бойцы не услышали его: издалека через их головы по немецким позициям ударили тяжелые пушки и минометы.

— Впере-ед! За мно-й! — вновь крикнул Найденов, и батальон поднялся.

Важно было пробежать эти несколько сот метров, приблизиться к огненному валу: за ним фашист уже не достанет. И Найденов вел своих к этому спасительному валу, на ходу повторяя, словно заклинание: «Только, братишечки-самоварники, чур, не бить по своим».

У первых построек тяжело дышащий комбат остановился, почувствовав, что механизм атаки вновь отлажен. Мимо бежали бойцы, бежали в яростном стремлении освободить деревню, и он теперь был уверен, что так оно и будет.

— Как очистят дома от фашистов, вели командирам рот собраться. Здесь, в этом доме, и организуем штаб,— сказал Найденов своему НШ[1].

...Командиры рот входили в штаб батальона шумно, находясь

[1] За этот бой Найденов Валерий Георгиевич был награжден орденом Александра Невского.

под впечатлением только что закончившегося боя. Вся деревня освобождена. Нестеров, командир полка, поблагодарил третий батальон за взятие северо-западной окраины ее. Он же посоветовал Найденову во избежание прорыва гитлеровцев от Прилеп и Барсуков поставить одну роту на самом выходе из деревни, а остальным готовиться к атаке на Мокрое.

— Оборону займет восьмая рота,— сказал Найденов, посмотрев на крутолобого офицера.— Как вы, Сафронов, справитесь с поставленной задачей?

Офицер поднялся, как-то очень буднично сказал:

— Справимся, товарищ майор.— И добавил: — Но вообще-то у нас всего одиннадцать активных штыков, так что называть ротой не совсем верно.

— Знаю, Сафронов, знаю, что выбыли все взводные, кроме Мальгина, и что тебе приходится одному выступать в нескольких лицах — всё знаю. Но рота будет ротой, даже если в ней останется не одиннадцать, а один боец. Помнишь, как под Лощихино? Окопайся поглубже. Место там паршивое, с левой стороны кустарник, с правой — лощина. Не исключена возможность, что танки пойдут. Прямо по Прилеповскому большаку они вряд ли полезут, потому что знают: здесь их ждут, а вот обойти ваш кустарник и ударить северо-западнее — это для них заманчиво. Так что учти...

— Есть учесть, товарищ майор.

Пока комбат знакомил остальных с задачей предстоящего наступления, старший лейтенант Сафронов думал, как бы поскорее выбраться из дома да взглянуть на письмо, полученное перед самым вызовом в штаб. Наконец, Найденов замолчал, и Сафронов достал из кармана конверт.

«Здравствуй, мой мелиоратор! Привыкла как-то к этому титулу и никак не могу без него. Ведь столько, бывало, писем начинала так. Между прочим, Сашка весь в тебя, на улице с мальчишками все время строит плотины для купания. Когда ни приду с работы, всё в арыке возится, сам мокрый по уши и Костьку нахлюпает.

Я говорю ему: «Придется ехать на родину батькову, в Винницу,

откуда он начинал свое мелиораторство. Ты, мол, закончишь, как и он, тот же техникум, поработаешь где-нибудь на Кушке, потом появится какое-нибудь второе Ката-Кульское водохранилище». «Почему второе?» — спрашивает. «Потому что первое отец строил».

Живем почти без всяких изменений. Ребята растут, уже Костьке четыре, а когда ты уходил на фронт, ему было всего два.

За нас не беспокойся, едим не так уж сытно, но не голодные и в тепле. В Ашхабаде сейчас самое солнце. Словом, воюй спокойно, бей чертова ворога крепче да побыстрей возвращайся.

Твоя семья: Саша, Костенька, Раиса».

Сафронов еще долго был под впечатлением письма. Отдавал ли он приказания, где и какие окопы вырыть, ругался ли с саперами, поставившими слишком близко к позициям его роты противотанковые ежи,— во всех его делах непременно присутствовали и жена, и четырехлетний Костька, и старшенький Сашок, унаследовавший от него любовь к воде и земле. Незримо они управляли всеми его поступками, словно бы и в самом деле ему хотелось доказать им, что всё делает для быстрого возвращения домой с победой.

Удивительную силу имели эти маленькие клочки бумаги. Долетевшие откуда-нибудь из самой что ни на есть глуши, разукрашенные штемпелями, потерявшие свой первоначальный цвет, письма из дома, от семьи, были сильнее всех приказов самого грозного начальства. Много написано од письмам, шедшим на фронт, и много еще будет написано.

Окопы были вырыты в полный рост, Сафронов удовлетворенно похлопывал по плечам уставших солдат:

— Ничего, старички-мужички, ничего. Лучше попотеть, чем быть раздавленным танком. А ты, Резоненко, что ж, не согласен со мной? — обратился старший лейтенант к рослому широкогрудому бойцу, который, крутя козью ножку, сидел на небольшой кучке земли.

— Так ведь ему, товарищ старший лейтенант, чтоб настоящий окоп вырыть, надо земли очень много выбросить — с добрый дом,

иначе не поместится,— пошутил Кондратьев, самый молодой боец. Его сосед и земляк Павлов, степенный, с уже седеющими висками автоматчик, продолжая копать, с усмешкой посматривал на своего друга: что, мол, Фадей выкинет дальше.

Сафронов знал, что Кондратьев был почти на пятнадцать лет моложе Павлова, но эта солидная разница в годах не мешала им дружить. Дружба та была трогательной, какая бывает порой между отцом и сыном. Когда прошедшей зимой Кондратьев простудился, Павлов во всех нарядах подменял своего друга, однажды с трудом раздобыл мясистый лист алоэ и сам врачевал Фадея от фурункулов.

— Семен Кузьмич,— продолжал между тем Кондратьев, обращаясь к Павлову,— а как это звали в вашей Тарновке бугая, что еще держали в отдельном помещении, помнишь, рассказывал, здоровый такой?

— Резоном звали,— ответил тот, смеясь. Он уже прекрасно понял, куда клонит Фадей.

— Тю-ю! Вон оно какое дело-то!— разыграл удивленное лицо Кондратьев.— Стало быть, всех бугаев-то называют Резонами, только одному, значит, не добавили окончание «енко», а другому... — Фадей плюхнулся на дно окопа, потому что Резоненко запустил в него жирным комом земли.

— Як балаболка, меле, меле, а що меле, и сам не разумие, тьфу! — Резоненко плюнул в сторону своего обидчика, однако, тут же полез с лопатой в свой окоп.

Старший лейтенант с улыбкой пошел проверять окопы остальных бойцов. За Павловым копал землю азербайджанец Гамидов, за ним — молодежь: Волков, Куликов, Куприянов; потом два старичка — смоляк Мандрикин и казанский рабочий Казаков[1]. Самым крайним на правом фланге был младший лейтенант Мальгин[2]. Сафронов умышленно поставил его сюда: пусть этот фланг будет под присмотром взводного, а сам он возьмет на себя левый и центр.

[1] *Казаков Александр Васильевич* родом из Татарии.

[2] *Мальгин Иван Иванович* родился и жил до самой войны в поселке Гомалеевка Сорочинского района Чкаловской обл.

С Мальгиным они долго говорили о разном.

— Ну как, Иван Иванович, привыкаешь к нашей роте? — спросил под конец Сафронов. Мальгин всего лишь несколько дней назад прибыл к ним с курсов младших лейтенантов Западного фронта.— Попритерся немного?

— Малость есть...

Мимо прошли седьмая и девятая роты. Они двигались к последнему дому на юго-западной окраине. Именно отсюда третий батальон должен наступать на Мокрое. Где-то на южной окраине деревни послышалась стрельба из пушек.

— Очухались немцы,— проговорил Сафронов.— Ну, ты поглядывай здесь за оврагом, а я—на левый фланг.— Он выглянул из окопа, чтобы еще раз осмотреть лог, и увидел крадущихся фрицев.— Готовьсь!— закричал Сафронов и, пригибаясь, побежал на свое место. Но он не знал, что враги движутся на горстку его бойцов двумя группами — вторая, в несколько раз большая, чем та, которую он увидел, шла, скрываясь меж кустов.

Первая группа противника показалась из лога. Дружно ударили все одиннадцать автоматов. Немцы попадали на землю. Сафронов радовался. «Молодцом, молодцом!» — хвалил он про себя Мандрыкина и Казакова. Он замечал все: и то, как Казаков вдруг стал заваливаться влево, а затем исчез в окопе; и то, как некоторое время молчал автомат Куприянова, он с тревогой подумал: «Не убили ли?», но Куприянов вскоре вновь показался из окопа в одной нательной рубахе; и то, как слева у бруствера окопа Павлова поднялась небольшими языками пыль. «Почему слева?— Сафронов проследил траекторию пуль, и тут же крикнул, срывая голос:

— Немцы в кустах! В кустах!..

Огонь десяти автоматов не в состоянии сдержать новой атаки. Сафронов в упор расстреливает немецкого офицера и, моментально оценив обстановку, вскакивает на бруствер окопа:

— Бей гадов!

Рядом вырастают Резоненко, остальные бойцы. В ход идут гранаты, приклады автоматов. Кто-то из бойцов падает в окоп вместе с насевшими на него несколькими фрицами. «Кажется, Кондратьев[1], коль Павлов спешит на помощь»,— фиксирует Сафронов. Фиксирует моментально, потому что видит впереди себя с десяток удирающих фрицев и дает по ним очередь. Резоненко, весь мокрый от пота, помогает ему, радостно крича:

— Ага-а! Драпаете, га-а-ды!..— И прыгает в заброшенную траншею, начинающуюся у кустарника и идущую перпендикулярно сафроновским окопам. Ротный опускается рядом. К ним подходят Куликов, Мандрикин и Мальгин. У последнего окровавлен и разорван левый рукав гимнастерки. Рану он не успел перевязать и, чтобы остановить кровь, крепко перетянул руку ремнем автомата.

— Разрешите, я помогу,— сказал Мандрикин и, разорвав пакет, стал перевязывать бинтом руку младшего лейтенанта. Резоненко вытащил из кармана расшитый атласный кисет. Все закурили, глубоко и долго затягиваясь, чтобы успокоиться.

— Смотрите, никак подкрепление в одну единицу пылит.— Волков показал на огород крайнего дома.

Мандрикин присмотрелся к бегущему:

— Женька Кузнецов, он сегодня связным у комбата.

— Ну, как вы тут?— Кузнецов бросил пилотку на дно траншеи и сел на нее, отдуваясь.

— Вашими молитвами живем да фрица бьем,— улыбнулся Волков.

— Да, немцы долги роки будут вспоминать нас,— проговорил Резоненко[2].

— Особенно те, с которыми ты почеломкался,— засмеялся Ку-

[1] *Кондратьев Фадей Кондратьевич* — уроженец деревни Варкисбадья Агрызского района Татарской АССР, призван в армию Каракичукским РВК Воронежской области.

[2] *Резоненко Герасим Радионович* после этого боя попал в госпиталь, а потом вновь вернулся в свою родную часть.

ликов.— Смотрю, летит на него один фриц, только хотел было застраховать нашего Резоненко, а он его — бах прикладом. Двое других решились сзади взять, он крутанул автоматом, как Добрыня Никитич оглоблей, и бедные гансы разом оказались на земле...

— А сам-то... Хлопцы, я маю сказать, що ций товарищь запретным приемом орудовав. Вин зараз нимца бил у це самое мисто, що не дозволено называты, а опосля очередью з автомата закинчував. Ну разве ж це к лицу червоному бойцу?

Все громко рассмеялись.

— Хорошо все-таки сделали фрицы, что драпанули,— проговорил Мальгин, бросая окурок в дальний угол траншеи,— а то у меня мелькнула было нехорошая мысль. Гляжу, Гамидов упал, Павлова, раненого, какой-то фриц полил очередью[1]. Пока я с этим разделывался, тут на меня двое налетели, и один сморчок в руку всадил. Но это ничего, заживет, а вот ребят положили.

— Надо бы, старички-мужички, снести их в одно место. Потом, когда наши подойдут, похороним,— сказал Сафронов и первым поднялся. В то же мгновенье из отдаленного кустарника прозвучала длинная пулеметная очередь. Ротный неловко скатился обратно в траншею прямо на руки Кузнецову и Мандрикину[2].

— Ах, сволочи!— зло прокричал Резоненко, разбивая всеобщее оцепенение ответной автоматной очередью. Волков, Куликов и Мальгин метнулись к окопам, опасаясь обхода справа. И тотчас в унисон автомату Резоненко застучали еще три. А Мандрикин и

[1] *Гамидов Зал Нагилович* жил до войны в редевне Дахнохии Гдашского района Азербайджанской ССР.

Павлов Семен Кузьмич — уроженец Каротояцкого района Воронежской области.

[2] *Мандрикин Григорий Данилович* родом из Ильинского района Смоленской области. Погиб через две недели после освобождения Дубровки.

Кузнецов опустили тело командира на дно траншеи, накрыли плащ-палаткой[1].

— Женя,— Мандрикин положил руку на плечо связного, посмотрел ему в глаза.— Нас слишком мало, но мы постараемся продержаться до тех пор, пока ты не приведешь подкрепление,— последние слова он прокричал с бруствера, надо было помогать Резоненко, возле которого сгруппировались фрицы, видимо, они метили взять силача живым. Кузнецов взглянул на ребят в последний раз и стремглав побежал по траншее в сторону деревни.

Патронов было мало, приходилось стрелять короткими очередями, наверняка. А гитлеровцы все лезли и лезли. Очевидно, почувствовали свою силу. Еще бы, против четверых — целая орава с пулеметом.

Резоненко закричал:

— Врете, гансы, нас так не взять!.. Хлопцы, та вони тикають! На-ши! На-а-ши идут! Ура-а!

Освободителям Дубровки в этот день пришлось выдержать еще несколько атак противника.

...Стояла тишина. Супрунов шел по Дубровке, ему хотелось поближе узнать деревню, за которую его бойцы вели бой почти несколько суток.

Сегодня он узнал, что участок Дубровка-Крайчуки утвержден участком прорыва Брянского фронта. Из штарма поступил приказ 385-ой стянуть все свои подразделения в Дубровку, а 330-ой оставаться на прежних позициях. Та и другая дивизии отдавались в распоряжение Брянского фронта с задачей содействовать первому эшелону её прорывающихся сил—369 и 324 стрелковым дивизиям 50 армии.

Обе последние, совершив к утру седьмого сентября тридцатипятикилометровый марш, на этот день и намечался прорыв, становились теперь на стыке между 385-й и 330-й.

---

[1] *Кузнецов Евгений Васильевич,* житель станции Звеньевая Хабаровского края.

«Операция готовилась еще с тех пор, когда в середине августа сорок третьего контрнаступление советских войск под Курском переросло в общее. Брянский фронт должен забить клин между вражескими группами армий «Центр» и «Юг», что могло способствовать успеху наших войск, наступавших как на Смоленском направлении, так и на Украине. Задача состояла в том, чтобы выйти к Десне, овладеть Брянском и захватить плацдарм для следующего наступления на Гомелевском направлении»[1].

Сдавая шестикилометровую полосу своей обороны прибывшим, Супрунов был очень доволен. Радовало то, что готовится крупная операция, что сильно растаявшая за месяц с лишним напряженных боев дивизия, наконец-то, сможет немного сжаться. В одном же кулаке, пусть даже не в пять пальцев,— сила. А такая сила сейчас была ему очень нужна: Мокрое оказалось не таким уж простым пирогом—грызешь, а зубы ломаются.

Сегодня решительный день: через несколько минут, а точнее в одиннадцать часов, именно в этом месте начнется очень важное сражение.

Ровно в одиннадцать воздух над Мокрое режут спиралями сотни советских самолетов. Этакими брюхатыми стерлядками они снижаются над деревней и опять уходят ввысь. Такая же невообразимая карусель и слева, над Крайчуками, и, кажется, даже дальше.

Все это длится минут двадцать, затем самолеты исчезают в мыльнопенных облаках, а над селениями и лесами окрестности появляются красные пряди от снарядов «катюш». Дивизионная артиллерия тоже работает, однако, из-за этого бесконечно сверлящего «у-у-у» её словно бы и не слышно.

С каждой минутой огненный вал густеет, чернеет и ползет все дальше, а следом за ним поднимаются полки. Супрунов это видит

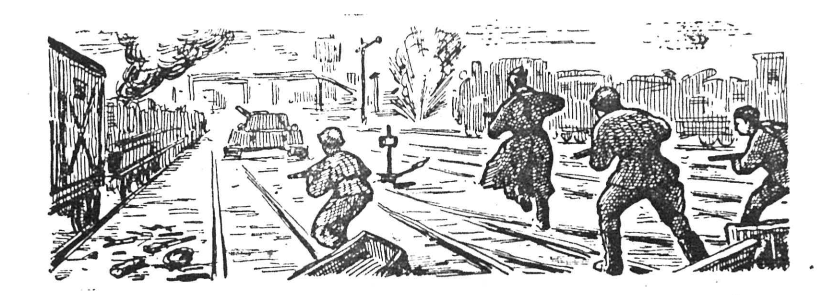
[1] *С. Малянчиков.* «Маневр и удар 50-й армии под Брянском». Военно-исторический журнал, № 10, 1969 год.

в стереотрубу. У первых рядов колючей проволоки бойцы приостановились, но заминка длится столько, сколько необходимо времени, чтобы найти сделанные саперами проходы. По бугру левее Мокрое идут развернутым строем «тридцатьчетверки». Их много, и на броне каждой автоматчики.

— Пошли, пошли-и!— кричит Супрунов рядом стоящему на НП Михайлову, показывая тому на танки и на бойцов. А тот в ответ радостно тискает его руку и тоже кричит, кричит озорно:

— Попутного курского ветра!..

★

КРИЧЕВЦЫ

— Алексей Михайлович, что ты знаешь о городе Кричеве?

Михайлов удивляется: «Чего это комдиву пришло в голову проверять его эрудицию?» Однако в интонации Супрунова он не улавливает никакой иронии.

— Что знаю? Не так уж много. Под ним когда-то биты татаро-монголы, ратники Кричева принимали участие в Грюнвальдской битве против немецких рыцарей. Ну, пожалуй, и то, что стоит он на западном берегу реки Сож.

— Сейчас, когда которые сутки идет дождь, это не река, а речища. Я, собственно, к тому, что нам предстоит брать Кричев. Нам и 212-й полковника Мальцева. Она наступает на левую часть города, мы — на ту, что прилегает к железнодорожному вокзалу. Командир корпуса сказал: «Кричев — первый белорусский город, который будет освобождать Советская Армия, так что вам оказана великая честь».

— Честь великая, но от этого не легче. Впрочем, не привыкать. Соберу сейчас политотдел, будем говорить с людьми...

Потом было совещание с командирами полков, а когда оно закончилось и Супрунов приехал в полк майора Нестерова, чтобы

посмотреть с НП на позиции противника, то отметил, что и между бойцами идут разговоры о городе Кричеве. «Цепная реакция»,— улыбнулся он.

Противник, ведя арьергардные бои, отступал. Сейчас он находился за рекой Остер. Там горели села, а коль немец жжет все вокруг, значит, собирается удирать. Супрунов поинтересовался у Нестерова:

— Что разведка?

— Доносит: до самого Зимонино дороги забиты отступающим врагом. В Зимонино по плану корпуса мы должны быть 28 сентября. И на все это отмерено девяносто шесть часов?

— Нестеров, хочешь, обрадую?— комдив вернул командиру полка стереотрубу.— В последние дни ты шел впереди других. Пусть будет за тобой и начало форсирования Сожа. Какой из батальонов пустишь первым?

— Репетуновский, пожалуй...

В сорок втором рота танкового десанта, которой командовал капитан Михаил Репетунов, успешно провела операцию под рощей «Сердце». После этого Репетунова выдвинули на должность заместителя командира третьего батальона. На следующий год батальон оказался лучшим в учебном бою, и Репетунов был отмечен новым повышением по службе и отпуском на родину, в казахстанское село Лесновку.

Возвратился Репетунов в июле уже комбатом, и в июле его батальону, теперь второму, поручили провести разведку боем под Крутой. Разведка удалась, хотя дивизии и не пришлось воспользоваться ее результатами. 385-ю вскоре перебросили под Анновку.

Что его батальону первому предстоит форсировать Сож, Репетунов узнал 29-го утром. Через ординарца он вызвал всех офицеров батальона. В большинстве своем это были ветераны дивизии, которые начинали еще в Лощихино, но командиры рот: старший лейтенант Баев, капитан Нефедов, капитан Овчар и минометчик старший лейтенант Ахмедов в батальон попали сравнительно недавно, после известной разведки боем. Тогда и потом под Анновкой второй батальон лишился многих своих лучших людей: командира четвертой роты Ивана Екимова, парторга пятой Иосифа Забрянского, помкомвзвода Тимофея Речкина[1], командира расчета станкового пулемета Бориса Тельпухова, пулеметчика Василия Пятака, стрелка Анарбека Чынгышева.

Некоторые из них остались живы и находились в госпиталях, но Репетунов знал: оттуда в свои части редко возвращаются, и потому считал их для себя потерянными. Он был доволен, что хоть Давыдов вернулся. Комбат, в общем-то несколько резковатый со своими подчиненными, уважал командира взвода Давыдова и даже берег. Три дня назад у лейтенанта разыгрался костный ревматизм, ноги распухли, и комбат отправил его в медсанбат. Да и как было не уважать и не беречь такого командира, на которого можно положиться в самых сложных ситуациях. При взятии рощи «Сердце» весь огонь неприятеля сосредоточился на репетуновской роте, которая шла на танках десантом. И вряд ли можно было выиграть бой без особых потерь, не будь Давыдова. Это он придумал проутюжить траншеи танками, а уж потом двигаться дальше. И под Крутой, когда батальон вел разведку боем, Давыдов, не раз раненный, принял на себя командование ротой. С того боя и попал он в госпиталь.

Офицеры собирались дружно. Первыми подошли смуглый, похожий на цыгана замполит Волков, степенный, рассудительный заместитель Репетунова капитан Урянский, веселый комсорг батальона младший лейтенант Былым, который тут же взял с нар трофейный баян и стал играть песню про трех танкистов. Потом подошли ротные и командиры взводов. Среди них комбат увидел Давыдова.

— Ты как здесь?!— удивился он.

— Сбежал, товарищ капитан. Хлопцы пришли, говорят, на белорусскую землю вступать будем, ну я после обхода врача и дал тёку.

---

[1] Комсорг пятой роты 1268 полка Тимофей Речкин родом из Томской области, погиб позднее, в Белоруссии.

Посмеялись. Былым начал на баяне что-то веселое, но комбат положил руку на меха и сжал. В наступившей сразу тишине Репетунов изложил задачи, которые поставил командир полка перед вторым батальоном. Он почти закончил, когда в землянку вошел старший лейтенант и обратился к нему:

— Командир взвода инженерной разведки Слюняев. Имею задание от командира дивизии разминировать на вашем участке передний край и помочь вам в переправе.

— О-о! Это уже жаксы[1]! — обрадовался Репетунов.—А что же вы в единственном числе будете разминировать?

— Почему в единственном? Со мной солдаты. Старший лейтенант подошел к двери и, приоткрыв ее, крикнул:— Чещарин, Большов, Баранов, Сорокин, заходите.

Саперы все как один были с жилистыми руками. «Надежные парни» — подумал Репетунов и сказал Баеву:

— Тебе, старший лейтенант, идти за саперами, так что выделяй охрану для них.

— Слушаюсь. Дам отделение Гончарова.

Временами на небе появлялась голубая лагуна, в которой мокло солнце, и тогда просматривались и лес, и болота, начинавшиеся внизу за Прохоровкой, деревушкой у высотки, где расположен НП Супрунова; и крутой противоположный берег Сожа, там серым ковром стелится дым. Супрунов догадывается: автодорожный мост сожгли. Где-то далеко за спиной громыхнуло несколько разрывов. Это скорее всего у Зимонино. Противник бьет из дальнобойных, стараясь помешать переправе через Остер. Только поздно хватились, неуважаемые потомки тевтонцев, все полки дивизии на этой стороне. Вот подтянутся тылы, и посмотрим, кто кого. Однако, что же это молчит Мальцев? Договорились встретиться в Дзяговичах

[1] Ж а к с ы — хорошо (казахск.)

для обсуждения плана совместного действия, а он ни шьет, ни порет...

Значит, так. Если 1268-й пустить на Зуи, 1266-й — на Глушнево, то халинским полком можно ударить в центр, ведь 212-я оказывается тоже как бы с фланга. Немец думает, что Кричев обходят и, конечно, попытается воспользоваться железной дорогой, а мы отрежем и ее.

— Товарищ полковник, вас комдив 212-й просит из Дзяговичей,— обратился к Супрунову связист.

— А, Мальцев, наконец-то! Скажи, что сейчас буду.

2

Редактор дивизионной газеты готовился к наступлению на Кричев по-своему. Он отправил литсотрудника Агроновича в 1266 полк, ответсекретаря Кирюшкина — к артиллеристам, своего заместителя Кирпиченко[1] — в полк Нестерова, а сам решил пойти в 1270-й. Во-первых, Михайлов велел ему на время наступления быть у Халина представителем политотдела, а во-вторых, у редактора имелись и кое-какие свои соображения. Он собирался писать книгу о воинах-киргизстанцах, и потому внимательно присматривался к своим землякам. В его блокнотах были записи о погибшем под Лощихино пулеметчике Андрее Плюхине, который вышел победителем в поединке с двумя немецкими пулеметами; о пропавшем без вести в сорок втором разведчике Василии Глибичуке; о знаменитом на всю 10 армию Филиппе Несветове. Когда в последний раз Филипп ходил за «языком», его задело осколком гранаты. Вернулся он из медсанбата в часть на днях, и Шундрин торопился поговорить с ним. Но прежде чем идти к разведчикам, надо явиться к командованию полка — таков этикет воинской службы.

[1] Капитан *Матвей Михайлович Кирпиченко* — киргизстанец, после войны до последних дней своей жизни жил во Фрунзе, работал в издательстве «Кыргызстан».

С подполковником Халиным Шундрин не был знаком, если не считать коротких встреч на совещаниях у комдива, на которых, как известно, особенно не раскланяешься. Теперь перед редактором сидел энергичный человек, который одновременно успевал давать своим подчиненным различные команды, связанные с предстоящим наступлением, отвечать на многочисленные телефонные звонки и вести разговор с пареньком в кожаной куртке, точно такой, какие носили комиссары двадцатых годов.

«Комиссару» не было и шестнадцати, он оказался комсомольцем из пригородного с Кричевым села.

— Понимаете, какая вещь,— говорил парень, стараясь быть солиднее.— Мы, комсомольцы, те, кто во время оккупации вел активную подрывную работу, собрались сегодня на собрание, вот товарищ ваш как раз выступал на нем,— кожаная куртка повернулась в сторону комсорга полка Дмитрия Товкеса.— Собрались, значит, на собрание и решили: помочь вам. Мы припрятали от фрицев несколько лодок артельных, но вам-то они нужнее.

— Спасибо, спасибо, дорогой! — Халин пожал руку «комиссару».— Огромная вам благодарность от командования нашего полка. Он оторвал взгляд от лица паренька и увидел редактора дивизионки.— Интервью перед боем не даю. Назовете суеверным? Ваше дело. Возьмем город — весь к вашим услугам.

— Но представителем политотдела на период форсирования и боя, надеюсь, разрешите быть?

— А, это уже другое дело! Простите, сколько сейчас на ваших?

— Восемнадцать тридцать.

— Значит, время еще есть. Давайте послушаем.— Халин потянулся к стоявшему на окне самодельному радиоприемнику, сделанному в свое время Командировым для Белобаева, включил его.— Люблю перед боем мысленно в Москве побывать. Ваш брат журналист в таком случае непременно бы сказал: «Он перед решающей схваткой с врагом всегда обращал свои взоры к Москве, она питала его силой и мужеством, как земля питала некогда этим же Антея». Впрочем, возможно, так и есть. Я старый москвич,

с Москвой связано все самое лучшее, там я учился в академии, там на Таганке живут жена, вся родня, друзья... «Дилин-бом-бом!»— вывели куранты на Спасской башне. Подполковник замер, нежная улыбка появилась на его широком лице. Казалось, он забыл и о войне, и о всех находящихся в блиндаже. Но вот начальник штаба полка обратился к нему, и Халин встрепенулся, поднялся, сказав, что ему необходимо быть на НП.

Шундрин отправился искать Несветова. А Филипп тем временем шел по небольшому селу Дзягову, занятому каким-то подразделением их полка. У крыльца одного из домов его окликнули:

— Эй, разведка!

— Игбаев?!

— Скажите, узнал! — Игбаев с усмешкой пожал руку Филиппу, шагнувшему от дождя под навес. Несветов притянул парня к себе, сжал его плечи своими ручищами.— Где ты теперь, как? Считай, с сорок второго не виделись.

— Да. Как тогда Бычков погнал меня из разведки, так по сей день — автоматчик третьей роты первого батальона 1270 полка! — шутя, представился он.— Вот так-то. А ты чего с мешком?

— Ухожу из дивизии.

— И куда же?

— В армейскую разведку. По его, Бычкова, рекомендации. Буду, друже, по самым что ни на есть тылам Гитлера ходить.

— Во-на! И в самом Берлине?

— Ну, не в самом, это ты малость того, хватил, а около — даже очень может статься. Эх, и хочется мне, друже, забраться в самое его логово и рвануть так, чтоб аж за океаном услышали: не выдумывайте гитлеров, потому что участь их будет такой же.

— Счастливый ты,— сказал Алдамтар и отвернулся, так как не хотел, чтобы Несветов увидел его полные зависти глаза.— Не угостите ли табачком? — спросил он у товарищей. Стоявший ближе всех к нему солдат в выцветшей пилотке протянул бумагу и кисет. Филипп достал из вещмешка коробку с сигаретами.

— Вот попробуй этих.

— Ух ты! — вырвалось у кого-то из стрелков.— Можно? — Несветов не успел и ответить, как опустошили коробку. Алдамтар же отказался от угощения, сославшись на то, что трофейные давно не курит.

— Да нет, это не дармовые, заработанные. Как-то одного офицерика гестаповского взял, ну, сказали доставить в разведотдел армии, а там генерал подарил мне сигареты. «Спасибо, говорит, Несветов, ты и сам не представляешь, какого ворона поймал».

— Счастливый ты,— повторил, закуривая, Алдамтар, и в голосе его прозвучала такая тоска, что Несветов понял: Игбаев и по сей день душой в разведке.

— Да ты не горюй. Вот приеду на место, поговорю. С тобой я бы пошел на любое дело.

— Эх, здорово бы!— Алдамтар выплюнул недокуренную самокрутку в грязь.— Слушай, я скажу только тебе одному, когда меня, значит, из разведки того, я думал, какая мне разница — везде фронт, а по ночам, как услышу перестрелку на нейтралке, поверишь ли, душа переворачивается. Знаешь что, вот мой нож, видишь: инициалы «А. И.» Хорошая финочка, все время ходил с ней в разведку. Не сдал, на память хотел оставить, но коль ты доставил такую радость, дарю.

В свою очередь Филипп вытащил из кармана портсигар, который он сам сделал из трофейного испорченного фотоаппарата.

— На, держи, он с цепочкой, так что не потеряешь. Ну, счастливо оставаться,— он пожал руку Игбаеву и легкой походкой направился к Дзяговичам, где находился штаб дивизии. В роще он увидел солдат, которые волоком тащили лодки и бревна для плотов. «Да ведь скоро начнется переправа! — заволновался разведчик.— А я в тылу щи хлебать буду». Он в нерешительности остановился. Молодой солдат с сухим березовым стволом на плече, видимо, сообразил, что творится в сердце одиноко стоящего офицера, и пригласил:

— Товарищ младший лейтенант, с нами, на Кричев!

«Может, одним глазком взглянуть на переправу и в штарм?.. А-а, города берут не каждый день!»—Филипп решительно зашагал рядом с приветливым солдатом.

3

Гончаров, Слюняев и бойцы осторожно шли вдоль левого берега Сожа. Овраги, поросшие кустарником, подходили вплотную к реке и надежно скрывали их от противника, который находился где-то рядом. Двигались уже около двух часов. Телогрейки стали тяжелыми от пота и дождя, а сапоги от налипшей грязи.

В том месте, где река сужалась метров до тридцати, решили сделать привал, чтобы осмотреться получше. Бойцы сгрудились возле тлевших жердей, пытаясь подсушить одежду.

— Никак немец для переправы готовил,— заметил Гончаров.— На Днестре тоже такие заготовки встречались.

— Нет, жердь, она на плот не идет — легкая, да и к чему бы он плоты делал, когда мосты есть. Скорее всего на обшивку землянок припас,— опроверг сапер по фамилии Чещарин.

— Пожалуй, верно,— поддержал его Слюняев, только что вернувшийся с берега реки.— Кругом тишина. Голоса доносятся, но, чувствуется, издалека. Ну как, рискнем?

— Вода-то, наверное, как лед?— спросил кто-то из автоматчиков.

— Видно, что не сапер,— рассмеялся рябоватый Большов.— Товарищ старший сержант,— обратился он к Гончарову,— отдайте нам его, в один день научим плавать.

— Будет трепаться-то,— проворчал автоматчик и стал вслед за Гончаровым и Слюняевым снимать одежду и сапоги.

Вода была действительно холодной. Бойцы вошли в реку двумя цепочками, держась за веревки, предусмотрительно прихваченные саперами. Когда переправились, один из них взобрался на крутой берег, чтобы взглянуть, далеко ли немцы. Его ждали минуту, пять, десять, потом Слюняев не выдержал:

— Сорокин, какого же хрена не отзываешься?

Сапер скатился вниз.

— Траншея метрах в трехстах,— шепнул он.

Слюняев поднялся на берег. За оврагом, по хребту его пологого холма тянулась траншея. Фрицы копошились в ней, таскали бревна, рыли ячейки. Кустарник на берегу частично вырублен, хотя и не убран. А может, умышленно навалили? Сунешься, а там — мина...

Слюняев приказал прощупать все вокруг. Бойцы расползлись в разные стороны, осторожно обследуя каждый метр земли. Предположение старшего лейтенанта подтвердилось: мин оказалось много.

Автоматчики Гончарова, еще никогда не видевшие саперов в деле, удивлялись: «Как орудуют — ювелиры! Она-же каждую секунду может взорваться, мина-то! Какие нервы надо иметь!»

— Человек ко всему привыкает. У нас на шахтах на что трудно, а и то не бывало так, чтобы добыча срывалась из-за нехватки людей,— проговорил Гончаров, вспомнив свой Прокопьевск в Кузбассе, где работал он перед войной.

Начался обстрел немецких позиций, так было задумано, чтобы отвлечь внимание фрицев от саперов. Снаряды с противным воем падали буквально в двухстах-трехстах метрах. Но саперы упрямо ползли вперед. И только когда рядом блеснуло пламя и как-то глухо ударило по земле, все остановились и посмотрели в сторону взорвавшейся мины — кому же это не повезло. Невезучим оказался сам взводный. Они бросились к нему, но он остановил их властным окриком:

— По местам! Большов, ты мастак на перевязки, спеленай-ка мне ногу.

Большов, и сам не раз лежавший в госпиталях по ранению, поднял ногу взводного, по телу поползли мурашки: нога была без ступни...

Перевязав Слюняева, бойцы смастерили ему из веток и шинелей носилки, отнесли к воде, на тот случай, если понадобится срочно уходить, взял раненого — и айда.

А дождь не переставал. Как только обезвредили последние мины и срезали лопатами крутизну берега, саперы переправили через реку Слюняева. Но он и на этот раз не дал разрешения отнести в санбат.

— Устелите дно реки жердями, чтобы не увязла артиллерия. Разрежьте веревки и ими свяжите жерди в пучки.

Едва закончили гатить дно, подошла рота Баева.

— Товарищ старший лейте...— Слюняев хотел доложить о выполнении задания, но голова его безжизненно запрокинулась. Напряжение и потеря крови обессилили его окончательно.

Рота Баева переправилась спокойно. Тишина стояла на реке и в то время, когда ее форсировали пулеметчики Овчара. Эта тишина настораживала. Однако, как оказалось, противник прозевал наступление, а спохватившись, открыл минометно-артиллерийский огонь такой силы, что вся река вблизи города покрылась разрывами.

Репетунов поднял роты Баева и Овчара в атаку. Это вселило уверенность и в сердца тех, кто еще находился в воде. Подхватив клич атакующих, они рванулись к берегу. Прямо из воды одна цепь уходила вдогонку наступающим, а на смену ей появлялась другая, третья, четвертая...

Враг не выдержал, побежал. Но Репетунов прекрасно понимал, что этого гипноза хватит на десять, от силы—двадцать минут. Он торопил минометчиков Ахмедова, он звонил Нестерову и просил быстрее переправить остальные батальоны.

— Берснев на пути к воде, а Найденов уже высаживается левее тебя, но у него там что-то не ладится,— сказал Нестеров и спросил.— Тебе не видно, что у него?

— Нет!— со злостью ответил Репетунов, подумав: «Значит, надежда только на самого себя...»

— Останешься за меня на НП,— бросил он Волкову и побежал к траншее. Батальон отбивал контратаку. Первым, на кого наткнулся Репетунов, был Давыдов. Его, окровавленного, без малейших признаков жизни, волоком тащил помощник командира взвода.

— Давыдов? — комбат потянулся было к пилотке, но сержант остановил его.

— Ни, товарищ капитан, жив мой лейтенант. Это они просто контужены и ранены в плечо. А так дышат еще.— И словно в доказательство, он опустил Давыдова на землю, приложился к груди его ухом.— Дышат. Я говорю, что дышат! Мне бы теперь скорее санитарам передать его, а то у нас там туго насчет людей.

— Здорово напирает немчура?

— Дюже, товарищ капитан. От пороха аж чих пробирает. Ну, да ничего, мы дубленые, вот только без лейтенанта будет плохо. Да и пулемет, хотя бы один, не помешает.

— Пулемет, говоришь? Пойдем.— Комбат побежал по траншее, на ходу отдав распоряжение своему ординарцу доставить Давыдова к санитарам.— Пулемет дам. А лейтенанта сам заменишь.

Траншея круто повернула, и комбат увидел капитана Овчара. Он сидел на ящике и хрипло кричал в телефонную трубку:

— «Домбра», «Домбра», я «Гитара», струн бы немного. А, это ты, Волков? Мне самого надо.

— Здесь я, не кричи.— Репетунов хлопнул ротного по спине.— Прут?

— Прут.

— Слыхал и вижу. И о том, что тебе подмога нужна, тоже знаю. Ты лучше дай вот сержанту пулемет вместе с прислугой.

— Да я же сам гол как сокол!

— Дай! У них там почище твоего. Взгляни.

Взвод Давыдова на правом фланге едва сдерживал напор немцев. Возможно, они решили в этом месте обойти наших и отрезать им путь от реки. Овчар приказал лейтенанту Хабибу Матьякубову направить на правый фланг пулеметчиков Турсунбаева, Бекташева, Торпиева и Тохтаева. Через минут пять те, пригнувшись, уже бежали по траншее вслед за сержантом из взвода Давыдова.

Репетунов хорошо видел, как они устанавливали «максим», как с первыми же выстрелами цепи контратакующих немцев поредели. Но неожиданно пулемет замолчал.

— Черт побери!— выругался комбат.— Кого ты послал туда?

— А что, пулеметчики классные. Может, накрыли?— предположил Овчар, но тут же радостно закричал.— Смотри, смотри, как режут!

Комбат приложил бинокль к глазам: «максим» работал вовсю, правда, пулеметчиков было уже двое.

— Режут, режут,— проворчал Репетунов по инерции и стал разыскивать по телефону Ахмедова, чтобы тот поддержал огнем взвод Давыдова. Вспомнив о Давыдове, он повторил с горечью: «Ах, Давыдов, Давыдов...» Ординарец Репетунова уже возвратился, и потому комбат знал, что контузия и рана Давыдова опасны, что, видимо, его демобилизуют даже.

С наступлением темноты положение второго батальона несколько улучшилось, слева ему помогали теперь Берснев и Найденов. Батальон Найденова вначале оторвался от остальных, потому что высланная им разведка напоролась на пулеметы, и, хотя вернулась невредимой, место переправы пришлось перенести ближе к железнодорожному мосту.

«Было бы совсем хорошо,— думал Репетунов,— если бы и справа еще почувствовать локоть своих. Куда делся этот «Пустяк, а приятно?»

В той стороне, где должен был появиться со своими хлопцами Коновалов, слышались отдельные разрывы гранат и пулеметные строчки, но это никак не походило на переправу полка. Репетунов пожимал плечами.

Те же самые чувства терзали сейчас и Супрунова. По плану 1266 полк форсирует Сож параллельно полку Нестерова. Однако Коновалов явно затянул.

— В чем дело? Чего топчешься на месте? Или холодной воды боишься? — упрекал комдив командира полка.

— Да нет, мои ребята уже зацепились за тот берег, но пока несколькими группами.

— Чего-чего? Группами? Ты хотел сказать: взводами, ротами, может быть, батальонами?

— Все верно, товарищ полковник — группами. Специально создали такие: пятнадцать-двадцать человек, артиллеристы с «сорокапяткой», одно противотанковое ружье, пулеметчик, сапер, автоматчики...

— Ну и как?

— Просачиваются.

Хитрость Коновалова и в самом деле удалась. Маленькие отряды, переправившись через реку, тотчас же вступали на своем участке в бой. Не смогли удержать их ни минные поля (а фрицы точно знали, что русские не разминировали мины у Глушнево), ни танки.

Командование немецкого гарнизона сбивало с толку: где бы их солдаты ни предпринимали контратаки, всюду наталкивались на противотанковые средства и пулеметы. Был сделан вывод: напротив Глушнево пытается переправиться большое соединение. В Кричев полетели тревожные вести, изрядно преувеличенные с тем, чтобы выпросить у начальства подкрепление.

Долго стоял в резерве лишь полк Халина. Супрунов выжидал: сообщения от Коновалова и Нестерова говорили о том, что гитлеровцы стягивают против них остатки сил. Интересно, а как у Мальцева? Супрунов связался по рации с 212-й. Мальцев в возбуждении прокричал ему: «Клюет, Митрофан Федорович, клюет!» Это значило, что гитлеровцы приняли навязанный им план. Теперь можно ввести в действие и полк Халина. Пусть он ударит по станции у железнодорожного моста, напрямик. Батальоны Нестерова окажутся по обе стороны от 1270-го и отвлекут на себя внимание.

4

Не застав в разведгруппе Несветова, Шундрин стал разыскивать его в других местах. Кто-то вспомнил, как накануне Филипп сказал, что собирается навестить своего земляка артиллериста Ноду. С этим веселым парнем из Калининского Несветов познакомился не то во время очередной разведки, когда миномет сержанта поддерживал разведгруппу огнем, не то в санбате. Их не раз видели вместе. Редактору дивизионки сказали, что батарея Ноды стоит в роще напротив Глушнево.

Когда Шундрин добрался до рощи на попутной подводе, груженной минами, батареи здесь уже не было. Невдалеке грохотали разрывы крупнокалиберных снарядов.

— Вот дело, значит, какое, товарищ майор, — говорил ездовой, ощупывая зачем-то спицы колес и все время прислушиваясь к канонаде.— Выходит, опоздали мы. Должно быть, приказ вышел им выдвинуться. Вы как, поедете со мной искать их, или вернетесь?

— С тобой. Вернуться назад — и дело не сделать, и время без толку убить.

— Это верно. — Ездовой, как и все возницы, охочие до разговора с попутчиками, ударился было в воспоминания, но телега въехала в зону обстрела — поляну с подлеском и небольшой высоткой. На ней и стояла батарея наших минометов. Минометчики подавили вражеские пушки на противоположном берегу Сожа и собирались было перебазироваться на новое место, как их засекли.

В тот миг, когда Шундрин и ездовой с ящиками снарядов на плечах были почти у вершины сопки, там что-то сверкнуло молнией. Падая, они заметили, что это у стройной сосенки, а поднялись и увидели, что сосенки нет, есть яма и посреди ее несколько распластанных тел.

В Дзягов редактор возвращался поздней ночью, на той же самой колымаге. Ездовой молчал, и это было кстати — не мешало обдумывать корреспонденцию о батарее Ноды.

В штабе 1270 полка сказали, что видели Несветова в первом батальоне, однако и там Шундрин не застал разведчика. Боец, назвавшийся Игбаевым, показал майору подарок Филиппа и рассказал, что сам он отблагодарил того именной финкой.

Полк уже готовился к переправе, и майор решил: в Кричев он войдет с Игбаевым и его товарищами. На берегу он опять встретил Халина, подполковник наблюдал за форсированием. Он был

все таким же возбужденным, то и дело срывался навстречу подходившим к переправе из прибрежного леска подразделениям:

— Быстрее, быстрее, ребята! Там ждут нашей помощи.— Он показывал на реку, влево, где был железнодорожный мост. Примерно на середине его роились вспышки трассирующих пуль.— А-а, редакция! — проговорил командир полка, узнав появившегося Шундрина. — Видал? 1268 полк третьим батальоном рвётся на станцию.

— Найденов!— редактор неожиданно вспомнил, что в Дубровке, через которую прорывался потом Брянский фронт, батальон Найденова был первым.

В правой части города участились разрывы снарядов. И Халин, и офицеры штаба полка, стоящие рядом с ним, посмотрели в ту сторону.

— Два других батальона Нестерова входят в город. За ними должен быть еще коноваловский полк.

— Тому предстоит отрезать отступление немцев по железной дороге через Иваново. А это много севернее.

— Подготовиться к переправе штабу!— скомандовал Халин, оборвав тем самым разговор офицеров...

Шундрин догнал Игбаева и остальных стрелков, спустившихся к Сожу. Время приближалось к рассвету. В черной окраске реки и противоположного берега стало больше серебристо-матового цвета. И от этого вода, плескавшаяся за бортом лодки, уже не смахивала на жидкий деготь и не так предательски искрилась при ракетах.

Враг пытался помешать переправе полка, но как-то робко, видно, не хватало сил действовать одновременно на всех участках обороны города, к тому же здесь, у железнодорожного моста, его сильно сковывали батальон Найденова и артиллерия самого Халина.

Лодки большей частью держались ближе к мосту, где берег был несколько положе, хотя именно в этом месте река интенсивней всего и обстреливалась.

Раздалось «ура», и все попрыгали из лодок, побежали, стреляя. И редактор тоже побежал, и тоже стрелял из своего пистолета. Прибрежная круча была высокой, но он, возбужденный общим порывом, одним махом взял ее, пересек железнодорожное полотно, обнесенный колючей проволокой заводской двор, где располагался концлагерь. Откуда-то выскочил вдруг эсэсовец с автоматом. Он бил по нему, Шундрину, но вскрикнул кто-то сзади. Шундрин выстрелил в гитлеровца в упор и оглянулся. На земле лежал Игбаев, лежал бездыханно.

За концлагерем сразу же начиналась станция. Однако батальону Найденова, первому оказавшемуся возле нее, не удалось сделать дальше и метра — противник вел по нему прицельный огонь от вокзала, с башен и даже крыш товарных вагонов. Их немало стояло на железнодорожных путях. А на центральных готовились к отправке два эшелона, по всем приметам, с техникой и людьми.

Супрунов передал Нестерову, Халину, да и Коновалову приказ:

— Не выпустить ни одного поезда!

Найденов стал обходить станцию слева, Халин — справа, выкатив несколько «сорокапяток» на прямую наводку. Минут через десять фрицы, прикрывавшие эвакуацию своих войск из Кричева, сдались, повыскочили с поднятыми руками из вагонов и те, что до последнего момента лелеяли надежду удрать. Молча и злобно они стали швырять в общую кучу оружие.

Комбат Найденов подошел к этой куче, наступил на нее ногой:

— Ну что, фашисты, не вышло по-вашему? И никогда не выйдет.

Бойцы его весело рассмеялись.

Богатыми в это утро были и трофеи 1266 полка. В Иваново полк Коновалова разбил два батальона немцев.

А вечером, слушая по радио последние известия, все были радостно удивлены: их дивизии, 212-й и еще 572 пушечно-артиллерийскому полку, поддерживавшему наступление на Кричев соседей, присвоено наименование «Кричевские».

Два дня спустя, 2 октября 1943 года, штаб дивизии передислоцировался из города в деревню Ляхи, где стоял 1270-й и где решено было отпраздновать вторую годовщину дивизии. Шундрин разыскал землянку Халина, ему опять захотелось узнать что-нибудь о Филиппе Несветове. Но когда он вошел в землянку, то увидел на окне самодельный радиоприемник Командирова, портсигар в пластмассовом корпусе фотоаппарата «Акфа» и финку с инициалами «А. И.». Они лежали рядышком, и он все понял.

★

ОТ ПРОНИ ДО НАРЕВА

На скамейке, возле палатки политотдела, сидел солдат с азиатскими чертами лица. Идрис поздоровался с ним обычным киргизским:

— Салам алейкум!

— Валейкум салам! — ответил незнакомец. «Туркмен», — догадался Ибраев.

— Что, тоже за партбилетом? — спросил туркмен, улыбаясь.

— Нет, в комсомол вступаю, — Идрис отвел глаза: немного обидно стало, что он, которого приняли за аксакала, всего лишь өспүрүм[1]. Из-за возраста у него сплошные неприятности. Даже в армию не хотели брать. Идрис вспомнил, как председатель сельсовета говорил:

— Ай, мальчишка, мальчишка! Ну что мне с тобой делать? Что ты хоть умеешь?

— На лошади скакать. Клинком владею. — Идрис резанул рукой, словно в ней не шапка, а клинок. Шапка от резкого движения

[1] Өспүрүм — подросток (кирг.)

отлетела к ногам председателя. Все присутствующие рассмеялись над неловкостью Идриса.— Я правду говорю!— выкрикнул он.— Я курсы Осоавиахима окончил! Не отправите — сам уеду на фронт.

— Верно: джигиту не следует отставать от друзей,— сказал председатель.— Да уж больно ты мал ростом и годами не вышел, точно знаю — нет восемнадцати. Ну ладно, дам я тебе записку в райвоенкомат. Но если откажут — не обижайся.

Так Ибраев стал наводчиком станкового пулемета первого батальона 1268 полка 385 дивизии. А на днях он взял в плен немца. В грозовую ночь стоял Идрис на посту. Вдруг услышал, как стукнул металл о металл. При вспышке молнии он увидел у проволочного заграждения фигуру человека. Выстрелил, а тут как раз свои подоспели...

Утром в блиндаж пришел лейтенант:

— Давай познакомимся: Типикин, комсорг батальона. Давно приглядываюсь к тебе. Парень ты неплохой, а вот почему-то не в комсомоле. Хочешь, дам рекомендацию?..

Думая о своем не очень далеком прошлом, Идрис машинально растер в ладонях несколько колосьев пшеницы, которые сорвал по дороге. Тугие зерна отливали янтарем, он залюбовался ими.

— Видать, из села, друг?— прервал затянувшееся молчание туркмен.— А я нефтяник. Никогда не доводилось быть на нефтепромыслах? Вышки, вышки кругом, копрами называются. А у основания их — домики, там насосы, буровые станки...

— Наринбаев! — позвали из палатки. Туркмен поднялся.

— Жолуң болсун![1] — пожелал ему Идрис.

— Спасибо! Придется в 1266 полку бывать, спроси артиллеристов лейтенанта Францкевича. Заходи, гостем будешь.

Через несколько минут из палатки вышел Типикин.

— Смелее,— подбодрил он.— Ребята все свои. Меня ты знаешь, комсорга нашего полка тоже. Кто там еще? Комсорг 1266-го Чер-

[1] Ни пуха, ни пера (кирг.)

тенков, Андрей Покуневич, комсорг батальона тоже 1266-го. Ты его не раз видел на сцене.

— А, «Лизавету» поет?

— Во-во.

Идриса, к удивлению его, спросили лишь о том, как он понимает задачу воина-комсомольца.

— Бить немцев!— твердо сказал он.

— А еще?..

— Опять бить. Бить, пока...

— Пока не разобьем, что ли? — подхватил Чертенков.

— Да-да,— обрадовался Идрис поддержке.—Пока не разобьем...

— Я же говорил, парень что надо!— удовлетворенно произнес Типикин.

— Так держать, Идрис Ибраев.— Пастушенко по праву старшего (Филонского отозвали в политотдел армии) протянул ему комсомольский билет.— Надеемся, что звание члена ВЛКСМ оправдаешь.

— Он оправдает!— Типикин крепко пожал руку Идриса.— Пойдем вместе, я тоже в батальон. А вы куда? — он обращался к комсоргам.

— Отдыхать. Голова, как переспелый арбуз.— Пастушенко, пропустив вперед всех, вышел сам.— Я провожу вас немного. Ребята из политотдела хвастались, клубники вокруг много, может, попадется.

По дороге разговор зашел о последних событиях, о взятом три дня назад дивизией втором крупном городе Белоруссии Чаусы.

— Стоили ли эти Чаусы того, чтобы топтаться перед ними восемь месяцев, а затем взять их двумя батальонами и в один день,— горячился Андрей Покуневич.

К Чаусам, расположенным на западном берегу реки Проня, 385-я подошла еще в октябре сорок третьего. Попыталась было взять с ходу, но сил не хватило: 650 километров бесконечных боев от Анновки дали себя знать. А вскоре советские войска почти на

всех фронтах перешли к обороне, готовясь к весенне-летним операциям 1944 года, в том числе и к такой, как Белорусская.

С наступлением весны дивизия все-таки прорвалась на противоположный берег Прони у деревни Высокое. Вслед за нею переправился весь 38 корпус, который позднее использовал этот плацдарм как трамплин для наступления в Белорусской операции. Для 385-ой участие в Белорусской операции началось 25 июня со взятия Чаусов.

Освобождены они были действительно двумя батальонами 1268 полка. Первым командовал капитан Трусов, вторым — майор Савин. Хотя этот успех вряд ли можно было считать только их успехом, так как он был подготовлен всеми предыдущими боями дивизии. В этом и заключалась причина кажущейся легкости взятия Чаусов. Пастушенко понимал это прекрасно. Знал он, правда, и другую причину резкого суждения Андрея, и потому сказал миролюбиво:

— Чудак ты, Андрюха. Мы не топтались, а готовились к этому дню.

— Не слишком ли долго?

— Андрей, ты просто несносный. Димка, помогай спорить с этим критиканом,— Пастушенко попытался подключить к разговору Чертенкова.

— Кто спорит, о чем спорит, кому помогать? — почти в один голос спросили нагнавшие их девушки-связистки 1268 полка Нина Портнова и Вера Попкова.

— Да вот они,— кивнул головой Чертенков.— Спорят, а о чем— и сами не знают: стоило или не стоило убивать восемь месяцев на то, чтобы взять Чаусы?

— Конечно, стоило! Освобожден еще один город страны, тысячи людей обрели свой кров, родных,— запальчиво произнесла Портнова.

— Вот именно! — Пастушенко слегка похлопал по плечу идущего рядом Андрея.

— Да я о другом. Плохо, что мы слишком свыклись с мыслью о длительной войне, некоторые даже любовь развели.

— Любовь и немого сделает соловьем, а робкого — орлом, Андрюха,— засмеялся Пастушенко.— Да, а вы слышали, что учудила Галка Уколова нынешней зимой?

— Нет.

— Помните перестановки в полку накануне Чаусов? Берснев по болезни ушел из первого батальона помощником Нестерова по снабжению, на его место заступил новенький — Трусов. Второй батальон — репетуновский — принял Савин из 1270 полка. Найденова назначили командиром отдельного лыжного.

Однажды комдив дает ему задание выбить немцев из одной деревни и закрепиться. Найденов, известно, лихой, раз — и выбил. Бойцы отдыхают, сам докладывает начальству об успехе. Вдруг: «та-та-та» — немец с фланга обошел. Валерий и штаб его отбиваются. Людей уже мало. Начальника штаба осколком гранаты сшибло, еще несколько офицеров ранило. Пять—не меньше—гитлеровцев окружили Валерия.

Как раз в ту пору торопилась к лыжникам Уколова, еле упросила, чтобы ее санинструктором перевели к ним. С ней было семь-восемь выписавшихся из санбата солдат. Видит она всю эту картину:

— Братцы-славяне, наши погибают, за мной!

Прыг в траншею. Из пистолета по немцу, что ближе всех к Валерию, по другому. Патронов не хватило, так она их давай каской крестить. Спасла-таки Найденова, хотя сама поплатилась ранением.

— Глядишь, и Вера совершит что-нибудь подобное,— Андрей посмотрел на Попкову, та зарделась.

— Ты на что намекаешь?

— Когда шли сюда, видели Лоханина, ждет вас, мадемуазель, для интимной беседы.

— Перестань, Андрей!— Вера сердито посмотрела на него и побежала по тропинке, ведущей к штабу полка.

— Вера, Вера, ну постой же!— бросилась за ней Нина. Догнала, обняла.— Да что ты? Ты же знаешь, он хороший, славный парень.

8—1278

— Но сегодня в него словно сатана вселился.

— У него большое горе, Верунчик. Пришло письмо, помнишь, он все ждал из дома со Смоленщины. Прийти-то пришло, а в нем одни слезы. Дома нет, село сожжено, сестер немец в Германию угнал. Брат прятался в лесу, так один и уцелел. Пишет: «Отомсти, Андрюха, за все...» Читаешь, а пальцы сжимаются в кулаки.

— Прости, Нинок, мне нужно идти.

— Ох, Веруха, Веруха, целый год мы дружим, а ты все такая же — словечка о себе не скажешь. И мне кажется, с тех пор, как я ушла из линейного взвода на батарею Гилунова, ты стала со мной еще скрытнее, даже не хочешь сказать, кто этот Лоханин. Только и знаю, что командир роты автоматчиков. Но если он нравится моей подруге, я должна знать о нем побольше.

— Ну и коза любопытная!— Вера улыбнулась.— Да разве я от тебя что-нибудь скрываю? Говорила, что по профессии учительница? Что в армию пришла в сорок первом из Калуги медсестрой? Что добровольно переквалифицировалась из медика в связиста? Вот и вся моя биография...

А о нем? Хороший он человек, Нинок. Очень... Часть их попала в окружение под Смоленском. Создали партизанский отряд, Саша стал комиссаром. Это было недалеко от Рославля. Во время одного боя Саша был тяжело ранен. Его отправили в Москву, а оттуда он попал к нам...

Вера замолчала, увидев идущего им навстречу командира их роты связи. Он был явно чем-то взволнован.

— Девчата, где вы бродите? Я вас ищу. Отдан приказ сворачиваться и идти вперед.

— Вперед? Уже разыскали немцев?

Вопрос девчат не удивил ротного. После Чаусов противник так поспешно отступил, что на базе дивизии Супрунова — она оказалась впереди других — от 50 армии был создан специальный отряд преследования. Однако и этот отряд, в который вошли 2 батальон 1266 полка, первый дивизион 948 артполка, 403 отдельный истребительный противотанковый дивизион, первая рота 665 отдельного

саперного батальона, часть разведроты и отдельные комсомольские взводы, тоже долгое время шел на рысях. Наконец, сегодня утром рация командира отряда майора Докучаева заработала: «Стою на левом берегу Днепра, противник — на противоположном. Пытался переправиться — потерял танк и две самоходки. Принимаю меры к захвату моста...»

2

Майор Докучаев, его ординарец Висящев и шесть бойцов заняли один из крайних плотов. Замполит Валентин Максимов и комсорг батальона Алексей Никулин с бойцами разместились на двух других. Парторг Иосиф Медведь оставался с артиллеристами, чтобы прикрыть переправу. На берегу для координации действий переправляющихся находился и начальник штаба батальона капитан Мастьянов.

Первоначально все было задумано не так. Докучаев рассчитывал на внезапность, но когда отряд уже находился на подступах к Днепру, разведка доложила, что от деревни Следюки к мосту, что у деревни Дашковка, движется по шоссейной дороге вражеский пехотный полк. Еще тридцать-сорок минут, и противник будет в деревне Сидоровичи. Тогда он сможет ударить во фланг и тыл отряда. Докучаев, решив нападать первым, разделил бойцов на три группы. Две расположил по обе стороны дороги, а третьей поручил следить, чтобы к фашистам не подошло подкрепление. Батарея СУ-152 заняла позицию на шоссе.

Полк противника шел без заставы, и когда раздался артиллерийский залп, немецкие солдаты заметались в панике. Бойцы Докучаева дали возможность им «прорваться» к мосту, надеясь на спинах фрицев проскочить на другой берег. Но охрана моста открыла огонь по своим, а затем фаустпатронами сожгла обе самоходки и танк отряда.

После этой неудачи решено было форсировать Днепр на плотах. Майор в последний раз оглянулся на берег — все готово к пе-

реправе. Он потянулся к ракетнице, но задержал руку, услышав знакомый зудящий звук приближающихся «юнкерсов». Этого еще не хватало! До окопов — метров пятьсот, в лес у Лыково тоже не успеть. А «юнкерсы» уже перешли в пике.

Гадкое все-таки ощущение при бомбежке, тебя словно ввинчивают в землю. А это уже совсем черт знает что, галлюцинация полета, тошнота...

— Хорошо, что немцы понастроили блиндажей,— говорил Висящев.

Другой, похоже, ротный саперов Волков, спрашивал:

— Ну как командир?

— Без сознания. Контузило крепко. Из воды вытащил — не дышал. Едва в чувство привел.

— Ну, когда отойдет, доложи: бочки из-под бензина нашли, делаем новые плоты. Ребят разослал вдоль берега, может, лодки найдут.

— Артиллеристы заняли новые позиции. Добровольцев отбираем для штурма моста.

— Надо комплектовать сразу обе группы: и ту, что по воде, и сухопутную. Всех снабдить запасными дисками и гранатами.

Грассирует в отряде только один человек—Медведь. А говорит он с Мастьяновым. Молодец, НШ, все правильно. Только, пожалуй, тотчас же, как зацепится за тот берег хотя бы одна из групп, надо начинать форсирование.

Докучаев повернулся в своей постели на бок, ощущение, будто долго и нещадно бил кто-то по всему телу, а голова, как бывало в детстве, когда мать закроет раньше времени печную вьюшку. И тошнит. «Ы-ы-ых»—комбат застонал, поднялся с нар:

— Висящев, давай ремень и кобуру.

— Вам никак нельзя на берег, товарищ майор, вы контужены!

— Старшим не говорят «нельзя», собирайся.

Среди плавней, где еще недавно стояли плоты, валялись щепки от бревен и бочки. Бочек было много На одной из них сидел

младший лейтенант с забинтованной головой, возле него—до взвода солдат. Увидев Докучаева, все поднялись, лейтенант доложил:

— Товарищ командир отряда, взвод готовится к переправе. Командир взвода младший лейтенант Жудов.

— Ну, и готовы?

— Да. Только приказано отобрать пять человек плавающих, а таких почти нет.

— Не умеют?— Докучаев оглядел солдат, встретил знакомый улыбчивый взгляд пожилого сержанта, вспомнил: парторг роты... Шур... Шуров... Шаров! Спросил.—Шаров, умеешь плавать?

— Самую малость,— проговорил смущенно Шаров.

— Вот и отлично. Вторым моего ординарца возьмите. Сам бы пошел с вами третьим, да дела не пускают,— комбат, пошатываясь, побрел вдоль берега дальше.

Тут кто-то еще из бойцов поднялся и пересел поближе к Шарову и Висящеву:

— Тоже, случалось, переплывал нашу Кобылку. Речка так у нас называется. Не Дон, конечно, да и откуда ему взяться у Курска?

— Как фамилия? — Младший лейтенант в отряд попал со своим комсомольским взводом, удостоенным такой чести еще за бои под Кричевом, во время утреннего штурма моста весь его взвод погиб, а он сам уцелел благодаря тому, что был ранен в первые минуты боя. К счастью, рана оказалась не опасной, и теперь ему дали новый взвод.

— Сержант Максин.

Следующим вызвался казах Шади Шаимов, пятым — старший сержант Казак, которому недавно Супрунов сам вручил медаль «За боевые заслуги».

— Теперь пройдите туда,— младший лейтенант показал на зеленевшие кусты ивняка.— Там формируются штурмовые группы.

В ивняке распоряжался капитан Мастьянов:

— Поплывете друг от друга на солидной дистанции и в следующем порядке: пулеметчик Усачев, за ним—ты, Висящев, за тобой— Шаров, Максин, Шаимов и Чещарин. Задача последнего — размн-

нировать участок, где высадитесь, обследовать берег и найти средства переправы. Если есть таковые, он возвращается на них к нам, вы же занимаете траншею. По обе стороны моста охрана вырыла ходы сообщения. Где-то недалеко от вас будет охранный блиндаж, его надо уничтожить. Укажите синей ракетой, а дальше дело артиллерии. Захватите мост и во что бы то ни стало удержите до подхода своих.

В штурмовую группу, которая пойдет через мост, назначаю сержанта Панкова, младшего сержанта Казака, рядового Щербакова... Они начнут штурм моста, как только вы,— Мастьянов обратился к тем, кто должен переправляться вплавь,— окажетесь на том берегу и отвлечете внимание на себя. О благополучной переправе просигналите красной ракетой.

Переправились немного левее, чем намечали. Фрицы молчали, значит, не заметили. Шаров как старший группы подал знак Чещарину: проверь, мол, нет ли мин. Мин оказалось много, все больше противотанковых. Чещарин вначале вывинчивал из них взрыватели, потом, что-то надумав, сунул четыре банки Шарову и по столько же другим. Те недоуменно уставились на сапера. «Есть идея»,— подмигнул он.

Траншея, о которой говорил Мастьянов, начиналась просторной пулеметной площадкой. На ней было два фрица. Приглядевшись, Шаимов сказал удивленно:

— Ай, я-яй, шайтан, ужинают!

— Неприятно, конечно, мешать трапезе, но служба — ничего не поделаешь.— Максин достал из-за голенища нож.— Айда, Шади, в гости к фрицам.— И юрко пополз впереди, прячась в высокой траве. Остальные внимательно следили за ними, взяв на мушку немецких пулеметчиков. Однако обошлось без шума. Шаров достал ракетницу. Красная ракета прочертила небо. Бойцы насторожились, но немцы молчали. Тогда Чещарин отполз от бруствера траншеи, поставил две мины, соединив их жердью, снятой с обшивки траншеи. Следующую пару опять замкнул жердью и так до тех пор, пока хватило мин.

— Во, голова!— похвалил его Висящев.— Танк на жердь — и фейерверк.

На мосту уже разгорелся бой: рвались гранаты, неистовствовали пулеметы и автоматы. Чещарин первым заметил блиндаж охраны: он располагался метрах в пятистах от траншеи, за горкой деревянных щитов, которыми немцы, очевидно, защищали дорогу от снежных заносов. Из блиндажа то и дело выскакивали немецкие солдаты.

— На мост спешат,— прокомментировал Чещарин.— В случае чего, прячьтесь под защиту мин. А мне пора.

Шаров, как бы благодаря, протянул спрятанный в кулак окурок:

— Скажи там, пусть не задерживаются...

— Что мне в немцах нравится, так это оперативность, черт бы их побрал. Смотри, уже и подмогу вызвали,— проговорил Максин, увидев у деревянных щитов два танка с десантом.

— Ну и мы не лыком шиты,— Шаров выпустил несколько синих ракет в сторону блиндажа и танков. Мины с противоположного берега Днепра стали падать как раз между танками, а одна угодила прямо в блиндаж.

По-видимому, сопоставив появление ракет и мин, немцы поняли, в чем дело. Десант их спешился и под прикрытием танков шел теперь в сторону группы Шарова. Тот скомандовал:

— По траншее — назад!

Танки приближались, вместе с их приближением росла тревога: сработает ли защита сапера? Вот один из танков уже достиг участка, где были заложены чещаринские мины. А взрыва нет. И вдруг он грохнул, да такой силы, что Шаимов, ближе всех находившийся к тому месту, инстинктивно закрыл уши руками. В этот самый миг Максин, чья ячейка располагалась за шаимовской, увидел немецкого автоматчика, который целился из-за брони горящего танка в казаха.

— Шади-и! — закричал Максин.

Из дула немецкого автомата ударила красная струя. Шади, так и не оторвав рук от лица, упал на дно траншеи головой вниз. По-

хоже было, что он всего лишь собирается по мусульманскому обычаю поклониться аллаху перед заходом солнца. Максин выпустил в убийцу с добрый десяток пуль.

Второй танк тоже подорвался. Пехота без него трусила наступать. Усачев из пулемета рассеивал ее. Максин уничтожал фрицев на левом фланге. Висящев и Шаров — на правом. Здесь, со стороны моста, немецких автоматчиков было особенно много. Шаров торопливо загнал в ракетницу последнюю синюю ракету и выстрелил, вызывая огонь на себя.

...Во время единственного привала, уже в сумерках, Супрунов получил из штаба корпуса боевой приказ, которым дивизии предписывалось уничтожить отряды прикрытия противника и третьего июля ворваться в Минск с юго-востока. Супрунов, зачитав приказ командирам и замполитам полков, вспомнил:

— Накануне операции, участниками которой являемся мы, в штабе армии говорили: белорусскую столицу доверят освобождать лучшим дивизиям. Следовательно, этот приказ есть оценка заслуг нашей дивизии.

— И оценка неплохая,— вставил Михайлов.

— Времени на выполнение приказа комкора — в обрез. Видимо, и после форсирования Днепра,— продолжал комдив,— нам надо сохранить отряд преследования. Это ускорит наше продвижение...

В это время на поляне, где проходило совещание, появился офицер из оперативного отдела, поискав глазами полковника Тимощенко, нового начальника штаба дивизии, он передал ему записку. Тот бегло прочитал ее и переправил комдиву.

— Что и требовалось доказать! — Супрунов потряс запиской.— Отряд преследования взял мост у Дашковки...

3

Мост был в самом деле в руках группы Шарова, но еще целую ночь и половину следующего дня отряду пришлось не раз ходить в атаки, чтобы отстоять его. Около девяти часов сдерживали натиск врага бойцы из группы Шарова. Немецкий заслон, заняв удоб-

ную позицию на островке напротив деревни Лыково, расстреливал всех, кто приближался даже к деревянным сходням моста. Так погибла штурмовая группа, в которую входили Панков, Казак, Щербаков и другие. Первым на помощь Шарову и его товарищам пришел взвод младшего лейтенанта Жудова. Его переправил на лодке, взятой «взаймы» у врага, сапер Чещарин.

28 июня, в 20.30 под стремительным натиском дивизии Супрунова и танковых подразделений 50 армии 18 танковая и 12 пехотная дивизии противника, стоявшие заслоном в Дашковке, Заливном Бору, Бродах и Загрезье, откатились к реке Друть.

1 июля 385 Кричевская дивизия была в деревне Селиба у реки Березины, той самой, где растерял когда-то остатки своих войск Наполеон. Переправу через реку удерживали партизаны, и к подходу дивизии она оказалась запруженной воинскими частями. Отряд же преследования Докучаева благополучно миновал эту пробку раньше и следовал уже по маршруту: Новая Нива, Бумница, Комиссаровский Сад, Залесье, Смиловичи, Минск. Рано утром третьего июля отряд принял бой у рубежа Верхолес—Жарковичи. И хотя бой тот длился недолго, его оказалось достаточно, чтобы танковые соединения 50 армии первыми ворвались в Минск, опередив отряд Докучаева.

На заре четвертого Супрунов разговаривал по прямому проводу с командиром 38 корпуса генерал-майором Терешковым. Тот поинтересовался, как идут дела. Супрунов ответил в обычном сдержанном тоне:

— В общем неплохо. Отряд преследования на западной окраине Минска, дивизия следует за ним.

— Я получил ваше ходатайство о присвоении звания Героя Советского Союза майору Докучаеву, капитану Волкову, младшему лейтенанту Жудову, а также саперу Чещарину и всей штурмовой группе сержанта Шарова. Что ж, поддерживаю. Со своей стороны прошу командование 49 армии, у нас новый хозяин, наградить дивизию орденом Суворова.

— Спасибо.

— Ты не мне говори спасибо, а своим солдатам и офицерам. За Днепр — молодцы! Так и передай всем. И еще... Твоя задача, Митрофан Федорович, меняется. Как пройдешь через город, поверни на юг. Попались птички в клетку, да хотят выпорхнуть, так что прими меры. Официальное подтверждение приказа получишь в самое ближайшее время.

Через полчаса был очередной сеанс радиосвязи с отрядом преследования. Докучаев ворвался в эфир веселым и счастливым:

— Водрузили флаг над Домом правительства!

— Поздравляю... Подожди-ка минуту.—НШ Тимощенко подал Супрунову другие наушники, пояснив:

— Коновалов. У него что-то серьезное. Слышите?..

В самом деле, в той стороне, где шел 1266-й, замыкавший движение дивизии к Минску, слышались частые разрывы.

— Что за гром у тебя, Коновалов?

— Веду бой. Немцы с тыла наскочили, прут шеренгами.

— Разверни полк на сто восемьдесят градусов. Постараюсь помочь.

Докучаеву, оказавшемуся невольным свидетелем этого разговора, комдив сказал:

— Уяснил? Давай поворачивай своих молодцов на юг, иди на соединение.

В полночь, в деревне Лощица, штаб 385-й нагнал офицер связи корпуса. В письменном приказе Терешкова дивизии предлагалось немедленно выступить на Самохваловичи—Котяги, по прибытию окопаться, развернув полки фронтом на север и северо-восток. «Оттуда, по данным армейской разведки, движутся большие силы окруженной минской группировки противника, придется туго, но я надеюсь на кричевцев»,— сделал приписку комкор.

4

На месте Супрунов расставил полки в следующем порядке: 1270-й — Самохваловичи—Жданы, 1266-й — поселок Красный Богатырь—совхоз имени Калинина—Плебанцы—Котяги. Левее его занял позиции 1268-й, оседлавший все дороги западнее Котяги.

Штаб дивизии расположился в Самохваловичах, и свой НП комдив устроил тоже недалеко от деревни, на соснах у пшеничного поля. Среди деревьев еще в мирное время кто-то соорудил сторожевую вышку. Саперы укрепили теперь ее настил, сделали попрочнее перила, и получился НП с широким обзором.

В 10 утра разведрота принесла весть, что по дороге из Волмы на Самохваловичи движется по меньшей мере тысячи четыре фрицев на машинах и самоходках. Противник атаковал правый фланг 1266 полка на участке Плебанцы силою до полка пехоты при поддержке нескольких минометных батарей и самоходных орудий. Вряд ли это были основные силы врага, потому что следом он ударил по позициям 1268 и 1270 полков.

В течение суток противник яростно бросался на штурм окопов дивизии, при этом постоянно меняя тактику. Вначале атака велась большими силами, потом мелкими группами, которые все пытались сосредоточиться поближе к обороняющимся подразделениям.

Ночью 7-го из полков на НП Супрунова стали поступать донесения одно тревожнее другого. Уже простился с ним по рации Коновалов. Из штаба 1268-го сообщили, что вынуждены вызвать на себя огонь собственной артиллерии. О том, как тяжело бойцам 1270-го, говорили неоднократные просьбы Халина о подкреплении. Создавалось впечатление, будто фрицы обошли дивизию со всех сторон.

— Нет ли у тебя чего-нибудь от головной боли?— спросил комдив начальника политотдела, стоящего тут же у перил вышки. Тот сразу встревожился:

— Что, Митрофан Федорович, плохи наши дела?

— Война есть война.— Супрунов не любил эти разговоры о последних шансах, окружении. И потом как кадровый военный он знал: человек чаще всего погибает от собственной слабости.

— Если так, то наверное, надо отдать приказ об уничтожении партдокументов,— рассуждал вслух Михайлов.

Супрунов промолчал, он обдумывал дальнейшие действия дивизии в создавшейся ситуации. Яснее ясного, основные силы противника нацелены на правый фланг дивизии, именно здесь он надеется прорваться через реку Птичь. Надо за ночь сдвинуть полки вправо и, пользуясь туманом, переправить за реку хотя бы один батальон, усиленный противотанковыми батареями и минометами. Будь на месте немцев, я бы, естественно, стремился переправиться вот в этом месте — и для техники удобно, и для маскировки. Переправился — и по пшеничному полю айда чесать без оглядки широкой лавиной.

5

— Вот и все, вот и все,— старший лейтенант Гилунов метался по шалашу, повторяя одно и то же. Связистка Портнова безучастно смотрела на него из своего угла у рации.— Вот и все. Человек первый раз в жизни стрелял по своим. И наконец, я не бог, а всего лишь артиллерист. А мои ребята? Мне даже страшно во Фрунзе жене написать, ведь она знает каждого из них.

— Егор Иванович, не надо, успокойтесь.

Он, к удивлению, послушался, сел в другом углу, возле раненых. Сел прямо на пол, вытянул ноги, закрыл глаза, и так сидел минут десять, пока она вновь безрезультатно пробовала связаться со штабом полка то по рации, то по телефону.

...У них была чудесная батарея. Теперь была. Вместе прошли от самых Чаусов. Бывало, как выстроятся, аж в глазах рябит от блеска орденов и медалей. Наводчик Вася Дедух, бравший цель всегда с четвертого снаряда, командир первого расчета, он же парторг Баранов — балагур, весельчак. А как пел командир огневого взвода Алеша Дорофеев! Пели все замечательно. Вера часто говорила: «У вас не батарея, а капелла «Думка».

Неужели и о Верухе будут говорить в прошедшем времени? Боже мой, как жестока война! Клянусь, Вера, мы не забудем тебя. По крайней мере, я, Лоханин. Он, наверное, ничего не знает. Я запрошу по рации третий батальон.

— «Лоза», «Лоза», я «Дятел». Неожиданно «Лоза» ответила ломающимся мужским басом.

— Я — «Лоза», ты, что ли, Нина?

— Лоханина мне!

Через минуту она услышала голос Лоханина.

— Портнова?

— Говорит подруга Веры.

— Ну-ну,— заторопил он.

— Вера, вернее, мы... словом, полчаса назад штаб полка просил огонь на себя. Нам передала эти координаты Вера... Понимаете, она сама передала их, а теперь молчит.— Нина всхлипывала, не замечая, что это уходит в эфир.

— Да будет реветь, убежал Лоханин,— проговорил знакомый связист «Лоза».

— Разрешите, я схожу туда?— обратилась Нина к Гилунову.

— Да, конечно.

Портнова миновала рощицу кривой балкой, за ней у леса и стоял хуторок, который облюбовал под свой штаб Нестеров. Она еще издалека увидела, что от хутора остались одни развалины.

Впереди показалась человеческая тень. Человек шел быстро, почти бежал. Лоханин? Да, это был он. Нина хотела окликнуть его, но не успела. Лоханина остановил солдат с автоматом:

— Стой! Кто идет?

Лоханин назвал себя и добавил, что ему нужна связистка Попкова.

— Эй, связисты, тут Попкову спрашивают! — закричал часовой.

«Значит, штаб полка уцелел!» Вера появилась откуда-то из-под земли, вероятнее всего, из погреба и бросилась к Лоханину. Нина поняла, что сейчас она лишняя.

6

Лейтенант Францкевич был чем-то взволнован, он торопился и не дал им даже дописать писем. Они вытащили свою «сорокапят-

ку» из прежнего укрытия и покатили по лесу, потом на плечах перенесли через реку. За ней было поле, которое справа налево пересекала дорога, начинавшаяся у небольшого хутора.

Берег, хотя и не крутой, был бы лучше для огневой позиции во всех отношениях, но поле? По нему и катить пушку труднее. Узакбай смотрит на лейтенанта, на своего командира орудия — младшего сержанта Барышникова и пытается угадать ход их мыслей, они знают то, что неизвестно ему. Но и Францкевич, и Барышников идут к нему боком, они тянут пушку за ствол, а Узакбай и заряжающий Архипов толкают ее сзади и потому увидеть ему их лица удается лишь тогда, когда они почему-либо оборачиваются. У лейтенанта лицо озабоченное, у сержанта отрешенное, похоже, что мысленно дописывает начатое письмо.

— Эх, какой хлеб приходится губить! Зерна-то ядреные, как у нас на Тамбовщине, и слышь, кузнечики точь-в-точь по-нашенски стрекочут.— То Архипов. В нем живет настоящий селянин, способный для любого ремесла и страстно коллекционирующий семена всех растений. Он собирает их всюду в специальные мешочки, сшитые им самим из нижней рубахи. Эти мешочки с этикетками хранятся в его вещмешке вместе с провиантом, кружкой и полотенцем и, как знает Узакбай, ценятся Архиповым дороже всего на свете.

Позади, согнувшись под тяжестью снарядных ящиков, шли подносчик Фомин и несколько автоматчиков, которых лейтенант попросил помочь. Узнав, что они должны были занять оборону где-то поблизости, Францкевич сказал: «Не хватит снарядов, вас же нечем будет прикрыть». Пожилой сержант, командир автоматчиков, поддержал:

— Верно, братва, верно. По одному ящику — не груз, а нас все-таки девять человек, не считая Иванова.— Иванов этот убежал за каким-то пулеметчиком. Ждать их, конечно, не стали, просто сержант нарисовал Иванову, где искать новую позицию.

Метрах в пятистах от берега, на всхолмье, Францкевич остановился. Артиллеристы стали готовить огневую для пушки, автоматчики принялись рыть окопы, а Францкевич все поглядывал то на часы, то вперед их позиции, то на дорогу. Ждал еще одно орудие. Наконец, он не выдержал:

— Барышников, остаешься за старшего. В случае чего, действуй по обстоятельствам. А я потороплю второй расчет.

Лейтенант, наверное, еще не успел и за хутор зайти, как показались фашисты. Их поддерживали три самоходки.

— Немцы! — крикнул Архипов, и тут же рядом с «сорокапяткой» стали рваться снаряды. Немцы, очевидно, еще издали засекли их позицию.

— К бою! — скомандовал запоздало Барышников.— Архипов, снаряды!

Но Архипов уже не слышал этого приказа. Он лежал всего в одном шагу от ящиков с протянутой рукой, так и не дотянувшейся до спасительного металла. В это же мгновение был убит и подносчик.

Губы Узакбая запеклись, он лизнул их, Барышников, белый, будто напудренный, взглянул на него и бросился к первому ящику. С четвертого выстрела Узакбай продырявил зеленую грудь первой самоходки. Две другие двигались зигзагами, и он никак не мог поймать их в перекрестке прицела. Вдруг рядом вздыбилась земля. Минометы! Они, если обложат... Вот и подтверждение. Сержант! Ах ты, куда же его? Никак в живот. Ну мама ваша ишак с горбом, получай! Еще получай от Наринбаева! А это за моих товарищей! За старика Архипова, душевный был человек. За Фомина! За сержанта моего! За все его муки!..

Барышников заранее подтащил ящики со снарядами к самой станине. Узакбай хватал снаряды и со злостью вгонял их в казенник. Бронебойный, осколочный, опять бронебойный, снова целая серия осколочных.

Сержант мучался от ран, а помочь ему Узакбай не мог. «Пожалуйста, потерпи немножечко»,— мысленно уговаривал он его, загоняя очередной снаряд в ствол пушки. Ему показалось, что эти же слова кто-то повторяет вслух и совсем рядом. Он оглянулся, Барышников и вправду был не один. Два солдата пытались уложить

его поудобнее на вещмешках Архипова, Фомина и самого Узакбая. Мешки были посечены осколками, а из одного даже выпали белые свертки. «Эй, осторожней! — хотел было крикнуть Узакбай.— Это же семена!» Но тут один из солдат сказал совсем знакомо:

— Салам алейкум! Ты говорил: приходи в гости, вот я и пришел с другом.— И начал пристраивать свой пулемет на двух пустых ящиках.

— Очень хорошо! Садись за достархан, маленький той устроим.— Узакбай доволен ладно подобравшимся словам. Этот киргиз— хороший парень, здорово с пулеметом управляется, словно всю жизнь только и делал, что пирица[1] уничтожал.

Идрис тоже рад встрече. Он получал боеприпасы у старшины, когда за ним пришел его помощник Иванов и сказал, что весь батальон посылают за реку.

— За реку?— удивился Идрис.— Но ведь там вроде как тыл?

— Это вчера был тыл, а сегодня, может быть, пекло,— проговорил старшина и бросил в вещмешок Идриса еще один диск для пулемета, сверх нормы.

«Кажется, старшина был прав, пекло, самое что ни на есть пекло,— думает Ибраев.— И черта с два разберешь, откуда немец лезет. Самое скверное, когда тебя обходят с боков. С нашей стороны их почему-то больше, никак они прячутся вот в тех кустах, что вдоль берега. Хорошо бы ударить от хутора. Тут бы им и крышка».

Идрис вскакивает и торит тропку влево. За ним с двумя дисками устремляется Иванов. Хутор только издали казался пустым, а на самом деле в нем хозяйничали артиллеристы точно с такой же «сорокапяткой», как у туркмена. Они били по немецкой переправе, а там, аллах ты мой, немца, как гусениц на тутовнике. Идрис строчит по облюбованным кустам, строчит с какой-то лихостью, как, бывало, резал клинком лозу на учениях в Осоавиахиме. А из кустов пытаются нащупать его, густо конопатят свинцом сруб дома.

[1] Пирица — искаженное «фрица».

Идрис понимает, что самая пора сменить позицию, но фрицы наседают на друга-туркмена, да и окно очень удобное место.

Потом он часто вспоминал: откуда взялся этот немецкий автоматчик? Иванов всего лишь на долю секунды после его очереди бросил гранату. И еще запомнились белые флаги над кустами, в которые он перед этим стрелял, а туркмен, приветливый черноглазый туркмен, все совал ему какие-то мешочки и тараторил: «Цветочки, кусточки разные посадишь вокруг дома, благодать будет».

...Супрунов с наблюдательного пункта первым увидел флаги сдающихся. Вначале он не поверил своим глазам: очень уж люто бился враг. Но вскоре на дороге к Самохваловичам появилось несколько офицеров-парламентеров во главе с длинным генералом. Когда они подошли ближе, Супрунов, выйдя со всеми, кто был на НП, встречать парламентеров, заметил знаки различия длинновязого. То был генерал-полковник, типичный немецкий аристократ с обязательным атрибутом всех главных военных чиновников фашистской Германии—золоченой тростью. Он стоял, опираясь на нее правой рукой, в левой был плащ, и бесцеремонно разглядывал советских офицеров.

Супрунов отметил, что на лице генерала за несколько этих минут молчаливого знакомства сменилась целая гамма чувств. Вначале его, видимо, шокировало то, что приходится сдаваться в плен полковнику. Он боролся со своим самолюбием, раздумывая, говорить ли ему самому или предоставить слово подчиненным. Заметив вопросительный взгляд русского полковника, генерал чуть наклонил голову, русский полковник ответил ему тем же жестом, в глазах его не было ни тени злобы, скорее всего любопытство и уверенность. Ох, эта русская уверенность в правоту своего дела, она всегда поражала генерала. Он был не стар, но он много воевал, знал сильные и слабые стороны армий многих стран, но русские... Они, черт возьми, пожалуй, без слабостей...

— Я командир корпуса, — наконец, выдавил он по-немецки.

Супрунов представился через подоспевшего переводчика.

9—1278

— Я сдаюсь добровольно со всем своим штабом, потому что не вижу смысла продолжать войну. Надеюсь, это будет учтено.

Супрунов кивнул. Помедлив, сказал:

— Мы не бьем лежачих.

— Чито значьит лежачьих?

— Это значит побежденных.

— А-а, гут, гут, поньял.

— Вот и хорошо. Правда, было бы куда лучше, если бы мы поняли друг друга еще в сорок первом.

— Да, да,— генерал перекинул плащ на другую руку.— Берлин капут.

Отправив пленных в штаб корпуса, Супрунов устало направился к своей землянке. Следом за ним шел Михайлов. «Судьба капризна,— думал Супрунов.— Еще несколько часов назад я вынужден был искать выход из создавшегося тяжелого положения, а Михайлов решил даже партдокументы уничтожить, теперь мы празднуем победу. А такие зубры нам еще не попадались. О чем я думал, когда разговаривал с ним? Ах, да! Вспомнил камбулинского пленного. Бычков, что ли, подсунул тогда мне протокол этого допроса. «Москва капут, Москва капут!» Ну, а этот: «Берлин капут!» Уж коль их военная верхушка говорит об этом, значит, войне и в самом деле скоро конец. Как хочется приблизить его. Кончится война, пойду преподавателем военного училища или в академию, дочка— в школу, а Лина пусть отдохнет немного...»

Полина Петровна, или, как он называл ее: Лина, работала машинисткой в штабе армии. Она приехала к нему, когда стояли под Кировом, отвезла дочь к родственникам и прикатила. Вначале он растерялся: положение Стеньки Разина и персиянки его не устраивало. Но у Лины хватило такта не мешать его делам, она стала работать, и потому они виделись очень редко. Правда, их согревала мысль, что они почти рядом.

Михайлов, очевидно, тоже думал о чем-то подобном, потому что когда Супрунов обернулся и спросил его: «Алексей Михайлович, как считаешь, чем будем заниматься после войны по вечерам?» — тот охотно ответил: «Встречаться с друзьями, читать книги, ходить в театр».

— И музеи. Помню, мы с женой в первый год нашей жизни в Москве обошли все музеи.

...Месяца через два после этого разговора, когда дивизия стояла уже в Польше, у реки Нарев, Михайлов как-то заглянул к Супрунову с видом заговорщика.

— Митрофан Федорович, я вспомнил тот разговор о свободных вечерах после войны. Могу пригласить в музей.

Супрунов посмотрел на него с иронией.

— Да, да,— ответил на его взгляд Михайлов.— Здесь, недалеко.

Они пришли к палатке дивизионного клуба, который находился на краю этой же деревни Щепанково, среди могучих лиственниц. К лиственницам этим начальник клуба майор Клопотович и несколько солдат прибивали какие-то дощечки. Подойдя поближе, Супрунов увидел, что это обычные дорожные указатели. На одном из них он прочитал: «Хозяйство полковника Супрунова. Сокулка. Начало Польши. 26.7.44 г.» На следующем под теми же первыми тремя словами тоже другой краской было дописано: «Крепость Осовец. 14.8.44 г.»

— Никак все указатели собрали? — улыбнулся Супрунов.

— Не правда ли, наглядный путь дивизии? — сказал польщенный Клопотович.

— Да, но я не вижу здесь названий деревень, занятых сегодня 1268-м — Завады и Краска?

Прощаясь на перекрестке с Михайловым, спешившим в полки на митинги по случаю завтрашнего боя, Супрунов протянул начподиву руку:

— В твоем музее я неожиданно ощутил и свою причастность к истории. Ну что ж, пойдем работать на нее. А Клопотовичу еще раз напомни: без Завады и Краска не будет истории дивизии. Ведь это плацдарм для взятия Ломжи.

Между прочим, в слове «плацдарм» хотя и звучит намек, что клочок земли дармовой, да достается он обычно большой кровью.

Это он слышал однажды, как Нестеров говорил бойцам. Скоро должен приехать из госпиталя. Сколько он уже там? Ранило его под Сокулкой, значит, полтора месяца. Полтора месяца полк без командира. Тарусин что? Тарусин временный. Штарм сразу предупредил: посылаем ненадолго.

В штабе дивизии царила деловая обстановка. Супрунов с порога спросил у начальника штаба полковника Тимощенко:

— Тарусин не докладывал?

— Докладывал. Краску и Завады сдал 380 дивизии, сам подтягивает батальоны к Хойны-Смешне. Я был у Халина, слушает Москву.

— Ну, раз слушает Москву, значит, все в порядке. Один сидит у приемника или со всеми своими москвичами?

Начальник штаба как новый человек в дивизии еще не знал многих офицеров полка и потому спросил: «А кто у него из москвичей?»

— Да там без малого весь штаб москвичи,— рассмеялся начальник оперативного отдела майор Легеня.— Замполит Белобаев — раз, замкомандира полка по артиллерии Подущак — два. Адъютант Крылов — три... Исключение разве составляет новый парторг. Тот, что был комсоргом 1266-го, Чертенков...

До Ломжи оставалось каких-нибудь пять-шесть километров, но Супрунов понимал, они будут, как и все прочие, нелегкими. Понимало это и командование 121 корпуса 49 армии 2 Белорусского фронта, в подчинении которого 385-я находилась с момента вступления в Польшу. Командир корпуса генерал-майор Смирнов еще 10 сентября сосредоточил вблизи Ломжи все три дивизии: 238, 380, 385. 380-я теперь действовала южнее города. 385-я с приданным ей 58 истребительно-противотанковым полком должна была перерезать две шоссейные дороги: Остроленка — Ломжа, Новогруд — Ломжа и во взаимодействии с 238-й взять западную и юго-западную части города.

В своей дивизии Супрунов отводил главную роль 1268 полку: именно он начнет завтра бой за освобождение Ломжи. Начнет атакой первого и второго батальонов от Хойны-Смешне в направлении на шоссе Остроленка—Ломжа, которое рядом с этой деревней.

Полк втягивался в лес, и дорога стала значительно хуже той, что шла от деревни Краски до Миколайки. Майор Тарусин достал трехкилометровку. Замполит полка майор Волков (им он стал на днях) посветил фонариком. На карте от Миколайки до середины леса дорога обозначалась пунктиром, а дальше, в сторону Хойны-Смешне, не было даже тропы. Лишь на восточной опушке бежала грунтовка на Гржмалы-Щепанковске, но там кругом болотистые места, в случае чего—не развернешься.

— Давай, замполит, скачи в голову полка, предупреди: дорога вскоре кончается, придется идти по лесу. Не растягиваться, больше осторожности.

Лошадь под Волковым, сделав стойку, с места взяла галопом. Тарусин проводил замполита одобряющим взглядом: «Сидит в седле, как влитый, не зря его в полку цыганом зовут...»

Мимо проходил второй батальон майора Савина. Сам комбат не пришпоривал без конца лошадь, как только что делал это командир первого батальона капитан Любанов, а спокойно ехал седло в седло с первым помощником начальника штаба полка майором Урянским.

Тарусин подхлестнул свою лошадь. Когда приблизился, Савин и Урянский замолчали.

— Чего смолкли? Секреты?

— Да нет, какие же секреты,— ответил Савин.— Халин все сманивает от нас Андрея Кузьмича.

— Слышал. Кажется, комдив даже дал согласие.

— Да?!

Тарусину показалось, что в восклицании Урянского было больше радости, чем удивления. Неприятно, когда человек стремится уйти из полка, которым командуешь.

— Ну, мне надо посмотреть, как идет третий батальон,— сказал он и развернул коня.

Третий батальон был самым молодым в полку: неделю назад его почти заново сформировали из пополнения. Командовал им майор Басамыкин, тоже новенький.

Батальон Басамыкина еще только выходил из Миколайки. Тарусин сказал комбату: «К 7.00 сосредоточиться у болот напротив фольварка Галонзки».

Светало медленно. Сентябрьское небо торосилось тучами, и затертое ими солнце никак не могло пробиться сквозь эту завесу. Замполит Волков, находившийся теперь все время в первом батальоне, наблюдал эту борьбу света и тьмы из своего маленького окопа, в котором ему удалось часа два вздремнуть. Солдаты, смореные ночным походом и рытьем окопов, тоже спали. Но сейчас их уже надо будить. Вон и комбат поднялся для этого.

Перед атакой по традиции следует сказать батальону несколько напутственных слов. Волков стал обдумывать их, но его перебил солдат в плащ-накидке:

— Товарищ майор, разрешите обратиться? Мы ночью в разведку ходили. Наткнулись на поляну, а на ней расстрелянные женщины. Наши, русские. Все нагие. Обесчестили, гады, и порешили.

На поляне с непокрытыми головами стояли Любанов и несколько солдат.

— За что они их так, подонки,— прошептал с горечью Любанов.— Письмо на стене в Миколайках, видно, их.

Полк вошел в Миколайки еще засветло. Деревня была совершенно пустой. На стене одного из домов бойцы увидели три строчки, выведенные углем: «Люди, спасите нас от извергов! Мы из Смоленска, Курска, Орла. Вера Иванова, Надя Кудрявцева, Люба Черненко».

— Похоронить бы их, ребята,— сказал комбат.

— Нет, пока не надо, Любанов. Веди сюда батальон.

— Товарищи! — голос замполита сорвался. Он повторил.— Товарищи! Три бесконечных года идем мы дорогами войны. И все это

время видим кровь и страдания советских людей. Всюду. Даже здесь, у Ломжи, которая так далеко от нашей Родины. За несбывшиеся бредовые мечты господствовать в мире Гитлер решил подороже заплатить советской кровью. Так не дадим ему это сделать! Клянемся истерзанной землей нашей, свободой наших родных бить фашистскую нечисть до последнего вздоха! Бить и в этой деревне, и в Ломже, и в Германии. Бить сегодня, завтра, послезавтра — до полной победы! До полного уничтожения фашизма! Клянемся!

Волков не заметил, как и когда он опустился на колено перед убитыми, как, подчиняясь незримой силе его слов, весь батальон последовал его примеру.

Клятва, экспромтом придуманная им и усиленная тремястами голосов, летела над лесом властным призывом к борьбе, к немедленному действию.

От КП полка прискакал связной. Майор Тарусин приказал первому и второму батальонам наступать на Хойны-Смешне. Прикрывать действия обоих батальонов назначались дивизион 948 артполка и батарея 120 мм минометов. В приказе указывалось, что взять деревню необходимо к 21.00 и что слева от Любанова наступает 328 дивизия. Разграничительная линия с нею — дорога Щепанково—Хойны-Смешне.

Когда открыли огонь дивизион и батарея, выделенные для прикрытия, Любанов, обернувшись, махнул рукой и побежал. Через четыреста метров показалась поперечная просека. Раздались выстрелы, ударил пулемет. Упал бегущий рядом с комбатом комсорг батальона Типикин, ткнулся в бугорок плечом и застонал.

— Нуйкин! Нуйкин! — позвал комбат командира минометной роты. Коренастый, подвижной, как малек, он тут же вынырнул из залегшей цепи.

— Слушаю, товарищ капитан.

— Сними пулеметчика.

Комбат знал, кому доверить: минометчики Нуйкина были искусными снайперами. И в самом деле, пятая мина подняла на воздух

вражеский пулемет, немецких автоматчиков прижала к земле пулеметная рота, а стрелки разделались с ними гранатами.

В 16.40 Любанов вышел со своим батальоном к одиноко стоящему у дороги дому. Комбат взобрался через один из проломов черепичной крыши его на чердак и стал наблюдать. Хойны-Смешне была в полукилометре. Дорога стрелой врезалась в ее западную окраину. По карте лес подходил вплотную к деревне, в действительности же слева от нее была голая сопка, справа — озеро, ручей, торфяник и только за ними кусты.

Левые соседи поотстали. Савин справа тоже подтягивал тылы. Любанов перевел взгляд на свой батальон: солдаты копали окопы. Таков неумолимый закон войны: остановился — зарывайся в землю. Невдалеке от НП выбирали позиции минометчики Нуйкина. Комбат окликнул ротного. Тот проворно вскарабкался на крышу.

— Ну, что делать будем, Нуйкин?

— Что делать?—переспросил тот. — Немцев ждать. Да вон они уже и пожаловали.

Любанов прильнул к проему и отпрянул: на шоссе и сбоку от него шли цепью самоходки и танки.

К Гржмалы-Щепанковске полк Халина подходил со стороны фольварка Галонзки, обогнув его с востока. Халина привлек этот путь потому, что примерно на середине между Галонзки и деревней Ярнулы был лесок. Если занять его, то до Гржмалы и Ярнулы — рукой подать.

От Миколайки 1270 полк повернул к болотам, через которые пролегала лежневка. Сгнившие бревна ходили под ногами ходуном, но тяжесть людей и легкой артиллерии выдерживали. Тяжелые пушки Халин приказал буксировать в окружную.

До перекрестка дорог Миколайки—Галонзки—Ярнулы добрались уже затемно. Двинулись было дальше, но один из саперов, разминируя дорогу, просчитался, и всплеск взрыва мины засекли немцы. Пришлось окапываться там, где застал обстрел. Халин связался по

рации с Супруновым. Тот, не дослушав, понял всю сложность создавшейся ситуации.

— Жди подхода 948-го... Чего это твой знаменитый Подущак так обмишурился?.. Молчишь? Хочешь выгородить своего любимца?

— Да нет, просто ошибка обоих. Исправим сейчас же.—Халин, не отрываясь от трубки, приказал своему помощнику по артиллерии, который лежал рядом:—Майор Подущак, немедленно отправляйтесь на поиски артиллерии. Через час жду.

Когда Халину говорили, что он кого-то из офицеров полка выделяет своим вниманием, это злило его. Он старался быть со всеми одинаковым. Хотя, конечно, одним метром всех не измеришь. Потому что у Подущака, например, одни способности: бывший командир орудия, а командует всей артиллерией полка, да еще как. НШ Кузнецов опытом берет, но несколько медлителен. Ему бы боевого помощника. Скорее бы Урянский пришел, это как раз то, что надо.

Громко и часто застонала земля у Гржмалы-Щепанковске. Видимо, туда подошел 948 артполк. А вот разрывы у Ярнулы. Значит, Подущак. Молодец, прямо с марша режет...

Похоже было, что бой шел по обе стороны леса. А его, Басамыкина, батальон по неизвестной причине держат на дороге Щепанково—Гржмалы-Щепанковске. Уж не забыл ли Тарусин о его существовании?

— Чего мучаешься, комбат? Мы ведь валяемся не от безделья. Не пришло, значит, время вводить в бой резервы,— успокаивал Басамыкина НШ батальона капитан Яковлев.— Сразу видно, давно не был в бою.

— Давно. Три месяца госпиталя да курсы переподготовки...

Замполит батальона капитан Макунин, лежавший тут же, в сосняке, приставил указательный палец к губам: со стороны фольварка Галонзки послышался хруст веток. Через несколько минут появил-

ся Чесалин со своим взводом. Вместе с ними подошел человек в длиннополом черном пальто.

— Спрашиваю — молчит. Может, немцами подослан? — предположил Чесалин.

— Поляк никогда не будет со швабами,— сказал человек в черном.— Я бедный ксендз из-под Монтвицы. Здесь нашел приют от швабов.

— Он прятался в погребе,— пояснил Чесалин.

В стороне Гржмалы-Щепанковске вновь послышались взрывы.

— Что за взрывы? Ведь то недалеко от места, где вы прятались? — задал вопрос комбат.

— Ваши на минное поле попали.

— Выходит, здешние места знаете?

— Знаю. С детства хаживали.

— На выходе из леса мин немцы много поставили?

— Все забили и дорогу тоже. К болоту ближе мин нет, да дальше между Хойны и Гржмалы на сгоревшем торфянике — тоже. С виду поле как поле, а наступишь на кочку — провалишься по грудь. Шваб испугался лезть туда.

Басамыкин шепнул на ухо Чесалину: «Надо бы проверить слова старика». Тот ответил: «Мы вдоль болот и ходили. Чутье подсказало».

Когда Басамыкин по телефону рассказал о сообщении ксендза, Тарусин распорядился:

— Двигай по этому торфу и постарайся ударить по Хойны-Смешне с тыла. А на Гржмалы наступает 1270-й, так что я сам скажу Халину про обходной путь.

7

В 21.00 12 сентября 1944 года первый и второй батальоны 1268 полка, только что отбившие контратаку противника, вновь пошли на Хойны-Смешне. В это же самое время с тыла к деревне подошел батальон Басамыкина. Немецкий гарнизон оставил свои траншеи

и в панике побежал в сторону Боженицы. Одновременно 1270 полк, взяв обходным маневром Гржмалы-Щепанковске, соединился у селения Ярнулы с левым флангом 380 дивизии.

За ночь к Боженице Супрунов стянул 1266 и 1268 полки. Сюда же подошла и 238 дивизия. Тринадцатого вся эта армада двинулась к дороге Новогруд—Ломжа и, перерезав ее в районе Куписки-Нове и Куписки-Старе, вбила клин между новогр[illegible] ской группировками противника. Теперь уже па[illegible] числялось часами.

Правда, все еще оставался открытым север города [illegible] Ломже немецкий гарнизон, конечно же, постарается [illegible] этой форточкой. Кроме того, разведка донесла: гитле[illegible] тачивают большие силы за городом, в лесах у месте[illegible] Значит, они не только выскользнут из приготовленного [illegible] ка, но и ударят по тем, кто «завязывает» этот мешок.

Супрунов решил послать в Едначево свой резерв. О[illegible] подполковнику Коновалову.

— Да вы же знаете, что у меня и по линии Захарова [illegible] ся, да и по линии Охляковского тоже[1].

— Что мне тебя уговаривать?

— Слушаюсь!

— То-то. Да смотри, у противника танки и самоходки. Об[illegible] все, прежде чем ввязаться в бой. Есть тут один местный ксендз [illegible] ворят, неплохо знает местность. Возможно, будет полезен.

...Коновалов стоял в камышах уже третий час и третий час разглядывал Едначево, расположившееся, как ему представлялось, на большой кочке среди болота. «Ну, добро бы, на берегу речки селились. У нас в Средней Азии так селения к речушкам лепятся, а тут до самого Нарева — семь верст и все болотом»,— ворчал про себя он.

Комбаты майор Докучаев и майор Воронцов, прибывшие в штаб полка для получения координат на исходные, тихо переговарива-

[1] *Охляковский* — начальник артснабжения дивизии.

лись с первым помощником начальника штаба капитаном Мастьяновым. Мастьянов, месяц назад переведенный в штаб из батальона Докучаева, чувствовал себя в новой должности не совсем уверенно. Он то и дело поглядывал на тропу от Куписки, по которой должен был прийти из соседнего полка поляк-проводник. Когда, наконец, ксендз пришел, Коновалов спросил у поляка:

— Фамилия?

— Пененжик.

— Вы сможете, папаша, провести через болото к Едначево?

— Здесь к Едначево не пройти. Надо идти немного ближе к городу, по речке Ломжичке. Там тверже дно.

У реки возвышалась школа, окруженная садом. С ее крыши хорошо просматривался лес у Едначево. Коновалов подумал: «Забраться бы в этот лесок, да ударить одновременно по двум направлениям. Поднять побольше паники и улизнуть к болоту, а пока немцы разберутся, где свои, где чужие, сами же друг друга и поколотят».

Замысел был настолько прост, что он не решился сказать о нем вслух: вдруг чего не предусмотрел. В самом деле, не так просто целым полком скрытно добраться до леса, что находится за деревней... А если вывести своих на все три просеки ближайшего массива?

— Папаша, а просеки в этих лесах широкие?

— Широкие, широкие, пан полковник.

— Я лишь подполковник.

— Пшиско едно, пан — большой начальник, я это и хотел сказать.

— Оставим чины, святой отец, скажи-ка лучше, у Едначевского леса болота глубокие?

— Какие же болота, если торф кругом?

— Ну-у? — Коновалов не мог сдержать своей радости: слова старика подтверждали реальность его идеи.

Командир полка приказал второму и третьему батальонам Докучаева и Воронцова к ночи сосредоточиться в школьном саду,

а роту первого батальона вместе с тяжелой артиллерией оставил в Куписки-Старе. Роль ее сводилась к тому, чтобы рано утром инсценировать наступление на Едначево по земляной дамбе, проложенной к деревне в этом месте.

Ксендз Пененжик вывел батальоны Докучаева и Воронцова к первой просеке. Две следующие находились много левее, но оба комбата отказались от услуг изрядно уставшего провожатого. Автоматчик проводил его на НП полка.

— Ну как, папаша Пененжик, все в порядке?— увидев поляка, обрадованно спросил Коновалов.— Э-э, да вы совсем продрогли! Вот отогревайтесь,— он снял шинель. Потом взглянул на часы.

— Наши уже на месте. Пустяк, а приятно.

Зазуммерил один из телефонов, связывавших НП с батальонами. Докладывал Докучаев: автоматчики и минометчики залегли у входа в просеку, блокируют южные выходы из леса. Воронцов через полчаса сообщил: обе просеки, которые предстояло захватить, заняты самоходками противника.

— Что предпринял?

— Вяжу гранаты в связки.

— Действуй.

Еще через двадцать минут в небе над Куписки-Старе появилась одинокая желтая ракета. Значит, рота готова к ложной атаке. Начало ее для батальонов дублировалось трехкратно.

— Ракету! — скомандовал Коновалов Мастьянову. — Впрочем, дай-ка я сам...—И отошел в сторону от НП, за ним потянулись адъютант и ксендз в накинутой шинели.

— Может быть, вы желаете стрельнуть, а, папаша Пененжик?— Коновалов протянул старику ракетницу. Тот неловко взял ее, нажал на курок, когда рука была еще в горизонтальном положении. Ракета, скользнув по камышам, упала совсем недалеко. — Выше, выше надо! — Коновалов бросился к поляку и, схватив его руку в свою, раз за разом послал в небо два желтых фонарика.

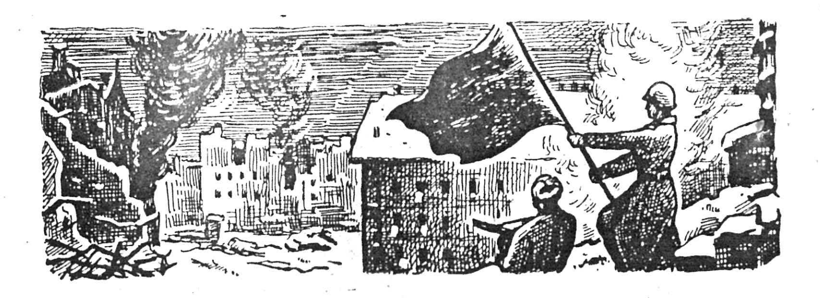
Но прежде чем достигла зенита вторая ракета, со стороны земляной дамбы ударил пулемет. Никто не расслышал выстрелов в

начавшейся перестрелке, лишь Коновалов ощутил острую боль в левом бедре, а старик-ксендз безмолвно свалился в холодную воду.

Провожая командира 1266 полка утром в госпиталь, Супрунов сказал:

— Звонил командир корпуса. За Едначево благодарил. Говорит, есть приказ Главнокомандующего о присвоении 1268 и 1270 полкам наименования Ломженских. Ну, выздоравливай быстрее.

★

ФЛАГ НАД ДАНЦИГОМ

1

С сентября 1944 года и по январь следующего дивизия Супрунова, теперь уже генерал-майора, стояла на реке Нарев. Вначале в Новогруде, он был освобожден при ее участии 14 сентября, потом под городом Остроленка.

Передышка была всеобщей: Советская Армия готовилась к наступлению на Восточную Пруссию, которое намечалось на двадцатые числа января силами 2 и 3 Белорусских фронтов. Однако эту операцию советское командование вынуждено было начать раньше, чтобы поддержать англо-американские войска, терпящие неудачу в Арденнах.

Преждевременное наступление обернулось большими трудностями. Особенно для тех, кто наступал на Мазовию. Обширное плато с бесчисленными озерами и инженерно-техническими сооружениями, возведенными в первую мировую войну и пополненными теперь фашистами, оказалось серьезным препятствием для наших войск.

385 Кричевская дивизия на это плато поднялась в конце января от Остроленка по междуречью рек Омулев и Разога, пройдя Мышинец, Ольштинек, древнюю столицу мазуров. Дивизии ставилась

цель захватить город Бишофсбург — узел целого ряда стратегических дорог, в том числе идущих на западе на Данциг, на востоке — на Кенигсберг.

Заняв 27 января населенные пункты Пиассутен, Полонкен, Марксевен, Минфен, Эллинове, Райнсвайн, дивизия готовилась к наступлению на села Бабантен, Юлингхофт, город Кобультен, железнодорожную станцию Рудау, флигель Шеферай и господский двор Домбровкен, а это уже подступы к Бишофсбургу.

С самого утра, отправив Тимощенко и Легеню на НП сверить еще раз решения по предстоящей операции со свежими наблюдениями, Супрунов остался в штабной землянке один. Ему хотелось подумать, да к тому же неожиданно выяснилось, что именно сегодня возвращается из госпиталя подполковник Коновалов, с которым, конечно же, надо обязательно поговорить.

Генерал сам распорядился, чтобы за комполка выслали на станцию машину. «Виллис» с встречающими, как стало ему известно, вышел, но прошло не менее трех часов, а Коновалова все нет. Не мог же он, минуя штадив, проехать в полк? Впрочем, с него станется. Хотя комдив никогда публично не поощрял порой безрассудную храбрость Коновалова, но то, что он умел зачастую наполнить операцию неожиданным содержанием, Супрунову нравилось.

Велев адъютанту разузнать о Коновалове, комдив подошел к макету местности сегодняшних боев дивизии, который сделали прошедшей ночью дивизионные разведчики по заданию НШ Тимощенко. То была добротная работа, дававшая ясное представление о всей системе обороны противника. Авторы постарались передать даже рельеф. А у одного хутора, расположенного на правом фланге дивизии, как раз там, где торчала палочка с цифрой «1266», жиденькой прервавшейся змейкой обозначен начатый трубопровод.

Левее указателя 1266 полка лежали две бумажные стрелки: красная и синяя, с надписями: «1268» и «1270». Обе своими остриями уперлись в еловые шишки, ими глина макета усеяна на солидной площади. Шишки — это лес, а за ним три озера, шоссейная дорога, еще одна, пересекающая ее, и, наконец, Кобультен, Рудау, озеро Кракс-зее и Бишофсбург.

Так первоначально Супрунов думал подойти к нему. Теперь он снял красную и вырезал новую — белую стрелку. Она пролегла от цифры «1266» с правой стороны от озера, похожего по форме на бомбу, прошла среди деревьев до флигеля Шеферай, где встретилась с синей. Синяя ей явно понравилась, и они, проскочив вместе Кобультен, побежали по дороге на станцию Рудау, к озеру Кракс-зее, через него до восточной окраины Бишофсбурга.

До полной картины не хватало двух деталей. Во-первых, к восточной окраине Бишофсбурга подходило шоссе, на нем 385-я объединялась с 238 дивизией. Во-вторых, на этом же месте обе дивизии получали приданое — танки. И с ними начинали штурм каменной крепости.

2

— Товарищ подполковник, куда ехать? — шофер обращался к Коновалову, который был занят беседой с Мастьяновым, Воронцовым, новеньким командиром первого батальона капитаном Сысоевым и комсоргом полка младшим лейтенантом Кренделевым.— В штаб дивизии или в полк?

— Да валяй в полк. Хочется взглянуть, как вы там живете.— Коновалов опять повернулся к своим собеседникам.— Эх, если бы вы знали, как мне хорошо с вами! Так говорите, изменений в полку много?

— Много,— ответил Воронцов по праву ветерана полка.— Докучаева назначили замом к Халину, вместо него теперь временно мой бывший НШ капитан Охтень. Парторга второго батальона Медведя — помните? — позавчера сильно ранило, наверное, демобилизуют. Парторгом стал комсорг батальона лейтенант Никулин. Что-то мы все о нас да о нас, вы о себе расскажите. Как самочувствие? Здорово зацепило?

— Мясо продырявило, да кость малость.
— Пустяк, значит.
— Пустяк, а приятно.— При этих словах в «виллисе» грохнул дружный смех. Трясся, содрогаясь от смеха, и сам Коновалов.— Прикупил.
— А как Евгений? Он ничего вам в последние дни не писал? — осведомился Кренделев о сыне Коновалова, который тоже воевал в их полку командиром отделения автоматчиков. Недавно его ранило.
— Нет. Друзья его сообщали, что в госпиталь отправлен.
— Говорят, будто вы его в черном теле держите. Может, после выздоровления стоит направить на курсы командиров взводов? — вставил слово Мастьянов.
— Ничего, капитан, я сам начинал с нуля.
Сысоев перевел разговор в другое русло:
— Наши позиции начинаются, товарищ командир полка,— и кивнул на показавшуюся впереди деревню, которая рассыпала свои дома по взгорью. Напротив, через озеро, на возвышении виднелось несколько построек.
Мастьянов комментировал:
— На правом фланге соседняя дивизия, а позиции полка начинаются от того хутора, что наискосок от озера. Мы зовем его Лисой, на карте же — Лимкатики-зее. То, что напротив нас — Бомба, тоже неофициально.— Когда Мастьянов между прочим указал на разбросанные по всему полю канализационные трубы, Коновалов заинтересовался:
— А чего они здесь валяются?
— Хозяин хутора, должно быть, имел какое-то отношение к благоустройству ставки Гитлера «Вольфсшанце» у Растенбурга. И себя не забыл. Намеревался, видно, осушить свой участок. К Бомбе, ниже, все самотеком пошло бы. Вырыл канаву, начал укладку труб, да, по-видимому, приближение фронта напугало.
В хуторе Коновалов взобрался на сеновал и долго рассматривал в бинокль подходы к Бомбе и флигелю Шеферай. Он спустился

лишь после того, как хутор обстреляли. Тотчас же уехал в батальоны, где и застал его телефонный звонок адъютанта Супрунова.
Уезжая, Коновалов дал задание майору Воронцову.
— Возьми саперов и незаметно пройди по трубам и канаве.
— Вот это идея! Как же я сам не додумался?
— А ты, Охтень, прикинь, сколько понадобится твоему батальону времени, чтобы выйти напрямик через Бомбу к флигелю Шеферай. Но при этом учти на восточной его окраине батарею легких пушек.

3

Супрунов одобрил план Коновалова, он только долго не соглашался отдать в его подчинение 948 артполк.
— Халин тоже потребует, а у меня он один.
— Да у Халина впереди всего три ряда проволочного заграждения, а у меня — пять и три траншеи. Вы же знаете, там бетон на бетоне. Поскольку вся тяжесть падает на мой полк, я и прошу больше.
Супрунов все же согласился, и Коновалов вернулся в полк очень довольный.
— Ну, Охтень, ты намерен, поди, просить у меня на взятие флигеля сутки, не меньше? Дам четыре часа. Два, которые Воронцов затратит на то, чтобы провести батальон по канаве до северного берега Бомбы, а два — на совместные действия. Причем, дашь одну роту мне в резерв и направишь ее на хутор Воронцова. Капитан Норкин,— Коновалов обратился к начальнику артиллерии полка,— туда же подкинь и батарею 76-миллиметровых пушек. Первый батальон прикрывает левый фланг полка. Командир роты связи Зацепилов, дашь связь к сеновалу, там будет НП. Начало атаки в 19.00.

4

— Ну что, Андрюха, уходишь?

— Ухожу, вон по тем трубам и канаве прямо в самую преисподнюю. А ты?

Они давно уже дружили, и Никулин знал, Покуневич всегда веселел перед большим боем. «Знаешь, я веду свой счет,— признался как-то Андрей ему. В нашей деревне было сорок дворов. В каждом примерно по пять душ. Пока две сотни фрицев не укокошу, не успокоюсь».

— Меня оставили с ротой резерва. Охтень, видишь ли, решил, что место парторга не в бою, а среди тех, кто наблюдает его со стороны. Поругались.

На огороде, начинавшемся за постройками хутора, стоял длинный стог сена. Его с осени заложили на самом сухом месте. За ним и начинался трубопровод. Саперы сделали под стогом лаз, а от него в обе стороны пробили небольшие траншеи. Немцы, хотя и заметили несколько человек на огороде, но сочли, видно, их за фуражиров.

Андрей спустился в траншею и пополз к стогу. Под стогом собрался уже весь штаб батальона.

— Прошу внимания,— проговорил комбат, уминая сено у отверстия, чтоб было светлее.— Сейчас сюда будут подходить повзводно бойцы. Каждый командир встречает своих и с ними направляется на ту сторону.— Воронцов указал на конец канавы.— Соблюдайте строжайшую тишину, успех боя — в скрытности маневра...

Андрей пошел с седьмой ротой. Он знал в ней каждого и любил бывать, потому что комсорг роты, пулеметчик сержант Килибов — душа человек, под стать ему и сам ротный — лейтенант Харланов.

Харланов, небольшой, верткий, полз споро, и Покуневич старался изо всех сил, так как за ним двигались командир взвода сержант Бобров, за Бобровым — Килибов и—вся рота. Канава выходила в один из овражков, в котором было решено накопить силы для броска.

5

Ни Коновалов, ни Супрунов не знали, что в 19.00 и противник

решил наступать на хутор, где командир 1266 полка обосновал свой наблюдательный пункт. Враги двигались со стороны господского двора Домбровкен вдоль западного берега озера, которое Мастьянов называл Лисой.

За полчаса до атаки их заметил «секрет» роты резерва. Коновалов приказал прочесать снарядами район, откуда поступила тревожная весть. В ответ ударили крупнокалиберными снарядами. Значит, фашистов поддерживают самоходки. Сразу вышли из строя три орудия.

— Лебедев, чего ловит мух твоя артиллерия? Почему до сих пор батальоны не прикрыты со стороны Домбровкена?— набросился Коновалов на командира 948 артполка... Сысоев? Немедленно пару рот ко мне!.. Воронцов, разверни батальон фронтом на северо-восток, на хуторе немцы.

Артиллерия артполка робко нащупывала цели, роты от Сысоева еще не подошли, да и для того, чтобы развернуть батальон, Воронцову понадобится время. Рота же резерва таяла, с правого фланга фашисты уже вклинились в ее боевые порядки. Теперь на их пути лишь единственно уцелевшая пушка пострадавшей батареи. Комполка бросил взгляд в ее сторону и ужаснулся: там, где стояла обслуга «сорокапятки», земля разверзлась, и в воздух полетели каски, сапоги, винтовки. А оно, это орудие, так нужно отражающим атаку. К счастью, погибли не все артиллеристы, один из них поднялся, отряхнулся. Коновалов обрадовался: даже выстрел может сделать многое.

Только оставшийся в живых артиллерист почему-то не торопился к пушке. То ли от контузии, то ли от страха перед приближающимся противником он затравленно оглядывался по сторонам, потом зачем-то снял шинель и вдруг, тряхнув ею о землю, неожиданно прытко бросился в гору к хутору.

— Ах, негодяй, пушку бросать? — Коновалов выхватил из кобуры наган. — Все в цепь! За мной!

С наганом в руке, без шапки, она слетела с него при спуске с

лестницы НП, лысый, с гневными глазами, он был неистов. Таким они его прежде не видели.

Перебранка снарядами на правом фланге дивизии вызвала удивление в штадиве. Супрунов позвонил Коновалову, но дежурный связист ответил, что командир полка вместе со всеми отбивает атаку прорвавшейся группы немецких автоматчиков. И рассказал про все. Супрунов с досадой бросил телефонную трубку.

— Что произошло?— встревожился НШ Тимощенко.

— Самое препаршивое, что можно ожидать накануне наступления. Коновалов оставил для себя ничтожный резерв, а фрицы, опередив его, начали атаку. Теперь он, чертова голова, рискует не только собственным НП, но и всей сегодняшней операцией. Сию же минуту отдайте от моего имени боевое распоряжение Тарусину, чтоб снял один батальон и спешно направил на хутор Коновалову. А приказ на взятие Бишофсбурга я все-таки не отменю.

6

Для защиты правого фланга полка и прикрытия третьего батальона Коновалов снял всю артиллерию, что раньше сосредоточил в основном вдоль озера Бомба и нацелил на Шеферай да Кобультен. Сильная артиллерийская стрельба сразу же переросла в мощную артобработку, а когда к уже действующим батареям присоединила свои и артиллерия 1270 полка, на территории немецких траншей заработал гигантский шнек. Начало его было в господском дворе Домбровкен, а конец напротив селения Марксевен, где проходил левый фланг дивизии. Шнек вращался и перемалывал своими лопастями и колючую проволоку, и бетонные дзоты, и самих создателей их.

И тогда батальон Воронцова поднялся в атаку. Прорвавшиеся к хутору немцы поняли, чем грозит им удар справа, и ввели в бой дополнительные силы. Но к этому времени и Коновалов получил

уже подкрепление, подошли две роты Сысоева и третий батальон 1268 полка.

Ровно в 19.00 два других батальона 1266 полка и полк Халина вступили на лед Бомбы, и хотя на этом втором участке наступления дивизии сил оказалось больше, главным направлением удара стал все-таки первый. Полк Коновалова наступал на пятки бегущему врагу. Батальон Воронцова через два часа был уже у флигеля Шеферай, правда, не с южной стороны, как предусматривалось планом операции, а восточной.

Первой из этого батальона подошла к Шефераю седьмая рота лейтенанта Харланова. Противник встретил ее шрапнелью и пулеметно-автоматным огнем.

— Окопаться! Выдвинуть оба пулемета на фланги,— подал команду Харланов.

При сполохах немецких ракет хорошо просматривалась одинокая сосна, дорога, идущая с Кобультена на господский двор Домбровскен. Направляя роту Харланова к флигелю Шеферай, Воронцов сказал: «Твоя задача — дать понять противнику, что наступление ведется с востока. Завяжешь бой, тем временем я с другими ротами обойду флигель с севера, а второй батальон — с юга. Сигнал общей атаки — четыре зеленые ракеты по две с каждой стороны».

Ракет не было, лишь пламенело небо над Домбровкеном и Бомбой.

Противник усилил обстрел. По всей вероятности, гитлеровцы собирались в атаку.

— Приготовиться! — крикнул Харланов и пополз вдоль линии окопов. Сказал пару ободряющих слов молдованам Додонову и Качуку, велел внимательнее вести наблюдение за неприятелем сержанту Боброву, который со вчерашнего дня заменил погибшего командира первого взвода. На левом фланге удобно примостился с пулеметом меж двух стволов сибиряк Гаврилишин. Харланов похлопал его по спине:

— Смотри, сибирь, не проморгай немчуры.

— Все будет в аккурат, командир.

Другого пулеметчика — сержанта Килибова — Харланов застал в одном окопе с комсоргом батальона лейтенантом Покуневичем.

— Ну как комсомол чувствует себя? — Харланов обращался, собственно, к Покуневичу, но поскольку и Килибов был комсоргом, оба откликнулись ободряющим: «Дышим!»

На заснеженной поляне перед флигелем появились черные силуэты. И когда расстояние между ними и окопами роты сократилось почти до двухсот метров, Харланов, пристроив свой автомат рядом с «максимом» Килибова, разрядил в них весь диск. Это послужило командой для других.

Передние ряды наступающих фрицев застыли на снегу, задние спешно ретировались.

— Пойду по окопам, а вы посматривайте за небом, — сказал Харланов Покуневичу и Килибову. — Если увидите четыре зеленые ракеты, значит, наши идут с обеих сторон, и нам в атаку пора.

Вновь начался обстрел. Три снаряда упали далеко в тылу роты, четвертый рядом с пулеметом Килибова. Пулеметчик и Покуневич едва успели укрыть свои головы за металлическим щитком «максима», а Харланов не сделал и двух шагов: осколок ударил его в правое плечо.

Покуневич с Килибовым бросились к ротному. Харланов простонал:

— Принимай роту, комсорг.

А на белоснежном листе-поляне вновь появились черные знаки. Андрей не понял, откуда у него взялось столько воздуха в легких, когда он закричал:

— Слушай мою команду! По фашистской нечисти, короткими очередями, ого-о-онь!

После этой атаки в живых осталось девятнадцать бойцов. Одного из них пришлось отправить связным к Воронцову.

Через пятнадцать минут немцы повторили атаку. Покуневич поднялся, стал за дерево, так ему лучше было видно, что происходило вокруг. Справа противник особенно яро нажимал, хотя пулемет

Килибова ни на секунду не умолкал. Андрей решил перебросить сюда и Гаврилишина.

Небо над поляной у флигеля вспыхивало и гасло, словно кто-то торопливо чиркал спичками. Временами между сараем и одинокой сосной оно подсвечивалось сильными всплесками. «Батарея!» — осенило Андрея.

— Дай-ка пальну разок! — крикнул он, наклоняясь к Гаврилишину. Андрей послал в сторону сосны две длинные очереди. Всплесков за сараем не стало. И вдоль всей поляны смолкли фрицы. «Неужели-таки окружили роту?» — беспокойно оглядывал фланги Покуневич, но тут подбежал к нему ликующий сержант Бобров.

— Смотрите, смотрите, зеленые ракеты!

— В атаку! За мно-о-ой! — поднял роту комсорг.

7

— Вот оно, и Кракс-зее! Большое-то какое! За ним — шоссе. Никак танки входят в Бишофсбург? Ну да, наши. — Тимощенко протянул стереотрубу Супрунову.

— Верно. Однако, почему же они начали штурмовать город без нас?

— Может быть, располагают сведениями, что немцы отступили?

— Хорошо бы. Что ж, двинем по льду?

Перейдя Кракс-зее, дивизия направилась к лесу между озером и шоссе. И тут ее обстреляли. Снаряды летели из города. Это было невероятным, но упрямым фактом.

Супрунов потребовал к себе командира разведроты. С тех пор, как из дивизии ушел Бычков, разведку возглавлял то один, то другой, так же было и с 447 разведротой. На днях ее принял опять новый человек — капитан Синицын. На вид боевой, но, видно, что-то проморгал.

Капитан Синицын явился в сбитой на затылок кубанке. Кубанки эти были присланы в дивизию с подарками, и Супрунов тогда

же разрешил носить эти кавказские шапки разведчикам в поощрение за их нелегкую службу.

— Срочно выясните обстановку в городе.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Я сам поведу группу.

Синицын взял с собой несколько разведчиков, в числе которых оказалось два «старичка»—усач Григорий Буслаев из Фрунзе и казах Загры Насреддинов. Да, тот самый, что в сорок втором ходил с Бычковым в разведку у Сининок и заарканил фрица. Буслаев в то время служил ординарцем у Тишина. Тишин в этом пожилом солдате с пшеничными усами разглядел не только земляка, но и хозяйственного мужика, до гроба преданного товарища.

Город горел и кадил черными столбами. На узких улицах не виделось ни души. И все-таки враг здесь, прячется, поджидает свои жертвы, об этом напоминали советские танки, сожженные фаустпатронами, убитые танкисты. Фашисты, видимо, впустили в город колонну танков, а потом, ударив по задним из них, сожгли ее. Значит, они хорошо видели, как подходила колонна.

Синицын стал искать ту высоту, с которой можно было наблюдать за загородным шоссе. Скорее всего, это каменный дом с башенкой на крыше, напротив вон того двухэтажного особняка с широкими окнами. Магазин, что ли? Капитан повел солдат к магазину задворками. Со второго этажа дом с башенкой хорошо просматривался. Окна их вглядывались друг в друга, словно старые соперники. Командир разведроты расставил разведчиков у окон и велел наблюдать за башней, улицей и вообще за городом.

Но вокруг сквозняком гуляла тишина, даже слышно, как падают сгоревшие балки соседних домов, и вместе с ними рушатся потолки, стены. Где-то строчат автоматы, стреляют пушки, но далеко, в центре. Возможно, это сражаются оставшиеся в живых танкисты.

— По-моему, мы напрасно теряем время,— проговорил молодой разведчик.—Немцы с этой окраины давно уже драпанули.

Синицын недовольно посмотрел на него, как бы говоря: чего расхолаживаешь, но заметил, что и «старички» не очень склонны к этому затянувшемуся наблюдению. Насреддинов сидит как-то боком к

окну, набил свою трубку табаком и пытается раскурить, а усач развел с Парамоновым свои бесконечные разговоры о том, как надо строить дома. Парамонов—тобольский плотник, он в городе своем немало домов понастроил, любил свою специальность, но всем строительным материалам предпочитал дерево: «А здесь, куда ни взгляни — всюду камень да камень. Мрачно».

— Мрачно, но расчетливо, и опять же к уюту стремятся. Думаю я, что и у нас после войны дома станут просторные. На каждую семью заведем кухню, столовую, залу приемную, на ребенка спальню, на взрослого тоже. А через двор — школы-храмы.

— Почему школы-храмы?— не выдержал, перебив Буслаева, Синицын.— В них ведь учат, а не свадьбы играют.

— А как же,— продолжал, нисколько не смутившись, усач.— Храмом церковь называли раньше, а что в ней делали?

— Грехи замаливали,— засмеялся Парамонов.

— И не только, по-своему, а все-таки наставляли человека на путь, учили, значит. Ноне школы есть. Чем не храмы?

От буслаевской философии душа млела, а мысли, не желая считаться с обстановкой, уносили далеко к родным местам, где, конечно, хорошо бы понастроить красивые дома, школы-храмы. Загры думал о том, что больше всего понадобится строить в их ауле: землянки же сплошные. Трубка все еще не была раскурена, табак вяло тлел. Загры достал зажигалку и чиркнул ею. И вместо маленького красного огонька перед его лицом вдруг полыхнуло пламя, раздался гром.

Вначале все недоуменно смотрели на пустоту оконного проема, на черный след по белому потолку, на трубку Загры, валявшуюся теперь на паркетном полу.

— Засекли, гады! Всем вниз!—закричал Синицын.

Все было ясно: ударили фаустпатроном из подвального помещения. Синицын проклинал себя, что разрешил Насреддинову взять в разведку трубку и зажигалку. Не устоял перед авторитетом разведчика.

Бойцы, остававшиеся внизу, уже вели перестрелку с немцами, которые при поддержке пулемета пытались проникнуть в магазин со

стороны двора. Пулемет бил из правого крыла подвального помещения здания с башенкой. Переулком слева можно было подобраться к нему. Буслаев с противотанковой гранатой, прячась за развалинами, дополз до переулка, шмыгнул через соседний двор на улицу и побежал. Фрицы с пулеметом засекли его, когда он был уже на середине пути к ним. Ударила автоматная очередь откуда-то сверху, похоже, с башни. Усач едва успел прижаться к стене подвала. Так, скользя вдоль стены, он и добрался до пулеметного гнезда.

Как и предполагал Синицын, это была группа прикрытия. Но то, что из башни стреляли по Буслаеву, подтверждало догадку: немецкие корректировщики в здании напротив. Взять их живыми не удалось, но рация оказалась целой. Синицын надел наушники и повернул ручку настройки на волну дивизионного радиста. Тимощенко через него приказал разведчикам, оставив в башне наблюдателей, выяснить обстановку в центральной части города.

8

Уличные бои в Бишофсбурге длились часа два. Как только затихли последние выстрелы, к городу из окрестных лесов потянулись со своим скарбом жители. Одну из таких групп Супрунов, Михайлов, Нестеров, Коновалов и замполит 1268 полка майор Волков встретили на северной окраине города. Пронизывающая до костей промозглая погода заставляла офицеров, одетых в дубленки, ускорять шаг, а женщины, которые шли им навстречу, были почти раздеты. В огромных, не по размеру, немецких сапогах, в платьях, чем-то напоминающих одновременно и комбинезон, и халат, на голове — чалмы. Группу возглавляла высокая статная полячка. Она упала на колени перед Супруновым и что-то заговорила по-своему. Генерал беспомощно оглянулся, неожиданно одна из полячек перевела:

— Она говорит, что швабы превратили поляков в пронумерованный рабочий скот, а русские вернули нам имена и нацию. Барбара и благодарит тебя, генерал, за это от имени всех поляков.

При этих словах все женщины упали на колени. Супрунов, и без того чувствовавший себя не очень удобно, просил смущенно:

— Что вы, что вы, поднимитесь. У нас никто и ни перед кем не стоит на коленях.— Он подал предводительнице полячек руку, помог ей подняться. Она выпрямилась, поправила одежонку на груди. Вдруг лицо ее исказила гримаса: рука коснулась бирки. Барбара рванула ее и, не глядя, швырнула под ноги. То же самое повторили и ее подруги.

Сцена была потрясающей, Волков, стоящий за Михайловым, прошептал: «Вот она, Польша, освобождается от своих оков».

Утром следующего дня дивизия Супрунова на машинах снова двинулась на запад. Пока 70 корпус штурмовал Мазурские озера, войска фронта ушли далеко к Висле. К этому времени успешное наступление в Восточной Пруссии вел не только 2 Белорусский фронт. Были освобождены Алленштейн (Ольштын), Остероде (Оструда), Дейч-Эйлау (Илава), Хелмно. Теперь через них пролегал маршрут 385-ой.

В Остероде штаб Супрунова нагнал «виллис» командира корпуса генерал-лейтенанта Терентьева. Супрунов гадал-гадал, зачем пожаловало начальство, но так и не придумав ничего, спросил напрямую.

— А ты не догадываешься?—вопросом на вопрос ответил Терентьев, вытираясь мягким полотенцем. Они умывались, собираясь завтракать в шикарном особняке сбежавшего эсэсовского офицера. Повар штаба Сабанадзе славился на всю 49 армию своими шашлыками, и потому Терентьев с удовольствием принял предложение Супрунова позавтракать вместе.

— Нет, что-то не припомню за собой вины.

— А вот и есть!—Терентьев засмеялся.— Мазурские озера. За них твоим двум полкам—1266 и 948—присвоено наименование «Мазурские». Так что с комдива десяток шампуров шашлыка.

В полдень полки-именинники были выстроены на лесной поляне. Командир корпуса зачитал приказ Верховного Главнокомандующего, поздравил всех с присвоением наименования и вручил награды.

Переправившись у города Хелмно на левый берег Вислы, 12 февраля 1945 года 385 дивизия оказалась у реки Шварцвассер. Высланная вперед разведка доложила, что река—приток Вислы, небольшая, метров пять-шесть в ширину. Немцы по ту сторону ее, в лесу.

Лес в несколько километров как бы вре́зался в реку и оттеснил ее, заставив сделать крутой изгиб к югу. Через этот изгиб был перекинут деревянный мост, и по нему проходила шоссейная дорога Бремен—Клингер. На северо-восток от нее отходила грунтовка, она соединяла шоссе и мост с небольшим селением Грюнек, стоявшим на другом берегу реки, и городом Оше—чуть подальше от него. В руках дивизии Супрунова было пока только то, что располагалось ниже реки: Бремен, Мариенфельде, Широслав и Гжибек—село ближе всего к реке. Здесь хозяйничал 1268 полк, Широслав занимал 1266-й, а Бремен — полк Халина.

Позиция дивизии напоминала широкую стрелу с острием, упиравшимся в лес за речкой. На этом острие был третий батальон майора Басамыкина 1268 полка. Перед рассветом 13 февраля он переправился по тонкому льду правее разрушенного моста и окопался метрах в пятистах от берега.

Следом за третьим батальоном на северный берег Шварцвассера должен был перейти и первый батальон этого же полка, но не успел. Немцы засекли подходы к реке. Снаряды начали молотить лед с таким усердием, что каждая минута переправы несла немыслимые потери. Нестеров, он только что вернулся из госпиталя, приказал отвести первый батальон в укрытие, а Басамыкину—держаться до подхода подкрепления:

— Часа два, не больше,— пообещал он не очень уверенно.

Басамыкин, побывавший с самого начала войны во многих переделках, хорошо понял, что это значит—его батальон отсечен от своих. Позиция его батальона, в котором было не более ста двадцати бойцов, представляла вогнутую дугу. Левый конец ее повисал над невысоким берегом озера, расположенного недалеко от моста и

дороги, а правый обрывался у овражка, противоположную сторону которого держали фрицы. Они были и в той части леса, что находился западнее озера и примыкал к дороге.

— Веселеньким денек обещает быть,—сказал комбат по телефону своему начальнику штаба батальона капитану Яковлеву, тоже волею судьбы оставшемуся по ту сторону реки.

— Жаль, что не вместе, вот и замполит ругается, что не может попасть к тебе (сутки назад замполит батальона майор Макунин уезжал в политотдел армии на семинар агитаторов), втроем было бы веселей. Помнишь, как у Ломжи? — проговорил Яковлев.

Ломжа для Басамыкина была пропиской в дивизии Супрунова. В память о боях за нее он носил теперь на груди орден Александра Невского.

О комбате Басамыкине люди рассказывали разное. Человек, познакомившийся с ним, всегда испытывал на первых порах два противоречивых чувства. Во-первых, ему казалось, что комбат третьего батальона зазнайка—у Басамыкина гордая посадка головы и насмешливо-вопрошающий взгляд. А во-вторых, Басамыкин так быстро в разговоре переходил на «ты» и делал это без фарса и жеманства, что не ответить ему тем же было невозможно.

При более постоянных и близких встречах совершенно отвергалось первое и утверждалось второе. Кроме того, офицеры, окружавшие комбата: те же Яковлев с Макуниным, заместитель Басамыкина по строевой капитан Обухов, командиры рот старшие лейтенанты Мукарамходжаев, Ким и взводные лейтенанты Чесалин, Стамиков, старший лейтенант Сагидулин, младший лейтенант Поляков, словом, все-все, отзывались о майоре и как специалисте самыми лестными словами.

У комбата третьего батальона был один-единственный недостаток, о котором обычно говорили с улыбкой: в бою он не мог обойтись без того, чтобы зубы его не были постоянно заняты работой. Пусть то будет сухарь, кусок завалявшегося в карманах сахара или просто спичка. «Успокаивает нервы»,—говорил он.

С начала артиллерийского обстрела переправы Басамыкин от-

крыл одну из банок своего НЗ и стал уничтожать его содержимое ложкой. Ел и одновременно наблюдал за всем происходящим вокруг. Он сидел на кромке окопа, и ему хорошо было видно и то, как солдаты спешили закончить ров, предназначенный под траншею, и как на дне окопа копошились связисты, устанавливая рацию и телефон. Рядом, за метровой земляной перегородкой, тем же самым занимались люди майора Мелина, командира второго дивизиона артполка. Мелин должен поддерживать огнем своих пушек его, Басамыкина, наступление на Оше. Комбат окликнул Мелина. Из окопа показалось курносое симпатичное лицо. На вид Мелину было столько же, сколько и самому Басамыкину—лет двадцать пять. Белый офицерский полушубок сидел на нем ладно, и это выдавало в хозяине бывалого фронтовика. Басамыкин протянул ему банку с рыбой:

— На, заправься, а то скоро будет не до еды.

Мелин взял банку, немного поковырял в ней ложкой и вернул. Вернул как раз тогда, когда к нему из окопа обратились два лейтенанта, один по виду калмык, другой русский. Как узнал позднее Басамыкин, это были командир взвода управления Харцха Кальдинов и командир восьмой батареи Бутовченко. Они доложили, что есть связь с восьмой батареей и что артразведчики из «секретов» уже сообщают цели.

— Хорошо,— ответил командир дивизиона,—налаживайте связь с остальными.

— А что, если для удобства уберем эту перегородку?—Басамыкин постучал кулаком по мерзлой земле.

— Сам хотел предложить. Верх оставим, а внизу пробьем, получится ниша, на всякий случай.

Было приятно, что они понимали друг друга.

— Сейчас начнет,— сказал Басамыкин, глядя на посветлевший лес.

— Верно, в темноте он в атаку не полез бы ни за что.

И, словно подслушивая их мысли, над лесом повисла «рама»—предвестница артналета или появления бомбардировщиков. Басамыкин пошел по траншее проверить готовность рот к отражению ата-

ки, Мелин стал уточнять кодировку квадратов на карте и сличать данные прежней разведки с донесениями из «секретов».

Бой начался, как не раз начинался он для Басамыкина. Сначала громоздкие «хейнкели» попытались перепахать позицию батальона, потом в помощь им подоспела артиллерия, а позже появилась длинная цепь немецких автоматчиков.

Срубленные бомбами и снарядами деревья и кусты впереди траншеи дымились, мешая следить за противником. Басамыкин ждал. Орудия Мелина тоже молчали. Они начали все разом: пушки, минометы, автоматы. Слившись воедино с эмоциями и стонами людей, весь этот хаос звуков метался над лесом, то приближаясь к реке, то удаляясь от нее, когда атакующие откатывались назад.

Это длилось весь день.

Где-то уже на закате дня противник решил ввести в бой несколько самоходок. И тут Басамыкин увидел, как седьмая рота Кима вместе с самим ротным перебежками покидала свои позиции. «Отступают!?»—полосонула неприятная мысль. Комбат выхватил из кобуры пистолет и бросился наперерез бегущим. Он едва не сбил ротного.

— Ты куда? Не сметь, назад!

Большие ресницы Кима удивленно захлопали:

Я-я, комбат, не трус. Та позиция неудобна.

Обругав себя, Басамыкин спрятал пистолет. Кого-кого, а Кима он знал, сам же из взводных выдвигал его.

Часам к трем новых суток положение батальона стало критическим: от минометной и пулеметной рот не осталось ничего, погиб Ким, тяжело контужен Обухов. У самого Басамыкина нет уже ни ординарца, ни связиста. А немец продолжает атаку за атакой, и в воздухе по-прежнему висят «хейнкели».

Вновь расставив по-своему жиденькую цепочку стрелков, Басамыкин задержался на левом фланге, где теперь окопались взвод Чесалина и седьмая рота Кима.

— Упорствует фашист, словно мы у него не какой-нибудь Оше, а Берлин берем,— проговорил Чесалин, с жадностью затягиваясь окурком, который протянул ему комбат. Несколько минут они сто-

яли рядом, оба напряженно всматриваясь вдаль.—Ближе к дороге подозрительное оживление, не иначе, как опять самоходки пустит. У меня, товарищ майор, соображение есть. А что, если взять несколько человек и забраться вон на ту горку? Что за озером, чуть правее дороги.

— Если фриц подождет, когда ты подойдешь к этой высоте.

— Вдоль озера полно кустов, меж ними—и там.

Добровольцев набралось восемь человек: командир станкового пулемета сержант Дмитриев, командир ручного пулемета сержант Кочиневский и рядовые пулеметчики Дмитрюк, Урсуй, Чабан, Прокопчук, Донец и Стапура[1].

— На высотке поглубже закопайтесь и займите круговую оборону. Задача взять под контроль дорогу,— комбат оглядел добровольцев.— Ну, в добрый путь.

Через несколько часов со стороны высотки долетели отзвуки боя. Теперь по сути было два плацдарма. Тот, что занимал Чесалин с пулеметчиками, располагался северо-восточнее селения Грюнек, а основные силы батальона находились восточнее деревни Гжибек. Создалась удобная ситуация для наступления, но дивизии приходилось сдерживать натиск противника, обошедшего ее слева. Получилось так, что соседи, встретив упорное сопротивление у Дричмина, замешкались. В результате левый фланг дивизии оголился. Супрунов бросил туда полк Халина. К вечеру 14 февраля соседям удалось вновь взять инициативу в свои руки, и тогда Супрунов приказал Коновалову наступать на Оше с запада, а 1268-му—через плацдарм у Гжибека.

Форсировав реку немного левее позиции Басамыкина, 1266 полк устремился к плацдарму у Грюнека. Отряд Чесалина со своей стороны помогал полку чем мог. Уже несколько часов подряд он вел сражение с одной из рот 251 гренадерского пехотного полка. Многие защитники высотки были ранены по нескольку раз, погиб пулеметчик Чабан. И все-таки отряд Чесалина продолжал успешно отбивать все атаки гитлеровцев[1].

Переправившийся полк Коновалова был вынужден сразу же вступить в бой с батальонами 83 немецкой гренадерской дивизии, которые наступали при поддержке шести танков. Одновременно две роты этой же дивизии вновь насели на плацдарм Басамыкина. Немцы шли за тремя самоходками. Басамыкин подумал, что это конец. Эти же невеселые мысли тревожили Мелина, разведчиков-наблюдателей, Кальдинова и Бутовченко[2].

— Может, вызвать огонь на себя?—подал мысль Бутовченко.

— Правильно, давай на себя,— подхватил комбат.

Мелин посмотрел на них: «Неужели не понимают, что это значит? Прямое попадание, конечно, редко бывает, но где спрячешься от осколков—в этом ровике или под кустами?»

Немцы были в двухстах с немногим метрах. Они даже не стреляли.

— Ну что ж, на себя так на себя.—Мелин назвал координаты и прицел. Бутовченко повторил их через радиста на батарею, повторил почему-то шепотом.

Через несколько секунд в середину наступающей цепи ударило сразу несколько снарядов, осколки крупным градом пробарабанили по стволам и веткам деревьев, сбили снег с оставшейся маскировки.

---

[1] *Чабан Антон Андреевич* призван из села Толмазы Бендерской обл.

Прокопчук Григорий Иванович из города Овруч Житомирской обл.

[1] *Чесалин Павел Александрович* из Нижне-Сергинска Свердловской обл. Два дня спустя после описываемого боя погиб под деревней Юлиенталь.

[2] *Мелин Анатолий Алексеевич* после войны закончил военную академию, служит в рядах Советской Армии.

Кальдинов Хариха Мартынович в настоящее время живет в городе Фрунзе, работает на мясокомбинате.

Бутовченко Василий Семенович — воспитанник Подольского артучилища, родом из Росочанского района Ворошиловской обл.

— Хорошо! Еще! Еще давай!—наклонясь к Мелину, закричал комбат, глаза его вновь повеселели.

Мелин оставлял запас на осколки два-три метра, потом стал увеличивать этот запас, снаряды несколько отдалились, но по-прежнему рвали в клочья цепи атакующих.

Несмотря на это, фашисты никак не хотели уступать удобный рубеж на северном берегу Шварцвассера какой-то горсточке русских. Сколько точно, они не могли знать, их сбивала с толку басамыкинская выдумка. Комбат приказал всем стрелкам с каждым выстрелом менять место.

После двенадцатой атаки комбат встретил в ровике только раненых Мукарамходжаева и Сагидулина да контуженого капитана Обухова. Натыкаясь то и дело на погибших своих товарищей, майор старался уложить их поудобнее, накрыть маскхалатом или шинелью. При этом он не забывал раз-другой стрельнуть из их оружия.

Совершая таким образом своеобразный обряд похорон, он думал о каждом из погибших. Он знал их не только в лицо. Вот лежит, распластавшись на бруствере, парторг Голубев из роты Кима. Он помнит его еще рядовым стрелком. Была осень, они брали одну маленькую деревушку. Немцы также неистовствовали, батальон лежал в грязи. Комбат полз вперед, чтобы поднять солдат. И тут немцы, заметив его, открыли огонь. Какой-то солдат, чтобы отвлечь немецкого пулеметчика от него, Басамыкина, вскочил на ноги, побежал вперед. То был Голубев[1].

На повороте ровика к озеру комбат наткнулся сразу на два разбитых станковых пулемета. Возле них лежали пулеметчики Циклаури, Левенец и Безус, а вокруг валялось десятка три немцев. «Славно дрались мальчики, а Циклаури даже и теперь не хочет расстаться с оружием»,—подумал комбат и бережно уложил Циклаури[2] навзничь рядом с пулеметом. Гашетка подалась легко, очередь получилась длинной, четкой. Басамыкин прислушался, в ответ услышал несколько далеких разрывов гранат. «Значит, жив Чесалин».

[1] Старшина *Голубев Иван Ильич* за этот бой посмертно награжден орденом Отечественной войны 2 степени.

[2] Сержанта *Циклаури* комбат ошибочно принял за погибшего — он был без сознания от тяжелой раны. Медики его выходили, и он еще воевал в составе дивизии до конца войны.

В сумерках Басамыкин добрался до окопа Мелина и устало плюхнулся под нишей. Было странно-безразличное состояние. Казалось, пойди немцы в тринадцатую атаку, он не поднимется. Болела голова, ныло все тело, настойчиво зуммерил пустой желудок.

— Слушай, бог войны и гроза немцев, не найдется у тебя хотя бы сухарика?—спросил он у Мелина.

— Не то что сухаря — маковой росинки нет. Мне тоже давно подвело живот. И удивительно, сейчас, когда они не стреляют, этот чертовский голод усиливается.

— Ничего удивительного,— отозвался Бутовченко.—Опасность вытеснила все заботы о бренном теле. Но наступило время расслабиться, и желудок говорит: «Ты забыл обо мне, а попробуй-ка проживи без солдатской каши».

— Да, кашки бы с дымком, какую варит наш повар. Можно даже полный котелок, нет, ведро,— проговорил мечтательно Кальдинов, наблюдавший за передним краем. Солдат-артиллерист, что стоял рядом с ним и во все время разговора ни разу не оторвался от стереотрубы, неожиданно предложил:

— Товарищ майор, разрешите, я схожу за едой?

— Чего, Оросбаев? За едой? Это тебе не прогулка по вашему колхозу, как его там?

— Кызыл-Чарва,— с поспешностью подсказал солдат.—Не бойтесь, товарищ командир дивизиона, умирать я не тороплюсь. У меня мать, апа по-нашему, совсем старенькая. Ей помогать нужно. Разрешите, товарищ майор, курсак совсем пропал. Пириц не полезет, пириц теперь тоже курсак набивает, да и скоро темно, он боится, когда кругом черно-черно. У меня глаза, как у кошки. Разрешите?

Мелин колебался. С Абкайбеком Оросбаевым он шагал чуть ли не из-под Москвы. Солдат был хорошим разведчиком. Под Осовцом, помнится, ранило, не ушел с поля боя. Сегодня четыре пулеметные точки засек.

— Но... ведь даже через реку не переберешься. Немец весь лед перекромсал и сейчас обстреливает.

...До дороги Оросбаеву пришлось добираться перебежками и ползком. По дорожному кювету ползти стало несколько безопаснее, по нему он и добрался до самого берега. На месте моста торчали черные сваи. На противоположном берегу саперы, не обращая внимание на разрывы снарядов, таскали к воде бревна и доски. Один из них, заметив Абкайбека, закричал по-киргизски:

— Жат! Жат![1].

Абкайбек прижался к сваям. Рядом плюхнулась в воду мина, обдав его ледяными брызгами. Следующий разрыв прозвучал далеко позади. Абкайбек поднял голову, киргиз-сапер что-то махал ему. Наконец, он понял, что не надо лезть в воду.

— Токтой тур, токтой тур![2]— крикнул сапер и стал забивать в сваю железную скобу. Потом привязал к ней веревку, а конец с двумя скобами бросил Абкайбеку. Тут опять поблизости грохнуло, Абкайбек упал, прижимаясь лицом к гладкой обкатанной гальке. Но и на этот раз пронесло. Галькой он забил скобы, одну повыше, другую у самого основания сваи. Через скобы он продел веревку и конец ее бросил саперу. Абкайбек встал на нижнюю веревку и, держась за верхнюю, пошел над рекой.

Оросбаев не успел и руки пожать земляку, как старший из саперов заторопил:

— Байматов, хватит знакомства разводить. К ночи надо управиться.

— Откуда будешь-то?—спросил Абкайбек.

— Из Тогуз-Тороуского района.

— А я из Ленинского. Встретимся!

Обратно с термосом горячей каши артиллерист переправился нескоро: немцы яростно обстреливали реку у моста. Но веревочная

[1] Жат! — ложись (кирг.)

[2] Токтой тур — подожди (кирг.)

переправа уцелела. И вслед за Оросбаевым по ней перешел на левый берег весь первый батальон майора Котова.

Наступая с обоих плацдармов у деревень Гжибек и Грюнек, дивизия в тот же день овладела городом Оше, одним из главных стратегических пунктов на подступах к Данцигу.

Вот так с боями, чаще всего жестокими, и шла 385-я Кричевская к этому городу. Если описывать весь этот путь, он займет не одну страницу. Мы не даем здесь и батальных сцен битвы за Данциг, ибо, много сделав для освобождения его, дивизия Супрунова в последний день уступила свое место более свежей. Так бывало на войне.

И все-таки в приказе Верховного Главнокомандующего в ознаменование одержанной победы есть такая запись: «...в боях за овладение городом и крепостью Гданьск отличились войска... генерал-майора Супрунова...» Это в знак больших заслуг дивизии в битве за Данциг. И еще... в день освобождения Данцига над городом развевался флаг и 385 дивизии. Это случилось так.

...Конец марта, а солнце нисколько не греет. Ребята развели костры. Андрей Покуневич подходит к одному из них. Кружком сидят прямо на снегу молодые солдаты. Он пытается определить, есть ли среди них комсомольцы. Этого, со смешной родинкой под носом, ну прямо мини-усы, он уже где-то видел. А-а, вместе воевали в роте Харланова.

— О чем разговор?—Андрей присел на корточки в общий круг.

— Да мучает нас одна думка, товарищ комсорг,— начал солдат с родинкой.—Идем мы к Данцигу, идем давно, и по политзанятиям, и по сводкам выходит, что мы по-прежнему участвуем в уничтожении этой самой Данцигской группировки, но не получится так, товарищ комсорг, что в город мы не попадем? Обидно ведь. Старые фронтовики говорят, так уже с Минском было.

— Считаю, не должно получиться так.

Андрей посидел еще немного у костра, послушал солдатские разговоры и отправился в штаб полка. Надо было занести обещанные материалы комсоргу полка Кренделеву для отчета об участии

комсомольцев в последних наступательных боях. Штаб полка размещался в каменном доме, тут же, у леска, где горят костры третьего батальона. Дом огромный, во всех комнатах дурманящее тепло. Комсорг полка занимал чью-то бывшую спальню. Комната небольшая, даже тесная из-за письменного стола да двух широких деревянных кроватей и тумбочек к ним, но Кренделев догадался сдвинуть кровати к стенам, а тумбочки взвалить на горки красных подушек. Не очень опрятный вид, однако работать можно.

Андрей заглянул в исписанные комсоргом бумаги, Кренделев писал уже о боях за Юлиенталь. Юлиенталь—это деревушка, в которой и находился сейчас их полк.

— Юлиенталь, Юлиенталь, немец попытался облачить тебя во сталь, да не получилося,—смеется Кренделев.—Принес?

Андрей вытащил листок бумаги. «Мучился, мучился: все хороши, всех хочется отметить. Знаешь, о чем говорят комсомольцы?—И рассказал об услышанном у костра.—Вот какая проблема беспокоит моих подопечных. И я убежден, что для них это не просто слова. Придет он домой, жена или мать спросит: «А какие ты города освобождал?» — «Знамя нашей дивизии, мама, над Данцигом развевалось». Звучит?»

При этом Андрей подумал, что знамя дивизии, возможно, и будет развеваться над Данцигом, а вот хорошо бы взвить знамя полка, еще лучше—батальона! И захотелось это сделать обязательно самому. Знамя не знамя, а флаг он свободно имеет право водрузить над Данцигом. Но его еще надо из чего-то сделать.

— Скажи, Кренделев, а что если я реквизирую у тебя вот эти наволочки с подушек?

— Сам знаешь, за мародерство—расстрел.

— Да нет, мне не для личных целей, для очень-очень важных. Если хочешь, воспитательных даже. Правда, пока это тайна.

Кренделев пожал плечами.

— А зубной порошок и кисточка для красок, или хотя бы помазок для бритья найдутся?

— Возьми вон в сумке моей.

Через несколько минут со стопкой наволочек, нитками, коробкой зубного порошка и пузырьком канцелярского клея, выпрошенного у штабного писаря, Покуневич сидел в свободной комнате все того же дома и мастерил флаг.

Он получился огромным, ярким, и на нем гордо красовалось «385 Кричевская». В правом нижнем углу Андрей решил вывести: «3 сб 1266 полка», но тут громко захлопали двери дома, кто-то закричал: «Тревога!» Андрей схватил флаг, обмотал им себя, надел полушубок и тоже выбежал на улицу. Там рвались гранаты, трещали пулеметы и автоматы. Оказалось, немцы сбросили парашютный десант чуть ли не на крышу штаба полка.

Андрей бежал, куда и все — в лесок. Но вражеская пуля заметила его у корявой березки. Он ухватился за дерево, но не удержался, земля закружилась и стала уходить из-под ног.

Много позже, когда десант был перебит и защитники штаба полка стали хоронить погибших товарищей, нашли и старшего лейтенанта Покуневича, а при нем—самодельный флаг.

— Вот она, какая тайна,—сказал комсорг полка. И отдал флаг одному из членов комсомольского бюро третьего батальона. —Он хотел сам водрузить его над Данцигом, не успел. Сделай за него.

Потом было еще несколько ожесточенных сражений, еще с десяток дощечек-указателей обрели свое место экспонатов в музее Клопотовича. Среди них две с улиц прибалтийских городов Черск и Сопот, пригорода Данцига Полонкена.

30 марта пал и Данциг. Через час после этого, когда дивизия генерал-майора Супрунова проходила по городу с тем, чтобы уйти к Одеру и там повести свой последний бой, ее приветствовал красный флаг, на котором ко всеобщей радости кто-то из солдат прочитал номер своей части.

— Товарищи, смотрите, наш флаг!

И полетело:

— Наш флаг, наш флаг над Данцигом!

И у всех светлели глаза и уголки губ раскрывались в счастливой улыбке.

ЗДРАВСТВУЙ, ОДЕР!

1

Здравствуй, Одер! Мы так долго к тебе шли, что изрядно устали. Знаешь, сколько километров протопали до твоих берегов? Две тысячи. Это от Белоруссии. А если от самой Москвы!..

Темная вода, плескавшаяся у ног, казалось, понимала его и своим многоголосым языком пыталась объясниться. Не я, мол, виновата в том, что ты устал. Я была свидетельницей многих войн, и всякий раз причиной их становился человек. Вы берите пример с нашей сестры. Течем мы по всему земному шару рядом самого разного цвета. И разным происхождением не гнушаемся. Течем сначала ручейками, потом реками, озерами, морями, наконец, океанами. Океан—это сила, перед ним даже и ты, человек, пасуешь.

Халин иронически улыбнулся собственным мыслям.

— Товарищ полковник, однако, хватит,—взмолился адъютант.— Место больно нехорошее. До дамбы рукой подать, слышите, пулеметы шкварчают. Да и вся река освещается, в неровен час...

— Шкварчают, шкварчают. Слушай, Крылов, откуда у тебя такие словечки, словно ты из петровских времен пересажен в нашу эпоху?—Халин говорил беззлобно, он знал преданность адъютанта, его сыновнюю заботу о нем и очень дорожил этим.

Адъютант промолчал, ему хотелось скорее увести полковника от этой реки, перед которой испытывал необъяснимый страх. Да, это большая река, может быть, даже во много больше Москвы-реки, но очень уж похожа на двухголового дракона.

Днем, когда Крылов был со своим полковником на КП, то хорошо разглядел ее. Одер, вначале широкогрудый, здесь, у позиции их дивизии, разделялся на два рукава. Правый, у которого они только что стояли, называется Ост-Одер, а левый, изогнутый—Вест-Одер, или канал Хохензатен. Он гораздо уже и весь одет в бетон, в этакие высокие дамбы. Имеет свое название и изогнутая часть Одера—пролив Ниппервизе-Куерфарт.

Натощак и не выговоришь, думает Крылов, а дельная штука. Рыбачишь в Ост-Одере, надоело—по протоку в Вест переплыл. Людей опять же можно легко с одного берега на другой перебрасывать. Э-э, о людях-то здесь, видно, не очень думают. Почему же, скажем, мост не построить? И строить-то проще простого. Пролив с обеих сторон имеет земляные дамбы, забетонируй их—вот и двустороннее движение. Западный берег у Ост-Одера тоже в дамбе, а восточный—крутой. Штук пять железных ферм да еще одну-две через Вест— и поезжай себе из Ниппервизе в города Шведт и Фирраден.

Слева за деревьями показались какие-то фигуры. Крылов инстинктивно заслонил своего командира, вскинул автомат, однако тут же конфузливо опустил: из-за поворота на тропу вышло несколько офицеров штаба дивизии, а с ними комдив и член Военного Совета армии генерал-лейтенант Сычев.

— А вот и Халин,— сказал кто-то из офицеров.

Сычев, хотя и видел его сегодня, протянул руку:

— На партактив? Да, пора. А мы от вас прошли в другие полки.

Актив проходил в Керберге, это от реки с километр лесом, который носил одноименное с поселком название. Здесь располагался штаб дивизии и артиллеристы 948 полка.

Сычев говорил немногословно и предельно ясно:

— С севера на помощь берлинской группировке противника спешат недобитые армии Гитлера. Надо помешать им соединиться.

Это и возложено на наш фронт. В полосе 49 армии вы начинаете операцию первыми. Ваша задача, преодолев Восточный Одер, очистить от противника пойму (между обоими рукавами реки был широкий заливной луг, затопленный водой от таяния снега; снег почти сошел и лишь отдельными пятнами белел кое-где), выйти к Западному Одеру и обеспечить тем самым развертывание остальных войск для форсирования.

...Началась подготовка к форсированию реки. Полки провели разведку, политотдел, как всегда перед большим сражением, организовал в частях митинги. Сычев выступал на всех, в 1266-м он прикрепил к боевому знамени орден Красной Звезды.

Форсирование намечалось на 17 апреля. Накануне ночью батальоны, которым предстояло идти в голове дивизии, бесшумно стягивались к реке. Солдаты курили в кулак и шепотом переговаривались:

— Не забывает нас батя.

— А как же, Супрунов знает, на докучаевцев можно положиться. Кто первым Днепр форсировал? Мы.

— Да какие вы докучаевцы, если комбат у вас Воронцов?

— Ну и что? Он недавно у нас. Мы, правда, и против него ничего не имеем, дело свое знает. А у вас, слыхали, Найденов?

— Он и прежде был нашим, еще задолго до Басамыкина.

— А тот что же?

— Переместили, первым батальоном командует.

— Вторые батальоны 1266 и 1268 полков первыми ринулись в воды Одера—как мелодия!

— Будет тебе мелодия там, на дамбе. Немец, поди, полный оркестр подготовил для встречи.

— Передай по цепочке: без единого выстрела—до самой дамбы.

На высоком берегу пути батальонов расходились. Для 1266 полка лодки и амфибии находились в кустах у развалин кирпичного завода поселка Ниппервизе, для полка 1268—много правее, на песчаной косе, как раз напротив КП командира дивизии—с одной стороны и города Фиррадена—с другой.

Майору Найденову не нравилось это место. Хотя ночной туман густым саваном покрыл всю реку и пойму, комбату казалось, что его солдаты на виду у фашистов: коса-то голая. Майор не давал команды садиться в лодки, он слушал врага. А тот изъяснялся с ним редкими пулеметными очередями.

Найденов выжидал, Воронцов был в пути, а Супрунов нервничал. Волнение комдива передалось всем, кто находился на КП, в том числе и Михайлову.

— Еще раз запросите командиров полков,—приказал он связистам.

Нестеров сказал, что он уточняет, начата ли переправа.

— Чего уточнять?—закипятился начальник политотдела.—Я сам пойду туда.

Берег был крутой, но сбоку от КП сбегал к воде овражек. Полковник бросился по нему к реке.

— Почему до сих пор на берегу?—набросился он на Найденова.—Поплыли.—И прыгнул в одну из лодок.

Бойцы сторожко вглядывались в наплывающую дамбу. Однако немцев на ней не было, еще вечером они отошли за пойму и на обе дамбы пролива. Бойцы благополучно перетащили лодки через дамбу Ост-Одера и поплыли по пойме. Но лодки вскоре пришлось оставить: грести мешали островки ила и ивняк.

Батальон постепенно забирал влево: ему предстояло штурмовать северную дамбу пролива с фланга, в лоб же на нее шла штрафная рота, южную дамбу приказано захватить 2 батальону 1266 полка.

Комполка Нестеров с берега без конца запрашивал, добрался ли до места Найденов, но тот всякий раз отвечал, что пока нет. «Правильно, пожалуй,— подумал Михайлов,—ведь не окопались еще». А окопаться на территории поймы—сложнее дела не придумаешь. Михайлов предложил комбату разбить людей на два отряда. Один развернуть фронтом к Вест-Одеру—на случай, если фашисты вздумают их окружить. С заслоном полковник останется сам. Другой, штурмовой, во главе с Найденовым, оседлает острова вдоль пролива.

Вскоре из штрафной роты доложили, что она готова к штурму.
— Ну что ж, начнем,— ответил Найденов.

2

Второй батальон майора Воронцова форсировал Ост-Одер левее поселка Ниппервизе. Комбат не хотел рисковать и направлял через реку роты поочередно. Когда четвертая стрелковая старшего лейтенанта Мохова достигла западного берега, в воду столкнули свои лодки вторая пулеметная, за ней—минометная.

Что делать, все знали заранее: четвертая штурмует дамбу в непосредственной близости от канала, там, где шлюз и домик мелиоратора; пулеметчики и минометчики захватывают два водопропускных моста правее Мохова. Таким образом, все три роты вместе связывали действия немецких частей, находящихся в этом районе, и отрезали путь к отступлению тем, что сидели на южной дамбе пролива.

Дальше, по мнению командира полка полковника Коновалова—план принадлежал ему—все решала оперативность подкрепления. В качестве этого подкрепления Воронцову придет батальон Любанова.

Воронцов очень хорошо знал: бой порою так откорректирует план, что и родной отец не узнает. Вот сейчас по плану Мохов должен уже докладывать, что прибыл к дамбе, а он молчит. Воронцов напряженно вглядывается вдаль, хотя увидеть, конечно, ничего не может: ночь, река широкая. Немецкие «фонари» к Ниппервизе не долетают, они все больше пойму освещают.

Вот опять фрицы развешивают новые «светильники». Почему-то выбросили за один раз больше обычного. Прожекторы включили. Пулеметы прочесывают пойму. И артиллерия заработала.

— Четвертый, четвертый!

Но Мохов молчал.

3

Следом за Найденовым Нестеров пустил через Ост-Одер батальон Басамыкина. Он был еще в пути, когда штрафная рота начала

штурм северной дамбы пролива. И хотя Найденов со своими бойцами в ту же минуту ринулся в бой, фашисты обрушили на реку сильный огонь. Он вынудил повернуть первый батальон. Лишь одной из лодок на левом фланге, в которой находились пулеметчики взвода младшего лейтенанта Жданова[1]: командир расчета старший сержант Бучко, рядовые наводчик Латкин, его помощник Исаев и подносчик патронов Зеленченко,—удалось пробраться в пойму. Четверка храбрецов установила «максим» и сумела выкурить немецкого пулеметчика из-под первого водопропускного моста.

Лишившись пулемета, немецкая пехота отступила, взорвав мост, а с ним и часть штрафной роты. Она, не сумев окопаться, несла большие потери. Попытки Найденова соединиться с этой ротой не увенчались успехом: противник огнем держал его на солидной дистанции от дамбы и не давал ни на шаг податься влево. И только расчет Бучко стойко заполнял вакуум между обоими штурмующими подразделениями. Оценив ситуацию, фашисты изолировали четверых пулеметчиков от их товарищей, а главный удар сосредоточили против поднявшихся на дамбу.

Огонь противника был очень густым. К тому времени тяжело ранило Бучко, Исаева и Зеленченко. Наводчик Латкин остался один и, чтобы фрицы не поняли это, запел «Катюшу». Он кончал ее и снова начинал с первого куплета. Он не прервал песни и когда пулей оторвало палец руки, и когда осколки мины впились в кости обеих ног, лишь голос его немного дрожал. Постепенно силы оставляли бойца, а он по капле находил их, заставляя себя петь, и стрелял, стрелял, стрелял по все более расплывающимся фигурам на верху дамбы. Вечером Сергея Латкина нашли бойцы батальона Найденова. Жизнь едва теплилась в обескровленном и почти потерявшем вес пулеметчике. Найденов велел своим связисткам Ане Громовой и Нине Портновой оказать раненым первую помощь, а сам с адъютантом принялся рыть щель и устраивать НП под взорванным мостом.

[1] *Жданов Петр Назарович,* командир первого взвода первой пульроты. После войны жил в городе Новосибирске, недавно умер.

Появился майор Басамыкин в сопровождении связистов. Его батальон все-таки одолел и Ост-Одер, и пойму, правда, для этого пришлось сделать солидный крюк по реке.

Связистки радостно приветствовали соседей, и особенно подругу Нину Кузнецову, веселую блондинку с кудряшками, все время выбивавшимися из-под пилотки. Она бросилась обнимать Портнову. Хотя они служили в одном полку, но после Бишофсбурга не виделись: Портнова там была ранена и только недавно вернулась из госпиталя. К артиллеристам не пошла—на батарее Гилунова были все новые, сам он погиб у Данцига—упросила командование полка послать во второй батальон.

Связь батальонного НП с ротами оказалась непрочной, Аня первой выскочила на линию, сделала несколько шагов и, застонав, упала на катушку с проводом. Портнова и комбат подняли девушку, по лицу ее бежала кровь.

— В голову попали, изверги,— проворчал Найденов и, повернувшись к Портновой, приказал.— Чтоб мне без каски ни-ни...

Он еще что-то добавил за ее спиной, она не расслышала, так пронзительно свистели кругом пули и снаряды. В ровике их НП было тише, куда тише. К черту страх! Вперед, только вперед, вон до того частокола, там, если и не найду порыв, немного отдохну.

Она доползла до намеченного ориентира, и нервная дрожь охватила ее. То, что она издалека приняла за вбитые колья, оказалось винтовками, воткнутыми в землю штыками. К каждой из них прислонены были погибшие солдаты. Площадка суши небольшая, и тот, кто перенес их сюда, экономил на сантиметрах. Он посадил погибших по кругу спина к спине, но они не уместились, и тогда остальных он положил на колени их товарищей. Так они оказались словно бы в круговой обороне. Как на Караулке.

Когда-то в детстве она читала книгу о красноармейском отряде. Засев на одной высоте, он неделю сдерживал натиск белогвардейцев, рвавшихся к маленькому городку на Востоке страны. Красных было двадцать человек, они все погибли на той сопке, которую с тех пор люди называют Караулкой, стерегущей советскую власть.

Генерал-майор в отставке Супрунов Митрофан Федорович.

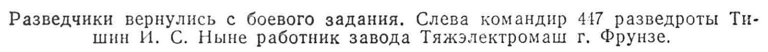
Полковник в отставке Михайлов Алексей Михайлович

Герой Советского Союза полковник Левин Г. М. был одно время командиром 1270, 1268 полков. Пенсионер. г. Барнаул.

Комсорг-пулеметчик второй роты первого батальона 1268 полка Ибраев И. Работает в органах МВД Киргизии.

Разведчики вернулись с боевого задания. Слева командир 447 разведроты Тишин И. С. Ныне работник завода Тяжэлектромаш г. Фрунзе.

Лейтенант Курбаналиев А. (первый ряд, третий справа) со своим взводом. Октябрь 1941 года.

Полный кавалер ордена Славы сапер старшина Баранов С. И., ныне пенсионер, г. Кинешма.

Секретарь партбюро 1268 полка майор Султанов М. С.

Командир взвода управления 948 артполка ст. лейтенант Саранча Г. В., ныне председатель совета ветеранов дивизии.

Они служили в медсанбате: медсестры Удалова-Батлук А. Н., Малышева Н. И., Чернова Е. Т. и Груздева А. С. Живут во Фрунзе.

Военфельдшер медсанбата Безрядина Т. И. Живет во Фрунзе.

Артиллерист, а ныне нормировщик геологоразведочной партии поселка Дарваза Туркменской ССР Наринбаев У.

Разведчик 447 разведроты сержант Епишев Д. А., живет в г. Москве.

1944 год. Политотдел дивизии. Слева направо, первый ряд: майор Клопотович М. П., ст. лейтенант Пастушенко Н. З., майор Марковец С. П.: второй ряд: майор Коротюк С. А., зам. начальника политотдела подполковник Карнаух С. А., полковник Михайлов А. М., майор Дындиков Е. С., писарь сержант Мухамедьяров, шофер ст. сержант Кухтин А. С., третий ряд: майор Шундрин В. Е., фотограф Вильчинский Л. И., ст. инструктор капитан Бакман Ш. Н., ст. писарь сержант Замазий Г. Ф., инструктор капитан Рудников, литсотрудник дивизионки ст. лейтенант Агранович Е. Д., инструктор капитан Акимов, фамилия крайнего неизвестна.

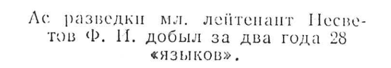

Командир взвода мл. лейтенант Коломиец А. С., повторивший подвиг Матросова.

Сентябрь 1944 года. Польша, (слева направо) первый ряд: фамилия первого неизвестна, командир 121 стрелкового корпуса 49 армии генерал-майор Смирнов, полковник Супрунов, его зам. по строевой подготовке полковник Дудников, полковник Халин А. Ф.; второй ряд: командир 1266 полка подполковник Коновалов Ф. В., нач. артиллерии дивизии подполковник Шлейников, майор Тарусин А. В., фамилия неизвестна, подполковник Тимошенко Ф. И.

Ас разведки мл. лейтенант Несветов Ф. И. добыл за два года 28 «языков».

Герои Советского Союза (слева направо) рядовой Висящев А. И., сержант Чещарин И. В. (живет в г. Моршанске), сержант Шаров М. И., мл. лейтенант Жудов И. Е. (погиб в Польше).

Первый в дивизии кавалер ордена Александра Невского командир взвода 1268 полка лейтенант Давыдов М. И.

Герои боев на реке Шварцвассер (справа налево) первый ряд: майоры Макунин А. М., Волков Ф. П. (замполит полка), фамилия неизвестна, майор Басамыкин М. М., второй ряд: лейтенант Чесалин П. Ф., капитан Обухов Д. А., ст. лейтенант Мукарамходжаев А., ст. лейтенант Сагидулин А. М., капитан Яковлев; третий ряд: сержант Дмитриев.

Герои Советского Союза: комбат 1266 полка Докучаев М. П. и командир саперной роты капитан Волков М. Е. у знамени дивизии.

Момент вручения дивизии орденов Красного Знамени и Суворова II степени (24 мая 1945 года)

Провод перебило в нескольких местах снарядами. Связав концы, Нина поползла обратно, однако, взглянув в воспаленные и злые глаза комбата, она поняла: все придется начинать сначала.

Иногда, прижимаясь телом к какому-нибудь песчаному бугорку, Портнова мельком видела впереди или позади себя белые кудряшки Кузнецовой. Во рву, где располагались их НП, они почти не встречались, лишь один раз, уходя на устранение очередного порыва, Нина наткнулась на Кузнецову. Та сидела в конце ровика, вытянув ноги, как тяжело уставший человек. .

— Тезка, убери ноги, а то наступлю,— пошутила Нина. Кузнецова и словом не ответила.

— Кузнецова, мешаешь же,— сказал и Басамыкин.—Ах, ты...

Это «ах, ты...» заставило Нину обернуться. Басамыкин приподнял Кузнецову, голова той безжизненно склонилась к земле. И всю дорогу до места порыва Нину занимала нелепая мысль: куда попала пуля Кузнецовой. Больше всего на свете Портнова боялась раны в живот—такие муки. Да и в голову не лучше, вон Аня как страдает.

У ее Караулки были люди, грязные, мокрые. Нет, они не пришли за лежащими здесь, они пробирались на НП майора Басамыкина. Не знает ли боец, где это? Ну, конечно же, знает. И их она узнала—командир полка и начальник политотдела дивизии.

4

Прожекторы упрямо преследовали их. Вода в озерцах, что были вокруг, сначала закипела, потом начала выплескиваться. Связи с комбатом не стало. Лежать было и холодно, и не менее опасно, Мохов поднял роту. Позади, поддерживая его, минометчики кинули через канал несколько шипящих «огурцов». Правее ощупывали дамбу «максимы».

Мохов бежал, падал и снова бежал. Все внимание его было у одинокого домика с зубчатыми стенами и без крыши. Похоже, пулемета в нем нет, там что-то вроде маяка. Сейчас мы «застеклим» этот

прожектор. Мохов ударил прицельно из автомата по слепящему пятну, наступила темнота, и в ней он попал в лужу. Рядом что-то квакнуло. Он умел отличить этот звук немецкой мины от других и прыгнул от него в сторону, но осколок нашел его и там.

Несколько солдат бросились к ротному.

— Вперед, вперед, ребята, наши позади, они поддержат.

Он не знал, что пулеметная и автоматная роты через пятнадцать минут сами окажутся в положении пуговицы, которую просунули в петлю, и Воронцов вынужден будет посадить в амфибии пятую роту—свой резерв—и плыть с ним на помощь. Но заградительный огонь немцев на реке был такой силы, что из всей пятой роты в пойму перебрался лишь первый взвод младшего лейтенанта Чернышова да раненый Воронцов.

Истекающий кровью комбат пытался наладить атаку на дамбу, но она ершилась множеством пулеметов и пушек. Связи с полком не было, радисты погибли. Оставалась только ракетница.

Коновалов на его призыв о помощи откликнулся сразу же, но немецкие самолеты, ежесекундно охотившиеся за каждой лодкой, не дали форсировать первому батальону Ост-Одер ни утром, ни днем. Только глубокой ночью Любанов со своими ротами достиг поймы. В ней еще вели бой семь человек из батальона Воронцова. Израненные, голодные, обессиленные, они много раз поднимались на дамбу, а удержать ее не смогли. Батальону Любанова пришлось начинать штурм дамбы заново. К утру ему удалось взобраться на небольшой, совсем крохотный участок её.

5

— Так взял или не взял дамбу?

— Ну, зацепился.

— То, что подлежит взятию, не есть взятое! Я думал, вам, подполковник Коновалов, пойдет впрок тот урок под Чаусами, оказывается, ошибся.— При этих словах присутствовавшие на совещании вспомнили бой за белорусскую деревеньку на подступах к Чаусам. Его вел 1266 полк. Оставалось выбить немцев из двух домов на ок-

раине, Коновалов решил, что исход уже ясен и отрапортовал по телефону комдиву, что деревню взял. А Супрунов видел все со своего НП. Полк, конечно, освободил ту деревню, она потом стала плацдармом для дальнейшего наступления почти всей армии. Коновалову полагался орден, да Супрунов отказался подписать реляцию.— Какой вы к черту командир полка, если дезинформируете командование дивизии, если не научились беречь людей, если устраиваете самосуд над ними, если...

Впервые видели Супрунова в такой ярости. Обычно сдержанный, теперь он не подбирал слова и, видимо, решил выдать Коновалову за все. А тот топтался у стола растерянный и какой-то помятый, как фуражка, что держал в руках.

И вдруг Супрунову стало жалко его. Не он ли всегда говорил, что подполковник Коновалов у Ломжи воевал по уму. А Мазурские озера, разве их можно списать?

— Ну хорошо. Я намеревался отстранить вас от командования полком... Штурмовать же дамбу дальше 1266-му не разрешу, это честь не для проваливших атаку. Будете вместе с тыловиками лес на плоты заготавливать, дороги в порядок приводить.

Такого поворота никто не ожидал. Для Коновалова, боевого офицера, всю войну проведшего на передовой, худшего наказания нельзя было и придумать.

— Я, я кровью искуплю свою вину, полк завтра же возьмет эту дамбу...

— У меня к вам больше ничего нет.

Коновалов, горбясь, пошел к выходу, а Супрунов с неменьшим гневом обрушился на комполка артиллерии майора Лебедева, что тот недостаточно энергично поддерживает стрелков огнем. Лебедев упорно оправдывался, говорил о больших потерях в полку, о том, что еще с Мазурских озер вышла из строя половина орудий, а поступления так и не было. Надо просить корпус, пусть подбросит какой-нибудь артполк, а еще лучше самолетов...

Супрунов и сам думал об этом. Еще во время приезда Сычева зондировал почву, да тот уклонился от ответа. А самолеты были бы

сейчас в самый раз — и разведка доносит, и по сопротивлению чувствуется — стянули фрицы в этот район дополнительные подразделения. Попросить недолго, да, может быть, эти самые самолеты где-нибудь в другом месте нужнее. Мучимый сомнениями, Супрунов после совещания долго расхаживал по комнате штаба. Обдумывать на ходу стало привычкой после Белоруссии, когда штаб дивизии все чаще размещался не в землянках, а просторных домах городов. В Керберге хозяйственники заняли под штаб дивизии чей-то замок. Супрунов облюбовал в нем боковую комнату. Окна её смотрели на две стороны, с одной ему хорошо был виден парадный подъезд, с другой—маленький садик с цветником.

Он иногда любовался цветником и вспоминал свое родное село в Воронежской области. В нем стояла старенькая церквушка с таким же цветником во дворе. В той церкви его крестили, и древний, уже без зубов дед, отец его отца, сказал, что Митроха пойдет по его линии—конюхом. Но дед ошибся, внук стал генералом.

М-да, так просить или не просить?

Пока он боролся со своей нерешительностью, командир корпуса позвонил первым.

— Как дела? Слышал, Коновалова почистил?

— Было немного.

— Правильно, этому «анархисту» такая встряска пойдет на пользу.— Терентьев на том конце провода хмыкнул.— А какие изменения на дамбах за последнее время?

— Северную Нестеров очистил всю; на южную полк Халина пустил. Дайте еще сутки и, если можно, самолеты...

— Нет, Митрофан Федорович, суток я тебе подарить не могу, у меня всего лишь двадцать часов в запасе. А самолеты жди к утру. Командующий армии сам предложил.

6

Полк Халина получил приказ сменить 1266 в первой половине ночи. Апрельская ночь выдалась темной и грозовой. Раскаты грома

сливались с оглушительной перестрелкой пушек и от этого, усиливаясь многократно, заставляли людей жаться к днищам лодок.

Пахло гарью, дым ел глаза. Гарь шла снизу по реке, там, где-то у Фиддихова, немецким артиллеристам удалось поджечь склад с новым обмундированием на ожидаемое пополнение. А дым — от своей же неудачно сработанной дымовой завесы. Пиротехники не учли изменившегося направления ветра. И сейчас дым только мешал.

Полковник Халин видел все это с берега, видел и хмурился. Правда, он понимал, что причиной его раздражения являются не только ошибка пиротехников и дрянная ночь, выбранная для переправы. О готовящемся приказе сменить 1266 полк ему сказал Супрунов вечером, когда закончилось совещание по коноваловскому вопросу.

— Поднимешься на дамбу и завязывай бой. Тебе надо к утру очистить ее. А утром дают самолеты, так что начнем форсировать Вест-Одер.

Возвратясь с совещания на КП, Халин включил, как всегда перед боем, самодельный радиоприемник, но тот молчал: наверное, что-то с лампами. Такое могло случиться в любой день, в том числе и в этот, но на душе стало как-то скверно. Он накричал на Крылова, а теперь мучался от сознания, что зря обидел адъютанта, который тут же отнес радиоприемник в мастерскую связистов и тоже ходил пасмурным.

— Поймы достиг последний батальон майора Котова,— подойдя к командиру полка, доложил первый помощник начальника штаба майор Урянский.

— Медленно! Медленно! Передай ему, что он должен быть уже на исходной, чтобы наступать на дом мелиоратора, а он...

— Радирует, немцы перекрестным огнем встречают, пулеметов много на пути.

— Подущак! Почему твои орудия не обработали участок за домом мелиоратора? Ты смотри мне, чтоб артиллерия...

— Да не сомневайтесь, товарищ полковник.— Помощник командира полка по артиллерии весело прищелкнул.— Как часы!

Подущак был удивительной натуры человек. Сколько знал его Халин, а они воевали вместе чуть ли ни с Белоруссии, обидеть или обидеться на него было просто невозможно.

На командный пункт позвонил замполит полка майор Назаров[1].

— Если нужен буду, ищите во втором батальоне.

— Ладно. Я тоже здесь не надолго, вот закончат саперы мой НП и переберусь. Как там у вас?

— Свирепствует фриц. Да только теперь его меньше слышно — наша артиллерия заработала. Я должен торопиться, комбаты поднимают батальоны в атаку. Так до встречи на дамбе.

— До встречи.

Наблюдательный пункт, о котором говорил Халин, строился на пойме, но к трем часам ночи полк очистил более двух километров дамбы, и Халин занял бывший батальонный НП, как раз посредине земляной насыпи, под водопропускным мостом.

Полк был впереди НП примерно метрах в восьмистах, он располагался на дамбе и на островах левой поймы. Противник, наверное, хорошо видел все действия его, потому что огонь с западного берега ложился достаточно точно. «И все-таки одну голову дракону, как называет Одер Крылов, мы отсекли,—подумал Халин, глядя назад.— Очередь за другой».

Его мысли прервал Урянский.

— Комбат Котов сообщает о взятии домика мелиоратора, даже флаг вывесил.

— Отлично. Теперь все внимание дамбе, и готовить лодки, плоты.

---

[1] *Назаров Василий Михайлович* всего несколько дней назад прибыл с высших курсов Всеармейских политработников, заменил врио замполита капитана Чертенкова, который был к тому же еще и парторгом полка.

В полночь прибыл представитель летчиков. А следом за ним появились комдивы соседних дивизий. Их частям предстояло развить тот успех, которого в случае удачи, добьется 385-я в сегодняшнем наступлении.

Супрунов встречал гостей с удовольствием:

— Обе дамбы взяты, так что все готово к форсированию.

К пяти часам утра пойму по обе стороны от пролива Ниппервизе-Куерфарт заполнили две соседние дивизии. Супрунов, чтобы быть поближе к своим орлам, перенес наблюдательный пункт на северную дамбу. И уже отсюда представитель летчиков вызвал самолеты. Они прилетели со стороны Керберга одновременно с началом артобработки немецких позиций. Через десять минут генерал подал команду садиться на плоты и лодки.

Из Шведта, скорее, из его пригорода Монплезира ударили уцелевшие немецкие батареи. Они били по переправе и дамбам. Трудно сказать, каким был тот снаряд по счету, что упал на южную дамбу, но он оказался роковым для Халина и всех находившихся с ним. Супрунов понял это, когда над НП 1270-го взметнулся столб пыли и дыма. Связь с полком прервалась. Комдив приказал связистам запрашивать открытым кодом майора Назарова. Тот отозвался из батальона, ведущего переправу.

— Товарищ генерал-майор, в НП полка прямое попадание, убиты полковник Халин, майоры Подущак и Урянский, связисты, а также адъютант командира полка лейтенант Крылов[1].

— Видел. Примите временно командование полком, пока не пришлю кого-нибудь из штаба.

---

[1] *Урянский Андрей Кузьмич* родом из Брянской области, там и окончил Военно-политическое училище.

Крылов Василий Александрович живет в Калининской области. Да, его ошибочно зачислили в погибшие. Сильно контуженный, он был выброшен взрывной волной на земляной откос дамбы.

Подущак Константин Григорьевич на фронт прибыл из Подольского района Московской области.

Словно почувствовав, что полк без управления, немцы больше всего сосредоточили огня против левого фланга наступающих. С каждой минутой число пушек, вступающих в действие со стороны противника, прибавлялось.

— Накрыть, накрыть! — яростно призывал своих голубков представитель летчиков.

Дивизионная артиллерия работала с такой нагрузкой, что на нескольких батареях получилось вздутие стволов орудий.

Нестеров продолжал упорно продвигаться вперед, хотя фашисты и сожгли у него фаустпатронами с десяток лодок. В 1270-м по-прежнему ощущалось отсутствие командования: полк как-то робко и недружно вышел на воду.

— Алексей Михайлович,— Супрунов обратился к полковнику Михайлову.— Сейчас все внимание 1270-му. Я дам команду своему заместителю, прихватите из оперативников и артиллеристов когонибудь. Словом, все вместе поезжайте туда и организуйте форсирование.

С полчаса на Одере было без перемен. Потом две или три лодки одновременно прорвались к бетонному западному берегу, зацепились. Под их прикрытием веселее поплыли другие.

— Оказывается, сволочи нацистские приковали цепями к бетонке своих пулеметчиков и фаустников,— позвонил Михайлов с берега.

Когда форсировавшую Вест-Одер дивизию сменили другие и пришла пора Супрунову перебираться следом, он заскочил попутно на южную дамбу. На том месте, где еще недавно находился НП Халина, зияла воронка. На краю её стоял солдат-связист, в руках у него был ящик с полевым телефоном.

— Что же это ты, товарищ солдат, делаешь здесь, другие-то уже на той стороне? — спросил его генерал.

— Наша радиомастерская пока в Керберге,— ответил связист и назвал себя.— А пришел сюда, потому как адъютант полковника Халина просил радиоприемник исправить.— Солдат откинул крышку ящика из-под телефона, вытащил какой-то стальной стерженек, служивший, должно быть, антенной, и послышалась морзянка.— Исправил, а доставить хозяину, значит, опоздал.

— Да, брат, опоздал.

Вдруг в приемнике что-то щелкнуло и заговорила Москва. Передавалось утреннее сообщение Совинформбюро о том, что в районе города Шведт Н-ской частью 2-го Белорусского фронта успешно форсирован Одер.

— О нас! — удивился солдат.

— О нас,— сказал генерал и пожал ему руку.

В этот же день 385 дивизия, сев на танки, спешно направилась в район деревни Дадов, предполагалось, что немецкие части, не сумевшие пробиться к Берлину, постараются где-то здесь сдаться американцам.

— В случае встречи с американской армией последняя даст знать о себе красными ракетами,— предупредил комдив подполковника Нестерова, чей полк шел в авангарде дивизии.— Ответишь тем же.

Третьего мая, еще не въехав в Дадов, разведчики Нестерова доложили:

— Впереди сплошное зарево от ракет.

Нестеров обрадованно велел связать его с комдивом.

— Товарищ генерал-майор, прямо по курсу союзники, даю ракеты.

— Давай, давай, выезжаю.

Однако выехать тот же час Супрунову не удалось. Он решил, что по такому случаю советский воин должен быть при всех регалиях и в самой лучшей форме. Все принялись наводить лоск на свою одежду, искали фуражки, которые неожиданно оказались дефицитными.

Когда весь штаб дивизии, разместившись в «студебеккере» и двух «виллисах» приехал в Дадов, танки 8-го механизированного корпуса трудно было узнать: они пестрели тысячами надписей и разношерстностью солдатской одежды. Тут были и черные комбинезоны, и зе-

леные гимнастерки, и кители цвета хаки. Рядом с танком Нестерова стоял «виллис» с американскими опознавательными знаками. В нем сидели, беседуя, Нестеров и полковник союзников.

— Командир полка Белинзли,— козырнул последний Супрунову и очень старательно пожал руку.— Мой шеф, генерал Гавен, командир 82 авиадесантной дивизии, приглашает вас в гости по случаю столь приятной встречи двух союзных армий.

В Дадове 385-я простояла четыре дня, и все они были заполнены различными формальностями, разговорами и даже дискуссиями с американцами. Одна из них возникла самым неожиданным образом.

Дело было утром. Супрунов и Михайлов принимали американцев с ответным визитом. Из окна дома, где размещался штаб дивизии, хорошо просматривалась улица. На ней стояли грузовая машина и солдатская кухня. Возле той и другой — по цепочке жителей. Четыре солдата раздавали хлеб и наливали из котла по нескольку поварешек супа.

Один из гостей сказал удивленно:

— Вас, русских, трудно понять. Вы жизнерадостны, вы кормите своих бывших врагов и говорите, что война больше всех принесла вам страданий.

Михайлов и Супрунов переглянулись, как бы молча договариваясь, кто из них ответит.

— Да, для нас эта война была трагедией,— начал начальник политотдела.— Мы действительно дороже вас и всех остальных народов заплатили за пребывание на земле бациллы по имени фашизм. Но мы знаем также, что сам немецкий народ не был тем лаборантом, который выращивал эту бациллу. А жизнерадостны? Такие уж мы, русские. Если хотите, во время нынешней жесточайшей войны у нас в Союзе заложена особая порода людей. Она будет еще лучше, ещё жизнерадостнее, ещё мудрее, красивее телом и душой. Ведь ради их счастья отдано столько жизней.

Американец, вначале всем своим видом показывающий, что лишь

из снисхождения слушает русскую пропаганду, под конец перестал улыбаться, задумался о чем-то...

День Победы дивизия встречала в небольшом германском городке Грабове. Берлин был рядом, многим захотелось поехать туда к Рейхстагу, Бранденбургским воротам, чтобы оставить на них свои визитки.

★

ЭПИЛОГ

Дни заторопили события. 24 мая в дивизию опять приехал генерал-лейтенант Сычев, он прикрепил к дивизионному знамени кричевцев два ордена — Красного Знамени и Суворова 2 степени.

В июне начались проводы по домам «старичков», а за ними уехали в Киргизию, Казахстан, Туркмению и другие республики все воины 385-й, кому вышел срок службы. Она, как и большинство других дивизий, по решению правительства была расформирована с тем, чтобы вести наступление теперь уже на трудовом фронте.

Ну, а что же с нашими героями? Какова их дальнейшая судьба?

Генерал-майор Супрунов сразу же после войны был назначен начальником Управления комендатур Хелмницкого округа, с 1950 года по 1954 был военным советником в Китае, а затем в течение ряда лет преподавал на курсах — сбылась-таки его фронтовая мечта.

Сейчас Митрофан Федорович в отставке, живет в Москве.

Его боевой соратник полковник Алексей Михайлович Михайлов первые десять послевоенных лет провел военным советником в Румынии. Теперь тоже в отставке и тоже в Москве.

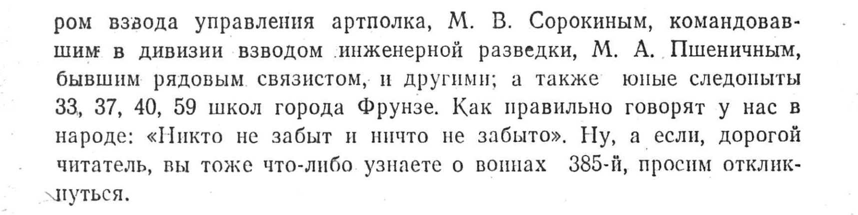
Там, кстати, немало живет ветеранов дивизии. Алексей Михайлович Хламов — работник Госплана; Герои Советского Союза Александр Иванович Висящев, Михаил Павлович Докучаев; бывший агитатор политотдела Василий Ильич Мигачев, связистка Нина Самойловна Портнова, отчаянный репетуновский взводный Михаил Иванович Давыдов. После описанного в книге боя он почти пять лет провел в госпиталях и все-таки выкарабкался, сейчас работает строителем. Так что, когда вы восхищаетесь современной похорошевшей столицей нашей Родины, помните, есть в этом скромный вклад и его.

Дмитрий Петрович Чертенков живет в Омске и работает на химзаводе главбухом. Александр Фомич Кулик учительствует на Алтае и по-прежнему пишет стихи. Сергей Васильевич Латкин — фотограф быткомбината села Частые Пермской области. Во Фрунзе живет Мухамет Султанович Султанов. Продолжительное время после демобилизации он был на руководящей партийной работе — в ЦК КП Киргизии, Кочкорском райкоме партии, сейчас — в сфере снабжения. Василий Евдокимович Шундрин до 1970 года работал заместителем редактора «Советской Киргизии», ныне на заслуженном отдыхе.

Во Фрунзе же почти двадцать послевоенных лет бессменно возглавлял комитет ДОСААРМ Павел Владимирович Бычков. К сожалению, сегодня любимца дивизии нет среди ее ветеранов, несколько лет назад он скончался от тяжелого недуга.

Нет в живых Вани Типикина, председателя колхоза села Старо-Челищево Тамбовской области; полковника в отставке Федора Васильевича Коновалова, фрунзенца; подполковника в отставке Дмитрия Товкеса из Белгород-Днестровска. Нет многих. Но оставшиеся в живых по-прежнему не пасуют перед трудностями, работают, творят, воспитывают детей и внуков достойными преемниками своих отцов и дедов. Недавно мы получили письмо от сына Евгения Александровича Камбулина — Владимира. Он продолжил гражданское дело отца, стал зоологом и тоже ученым в городе юности Евгения Александровича Алма-Ате. А сын Лоханиных, помните Веру Попкову и Лоханина — военнослужащий.

Вот и настало время ставить точку нашему повествованию о славной семье 385 Кричевской стрелковой дивизии. Мы знаем, далеко не обо всех, о ком бы следовало рассказать, поведали в нем, не все имена героев сумели расшифровать, но надеемся сделать в будущем. Есть у нас в этом деле теперь хорошие помощники — совет ветеранов дивизии во главе с Г. В. Саранчой, бывшим команди-

ром взвода управления артполка, М. В. Сорокиным, командовавшим в дивизии взводом инженерной разведки, М. А. Пшеничным, бывшим рядовым связистом, и другими; а также юные следопыты 33, 37, 40, 59 школ города Фрунзе. Как правильно говорят у нас в народе: «Никто не забыт и ничто не забыто». Ну, а если, дорогой читатель, вы тоже что-либо узнаете о воинах 385-й, просим откликнуться.

СОДЕРЖАНИЕ